

Н.Д. ТАРАКАНОВ

ЧЕРН БЫЛЬСКИЕ
ЗАПИСКИ,

или раздумья
о нравственности

Н. Д. ТАРАКАНОВ

**ЧЕРНОБЫЛЬСКИЕ ЗАПИСКИ
или
раздумья
о
нравственности**

МОСКВА
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1989

Редактор *О. А. Бобраков*

Тараканов Н. Д.

Чернобыльские записки, или Раздумья о нравственности.

М.: Воениздат, 1989. — 208 с.

Автор — один из руководителей и непосредственный участник работ в особо опасных зонах, возникших после аварии на Чернобыльской АЭС, рассказывает о героизме советских людей, воинов Вооруженных Сил, проявленном в ходе ликвидации последствий аварии. Вместе с тем он делится с читателями раздумьями о причинах нравственного характера, способствовавших аварии и усугублению ее последствий, раскрывает моральный облик совершивших должностные преступления и их пособников,

Книга рассчитана на массового читателя,

© Воениздат, 1989

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Набирала силу весна. В первые теплые дни после зимы мы с товарищами по штабу гражданской обороны решили выехать за город, на садовые участки. Прогноз погоды обещал в ночь на 26 апреля приличные заморозки. И вот почти всю ночь напролет мы жгли солому, пытались спасти деревья. Разумеется, никто из нас не мог предположить, что в эту же роковую ночь за сотни километров от Москвы произошла страшная беда, которая практически отразилась на каждом из нас. Авария в Чернобыле болью отозвалась в сердцах миллионов. Но мы пока еще ничего не знали.

Для нас все началось с пронзительного телефонного звонка из Москвы. Комендант дачного поселка, участник Великой Отечественной войны, сапер 62-й армии маршала Чуйкова Журавлев М. И., который в жаркие дни Сталинграда под градом пуль и снарядов обеспечивал переправу через Волгу, бегал теперь по офицерам и генералам и передавал всем, что объявлен «Сбор», а для чего он — естественно, не знал.

В общем-то в этом не было ничего необычного. Офицеров гражданской обороны вызывают на службу в нерабочее время довольно часто: где-то разбушевалась стихия, вспыхнули лесные пожары, угрожает гидротехническим сооружениям ледоход, произошло землетрясение, а то и просто очередная тренировка.

Как бы то ни было, но через два часа я был в кабинете генерал-полковника Крутских Дмитрия Андреевича, бывшего в то время начальником штаба Гражданской обороны РСФСР. Здесь собрались все его заместители и начальники отделов.

Мы довольно хорошо знали и уважали своего начальника — грамотного, выдержанного, трудолюбивого, не терявшегося ни при каких обстоятельствах генерала. Дмитрий Андреевич прошел всю войну в разных должностях, но особенно нам импонировало, что он был фронтовым разведчиком, участвовал еще в финской кампании. Под его руководством нам довелось не раз выполнять весьма сложные задачи, видели его в разных ситуациях, но сегодня весь облик его будто говорил: случилось нечто чрезвычайное. И первые же его слова подтвердили наши предположения: «Товарищи! В стране произошло чрезвычайное происшествие — взрыв на Чернобыльской АЭС. Обстановка там очень сложная, многое пока неясно. Я только что от товарища Воротникова Виталия Ивановича. Принято решение в штабе Гражданской обороны России и в ряде АССР, краев и областей Российской Федерации, которым может угрожать радиоактивное заражение, развернуть оперативные группы и установить контроль за возможным загрязнением радиацией. С этого момента и до особого распоряжения наш штаб переходит на круглосуточную работу. Оперативную группу штаба будут возглавлять генералы — мои заместители. Первым сегодня заступает на дежурство генерал-лейтенант Попов Глеб Всеволодович...»

Таким было для нас начало длинной цепи драматических событий, которые стали известны всей планете как чернобыльская трагедия. Чернобыль вместил в себя экологическую драму, драму человеческих судеб, драму явлений нашей общественной жизни. Здесь соседствовали высочайший героизм и преступная халатность, отвага простых людей и нерешительность, а то и трусость облеченных доверием высокопоставленных должностных лиц, подвижничество всемирно известных ученых и некомпетентная бравада «калифов на час».

Сразу же после окончания совещания мы, как люди военные, по первым отрывочным данным пытались смоделировать ситуацию. Прикидывали возможные последствия аварии.

Многие из нас задавали — и вслух, и сами себе — один и тот же вопрос: как же такое могло случиться? Нам доводилось знакомиться с проектами атомных электростанций. В них, казалось, было предусмотрено все — защита не только от нарушений штатных режимов работы

реакторов, но и от таких маловероятных событий, как землетрясение, могущее случиться в данной местности один раз в десять тысяч лет, или падение на крышу энергоблока потерпевшего бедствие самолета. И все же катастрофа произошла. Ее причиной стала не техника. Сбой дал так называемый человеческий фактор.

Сыграли свою роковую роль издержки в компетентности, в нравственности ряда должностных лиц. Они привели к аварии, они же в дальнейшем усугубили ее последствия.

Не в первый раз проявилось несоответствие между колоссальной мощью, оказавшейся в руках человека, и допотопными нравственными критериями, недоразвитым чувством ответственности, которыми иные специалисты руководствуются в повседневной деятельности. И уподобляются они вознице при захудалой лошади, случайно оказавшемуся за рулем современного скоростного автомобиля и пытающемуся управлять им по старым, кучерским правилам.

Немало вопросов поставила чернобыльская трагедия — и технического, и организационного, и нравственного характера. Почему, к примеру, один и тот же человек, невзирая на опасность, мужественно идет к излучающему смертоносному реактору, но панически боится доложить правду начальству? Почему правда для него страшнее смерти? Или почему блекнут под сиянием «юбилейных» Золотых Звезд ряда должностных лиц, причастных к катастрофе, скромные медали истинных героев Чернобыля, добровольно направившихся своими телами, своей грудью прикрывать брешь, созданную преступной халатностью других? Конечно, они шли на подвиг не ради наград. Их позвала Родина, и они пошли, как шли во все времена защитники Отечества. И тем не менее, думается, все они вправе рассчитывать на признательность народа. Мы же пока ограничиваемся людьми-символами: несколько героев, несколько уголовных преступников...

Люди-символы! Как привыкли мы к ним! Если культ, то — Сталина, если волюнтаризм, то — Хрущева, застойные годы — Брежнева. Слово и не было многих и многих борцов с негативными явлениями и столь же немалого количества карьеристов, прихлебателей, жуликов, просто подонков, чьими усилиями эти явления распространялись. Слово и не было объединенных определенными интересами классов, социальных групп в нашем обществе, словно нет противоречий и борьбы между ними. Нечто подобное просматривается и на примере Чернобыля. Залечивать раны после аварии, порожденной преступной халатностью, пришлось армии, гражданским специалистам, ученым. Но и в этой ситуации за единицами широко известных героев — десятки, сотни и тысячи простых солдат и офицеров, проявивших не меньший героизм; а за должностными лицами, осужденными судом, — десятки и сотни тех, кто так или иначе способствовал их преступлению. Но где сегодня грань между теми и другими? Или, может быть, кому-то выгодно раствориться в общей массе? чтобы не было ни героев, ни преступников, а все были равны? И как сделать, чтобы каждому (именно каждому!) воздать должное, дабы восторжествовала справедливость?

Над этими и другими вопросами мне и хотелось бы поразмышлять вместе с читателями в этой книге. А отправными пунктами наших размышлений пусть станут действительные события, факты, живые и мертвые люди, с которыми мне довелось вместе длительное время работать в зонах ряда областей, подвергшихся радиоактивному заражению, и у разлома четвертого энергоблока, позже встречаться в больничных палатах, наблюдать их в экстремальных ситуациях и в минуты спокойных раздумий.

Глава 1

НЕВИДИМЫЙ ПРОТИВНИК

Итак, бой с невидимым противником начался для нас 26 апреля. И, как всякий бой, он высветил, чего стоит каждый его участник, выявил достоинства и изъяны в подготовке войск и управлении ими. Но обо всем по порядку.

27 апреля 1986 года в 9 часов 00 минут я принял дежурство по оперативной группе от генерал-лейтенанта Г. В. Попова. Глеб Всеволодович — активный участник войны — организовал работу оперативной группы по-боевому: офицеры были распределены по направлениям и добывали необходимые сведения от подчиненных штабов Гражданской обороны автономных республик, краев и областей, о состоянии радиоактивного заражения на местности, объектах, продуктах питания. На основных автомобильных магистралях, ведущих к Москве, а также в ряде городов Российской Федерации были развернуты и функционировали контрольные посты и пункты специальной обработки по дезактивации автомобильного транспорта. На постах велся строгий контроль и учет зараженной техники. Автомобильный транспорт был самым опасным объектом переноса радиоактивных загрязнений. Помню десятки случаев, когда на моем дежурстве поступала нестандартная и несколько необычная информация по задержке радиоактивно зараженного транспорта даже на подъездах к Москве.

Наиболее характерные из них. 16 мая часа в три ночи звонит начальник оперативной группы штаба Гражданской обороны Московской области и докладывает, что на одном из постов задержана грузовая машина ЗИЛ-131, которая везет сыр из Брянска в Москву. При дозиметрическом контроле обнаружен повышенный фон радиации, причем только на машине. Дежурный спрашивает меня: «Что делать?» Я ему: «Ну, если сами не знаете, тогда слушайте: сыр срочно перегрузить в первую попавшуюся «чистую» машину с помощью ГАИ, а этот автомобиль дезактивировать».

Под утро доложили, что машину отмыли и отправили по назначению. Были зафиксированы и случаи другого рода: машина совершенно радиоактивно чистая, а продукция оказывалась зараженной выше допустимых норм.

Исключительно добросовестные дозиметристы на контрольных постах круглосуточно несли дежурство вместе с работниками Госавтоинспекции и задерживали радиоактивно загрязненный автотранспорт. Среди автолюбителей было немало недовольства в связи с частыми заторами на дорогах. Было это на многих магистралях, ведущих на Москву, Ленинград, Минск, Ростов-на-Дону, Воронеж, Калугу... Но жесткий контроль ставил надежный заслон на путях проникновения в глубь страны радиоактивно зараженных частиц на автомобилях, особенно следовавших с южного и западного направлений, то есть с Украины и из Белоруссии.

Без преувеличения скажу, что наша группа работала по-фронтовому. За сутки дежурства офицеры обычно окончательно выматывались. Всю ночь «выбивали» сведения, а к 8 часам утра на карту уже наносилась уточненная радиационная обстановка. Карты районов с наиболее сложной обстановкой готовились отдельно. К картам разрабатывались специальные графики изменений радиационной обстановки — начиная с первого дня после аварии. Отдельно прилагались сводные таблицы по основным показателям зараженности местности, воды, продовольствия, транспорта и т. д.

Признанным авторитетом в оценке и анализе радиационной обстановки был, к примеру, полковник Коптелов Евгений Иванович. Он образец современного высокоэрудированного, интеллигентного офицера. Его отличали аккуратность и аналитический склад ума. Никогда не

было лишних слов в его речи и докладах. Кроме всего прочего, он постоянно занимался спортом. По лыжам неизменный чемпион объединенного спортивного коллектива Гражданской обороны СССР. А потому он в свои 55 лет легко переносил тяжелые физические и психологические нагрузки в любое время суток. Дмитрий Андреевич Крутских ценил Коптелова, но и «гонял» по всем областям, подверженным радиоактивному загрязнению.

Как правило, к 8 часам утра печатался доклад с анализом обстановки, выводами и конкретными предложениями. Особенно часто откорректированный мною доклад печатала Лена Пряхина. Казалось бы, совсем гражданский человек и что ей до наших хлопотных дел? Однако печатала вплоть до моего отъезда в Чернобыль. Я ни разу не помню, чтобы она проявила недовольство или опоздала прибыть в штаб к 7 часам утра. Много у нас замечательных, понятливых, чуждых советских людей.

В 8 часов ежедневно начальник штаба Гражданской обороны РСФСР генерал-полковник Крутских Д. А. заслушивал начальника оперативной группы обо всех деталях обстановки и после этого сам уезжал в Совет Министров для доклада Правительственной комиссии РСФСР. Когда доклад его проходил успешно, он приезжал окрыленный, в добром настроении, шутил. Но стоило кому-то из нас допустить оплошность — получай по заслугам. Строго, справедливо.

Порою обстановка была нервной, офицеры хронически недосыпали и иногда допускали неточности. Многие из нас и после дежурства оставались на службе и продолжали каждый по своему направлению вести работу. Если честно сказать, то были отдельные офицеры, которые к такому режиму работы оказались неподготовленными и тяжело переносили нагрузки. Иногда проявлялось и неумение офицера решать нестандартные задачи.

Во многих областях Российской Федерации обстановка была беспокойной, особенно в Брянской, Тульской, Калужской, Липецкой, Воронежской областях. В эти области вылетали члены Правительственной комиссии России, министры, генерал-полковник Крутских Д. А., офицеры штаба и многие другие руководители и специалисты.

Как-то в 23 часа звонит Дмитрий Андреевич мне и приказывает на завтра к 10 часам утра вызвать с картами по обстановке начальников штабов гражданской обороны Калужской, Тульской, Воронежской и ряда других областей для заслушивания.

Для некоторых из них приглашение было неожиданностью. За ночь едва добрались. Отдельные доклады были сумбурные. Разбор Дмитрий Андреевич сделал суровый, а некоторые уехали со взысканиями. Для них был назначен день повторного заслушивания. Большинство же начальников штабов своевременно овладели обстановкой, привели в готовность соответствующие службы гражданской обороны. Особенно четко было поставлено дело в Московской области, где начальником штаба был Герой Советского Союза генерал-майор Варягов Николай Петрович, города Москвы — генерал-лейтенант Ермаков Анатолий Васильевич, словом, экстремальная ситуация дала четкую оценку деловым и нравственным качествам многих должностных лиц, их организаторским способностям. Вместе с тем ряд таких оценок оказался для нас полной неожиданностью. Взять, к примеру, начальника штаба Гражданской обороны Воронежской области полковника Лизова Л. Ф. В середине апреля 1986 года, то есть всего за полмесяца до описываемых событий, в Воронежской области на реках Воронеж и Тихий Дон создалась чрезвычайно опасная обстановка в период половодья. На реке Воронеж от берега сорвало плавучий кран и понесло на мост, столкновение с которым создавало угрозу его разрушения. Полковник Лизов Л. Ф. проявил тогда армейскую находчивость и смекалку. Находясь на вертолете, он по рации связался с военными летчиками, попросил безотлагательно направить самолет, сообщил нужные координаты для бомбометания по этому плавучему крану, дабы его потопить. Летчики отреагировали немедленно. Прицельное бомбометание — и крупный мост через реку Воронеж и плотина были спасены.

А ровно через две недели произошла авария в Чернобыле. В Воронеже срочно

собралась чрезвычайная комиссия. Оперативный дежурный в течение двух часов не мог найти начальника штаба. Была допущена халатность и дежурного, и самого Лизова. Эта комиссия постановила ходатайствовать об отстранении полковника Лизова Л. Ф. от должности, несмотря на то, что он привел доказательства, что был действительно занят по службе. Командование сочло применение столь строгой меры к находившемуся ранее на хорошем счету офицеру справедливым.

Я и сам не раз задумывался: справедливо ли такое? Служит человек безупречно 25—30 лет, и вдруг на тебе — один раз не оказался там, где положено, и вся предыдущая служба, твое доброе имя вроде бы и насмарку... Размышляя над этим, я прихожу к выводу, что так и должно быть. Ведь задача офицера в том и состоит, чтобы всей службой готовиться к тому, чтобы в нужный момент оказаться в нужном месте и незамедлительно действовать как полагается. Этот «нужный момент» для кого-то наступает один раз в жизни, для кого-то не наступает вовсе. Но готовность к нему — смысл нашей службы. Конечно, это постоянное напряжение дается нелегко, но оно необходимо. И если бы каждый в полной мере понимал это, не было бы ни рустов, ни чернобылей и других аварий, уносящих порой человеческие жизни.

Пример с полковником Лизовым не был типичным. В целом развертывание системы наблюдения и контроля на территории ряда областей Российской Федерации было произведено весьма оперативно. Теперь все зависело от конкретных людей, их профессиональной подготовленности, ответственности и нравственной позиции. Задача стояла одновременно и простая, и сложная: быстро и точно оценивать обстановку, оперативно передавать информацию о ней, принимать необходимые меры. Но, как показала жизнь, выполнение этой задачи потребовало от ряда должностных лиц определенного гражданского мужества, которого хватило не всем.

Подлинно драматические события развернулись на Чернобыльской АЭС, в Припяти в первые же часы после аварии. И причиной их стала не только вышедшая из-под контроля энергия атома, но и вполне контролируемые человеческие страсти — как высокие, так и низменные. Вот как складывалась здесь ситуация по линии гражданской обороны.

В 1 час 55 минут начальник штаба гражданской обороны ЧАЭС подполковник запаса Воробьев С. С. был вызван директором АЭС В. Брюхановым по телефону на станцию. Стойка циркулярного вызова должностных лиц была в исправном состоянии, но директор АЭС решил ее не задействовать. Руководящий состав АЭС телефонистка оповещала только выборочно. Что это означает? Нерешительность директора АЭС Брюханова? Скорее, чрезмерная осторожность, «дабы не поднимать лишней паники».

Воробьев, получив распоряжение директора о прибытии, захватил с собой секретаря парткома и в 2 часа 15 минут выехал на личном автомобиле на АЭС, а в 2 часа 30 минут они были уже на станции. В это время прибывшие по вызову Брюханова собрались у встроенного в административно-бытовой корпус убежища гражданской обороны, но войти в это защитное сооружение они не смогли, так как никто из присутствующих не знал, где же хранятся ключи от входа. А ключи находились у начальника смены. Это тоже показатель формального отношения руководства АЭС к содержанию в готовности защитных сооружений. Всем руководителям был урок. Они стояли и ждали Воробьева. Но Серафим Степанович побежал не в убежище, а взял с собой прибор ДП-5 и пошел один замерять уровни радиации. Стрелка прибора зашкаливала. Значит, подумал Воробьев, дела плохие, и помчался искать начальство. Долго искать не пришлось, так как они все еще стояли у закрытого убежища. Серафим Степанович возмутился: «Если не знаете где ключи, так уж давно бы взломали замок... Ах да, — добавил он, — еще нужно же суметь открыть герметические двери, а потом задраить их обратно». А всему этому нужно было учиться...

Надо сказать, столь раздраженный тон Воробьева был результатом затянувшегося

конфликта с руководством станции, порожденного наплевательским отношением администрации к нуждам гражданской обороны, к задачам обучения персонала, к неоднократным заявлениям по этому поводу болеющего душой за порученное дело коммуниста Воробьева.

Между тем Серафим Степанович открыл убежище, и в 2 часа 35 минут руководство спустилось в защитное сооружение. Воробьев доложил о высоких уровнях радиации вокруг АЭС, потребовал срочно разобраться в обстановке и принимать меры. Однако директор АЭС Брюханов объявил всему руководящему составу... начало учения по гражданской обороне, запросил соответствующие документы, на что ушло до 20 минут времени. Воробьев за это время решил замерить уровни радиации в убежище прибором ДП-5В. Ввиду того что еще до аварии на ночь была включена система местной вентиляции для проветривания и сушки ограждающих конструкций убежища, то, естественно, радиоактивно зараженный воздух от аварийного реактора попадал во внутренние помещения сооружения, так как фильтровентиляция работала в «чистом режиме». Результаты замеров уровней радиации были доложены Брюханову, который распорядился выдать руководству противогазы и поднять по тревоге формирование гражданской обороны. Сбор формирования, по словам Воробьева, прошел неорганизованно, так как в ночное время эти формирования никогда и никто не поднимал по тревоге и не тренировал. Личный состав прибыл вместо назначенного пункта сбора прямо на станцию. Руководство АЭС этими вопросами состояния боеготовности не занималось.

В 2 часа 40 минут Воробьев по своей инициативе доложил об аварии оперативному дежурному штаба Гражданской обороны Киевской области, после чего лично решил провести детальную радиационную разведку вокруг четвертого энергоблока. Прибор ДП-5В вновь зашкаливал. Результаты разведки были доложены директору АЭС, но он им «не поверил». Ясно — Брюханов струсил и все надеялся, что скоро аварию ликвидируют, а потому зачем паника? Более того, как бывший военный химик (в свое время он окончил академию химзащиты) Воробьев доложил, что след от реактора частично пошел по окраине города Припять и что нужно срочно оповестить население и принимать экстренные меры. Эти же результаты были сообщены в штаб Гражданской обороны Киевской области.

Воробьеву Брюханов приказал повторить еще раз разведку, но тот прежде сел в пожарную машину и поехал с майором Телятниковым на склад НЗ, чтобы выдать костюмы Л-1 и противогазы для личного состава пожарных. Кстати, у пожарных не оказалось ни спецзащиты, ни приборов разведки ДП-5, а ведь охраняли атомную станцию! Склад находился в убежище. По пути к складу на асфальте были разбросаны куски графита, а уровни радиации даже в машине были уже значительные. Заместителю директора АЭС по науке Воробьев сообщил, что заметил на асфальте графит, и пожарная машина едва его переезжает, в чем тот усомнился — то ли для отвода глаз, то ли действительно не понимал, что произошло. А появившийся главный инженер АЭС Н. Фомин заявил, что реактор «заглушен» и никакого графита не может быть на территории: «Это вам, Воробьев, что-то другое попало. Это — басни, и вы не вносите панику на станцию».

С 5 часов 00 минут до 5 часов 30 минут начальник лаборатории отдела радиационной безопасности станции Коробейников тоже проводил замеры уровней радиации на границе промплощадки, и значения их в его докладе были занижены в сотни раз. Более того, он дезинформировал Брюханова и заявил, что Воробьев распространяет ложные слухи и сеет панику среди людей, к нему надо принять меры, убрать со станции.

После всего этого Воробьев взял с собой инженера из штаба гражданской обороны АЭС Соловьева, и с двумя дозиметрическими приборами ДП-5В они выехали на очередную разведку. Разведку провели у административно-бытового корпуса, вокруг четвертого энергоблока, где по-прежнему приборы зашкаливали. Воробьев принял решение провести

разведку по большому радиусу по дороге на город Припять. На перекрестке дорог стоял милиционер без защиты. Ему было предложено покинуть пост ввиду высокого уровня радиоактивного заражения местности, но милиционер пост не покинул.

По возвращении на АЭС в 6 часов 20 минут Воробьев доложил результаты разведки Брюханову, который и теперь не поверил данным. Более того, директор приказал уйти Воробьеву с АЭС и больше не паниковать и не появляться па глаза.

Инженер Соловьев предложил проинформировать об этом инциденте секретаря парткома АЭС. Секретарь парткома все выслушал, но отказался что-либо предпринимать и сказал: «Убеждайте директора». А ведь людей надо было давно снять с постов и убрать со станции!

Халатность руководителей переросла в преступление на глазах у подчиненных. Все это свидетельствует о проявлении полного невежества и безответственности руководящего состава, о низком уровне профессиональной подготовки по оценке радиоактивной обстановки и ее последствий, а также о недооценке и непонимании своих функциональных обязанностей по гражданской обороне. Но главное в их преступном сокрытии масштаба аварии то, что они забыли о людях, которых обязаны были оповестить, уберечь и вовремя эвакуировать в безопасное место. Этого не произошло в первые сутки. Люди гуляли, справляли свадьбы, дети пошли в школу, любители рыбной ловли укатили на рыбалку.

По иронии судьбы накануне, в пятницу, в школах района прошли сборы по гражданской обороне. Дети показали на них очень неплохие знания правил защиты от радиации. И вот в субботу ребяташки, уже прослышавшие об аварии, придя в классы, спрашивали учителей: «Вчера же нас учили, что в подобных случаях нельзя выходить из дому до эвакуации. Почему же мы ходим по улице?» Что было отвечать учителям, если и более ответственные «взрослые дяди» будто забыли, чему их учили.

В 3 часа 00 минут — 3 часа 20 минут медицинская служба АЭС начала выдачу йодистых препаратов, запасы которых находились в цехах.

В 7 часов 00 минут Воробьев вынужден был открытым текстом доложить радиационную обстановку начальнику штаба Гражданской обороны Киевской области полковнику Корнюшину, который после этого прибыл на АЭС, но никаких решительных действий не предпринял...

Мы еще вернемся к событиям первых дней чернобыльской трагедии, ближе познакомимся с ее участниками. А сейчас мне хотелось бы предложить читателю поразмыслить над, казалось бы, парадоксальным явлением. Я уже поделился мнением, что истоком преступления должностных лиц стал страх. Но какова его природа? Чего они боялись? Не все же они трусы от рождения. Да и дальнейшее их поведение на АЭС показывало, что в ряде случаев они не боялись подвергать себя смертоносному облучению реактора. Так что же, борьба за правду, честное признание своей вины для них страшнее смерти?

Давно прошли времена, когда несогласие с начальством, отстаивание собственного мнения могло стоить свободы, а то и жизни. И тем не менее... Тем не менее и сегодня нередко приходится встречаться, скажем, с летчиком-испытателем или сапером, смело смотрящим в глаза смерти, но не способным на партийном собрании проголосовать «против», поднять голос в защиту правды. А мало ли мы знаем примеров из истории, когда беззакония творились на глазах бесстрашных в прошлом революционеров или герои Великой Отечественной, по сути дела, становились молчаливыми соучастниками преступлений власть имущих в конце 40-х — начале 50-х годов?

Разобраться во всем этом очень непросто. По-разному пытаемся мы объяснить эти явления. Говорят о том, что героический поступок на поле брани стоил жизни самому герою, а «несогласие» с руководством в былые времена угрожало всей его семье. Может быть, и в «застойные годы» гораздо легче было решиться на «разовый» мужественный поступок, чем на

длительную изнуряющую борьбу за справедливость, стоящую нервов, здоровья, положения в обществе, материальных благ — и для тебя, и для твоей семьи. Приходилось слышать и другие объяснения.

Как бы то ни было, но способность различать правду и отстаивать ее, иначе говоря, совесть граждан — это своеобразный иммунитет общества. Ослаб этот иммунитет, и вот уже проникают в общественный организм злокачественные клетки коррупции, лжи, карьеризма. Не будучи опознанными и не получая должного сопротивления, они завоевывают все большее жизненное пространство, метастазы поражают все новые и новые органы. Спасти общественный организм можно только объединенными усилиями тех, кто видит опасность и способен с ней бороться. И чем больше будет таких, тем крепче здоровье общества. С другой стороны, если не избавимся мы от этого подленького страха перед правдой, вряд ли будут возможными перестройка, обновление — все необходимое нам как воздух.

Особенно велика значимость нравственных качеств сейчас, когда в руках человека оказались такие силы, которые могут принести высочайшие блага людям, но могут привести их и к катастрофе. И если раньше человеку приходилось бороться со стихией, то теперь нередко приходится сражаться с вышедшими из-под контроля опаснейшими продуктами собственного труда, что и произошло в Чернобыле. По долгу службы мне приходилось не раз принимать Участие в ликвидации последствий стихийных бедствий. Могу засвидетельствовать, что если по физическим затратам, масштабам работ они бывают сопоставимы с Чернобылем, то психологически бороться с «рукотворной» стихией куда сложнее. Когда идет борьба с природой, все люди оказываются «по одну сторону баррикад». Тут нет приукрашивания обстановки, попыток замазать какие-то негативные моменты. Здесь люди ни в чем не повинны, а потому положение дел представляют таким, каково оно есть на самом деле. На ряде же этапов ликвидации последствий Чернобыльской аварии приходилось сражаться не только с незримым, но порой и с тщательно скрываемым недобросовестными должностными лицами противником...

Вообще, еще до выезда в Чернобыль, находясь в Москве и получая соответствующую информацию, я пытался мысленно промоделировать ситуацию, отработать варианты действий людей в этой чрезвычайной обстановке, использовал при этом опыт работ по ликвидации последствий стихийных бедствий. Хорошо понимал: один из важнейших вопросов, от которых зависит успех дела, заключается в том, как поведет себя в данных условиях каждый конкретный человек — солдат или офицер из частей и подразделений, привлеченных к работам.

В Чернобыле ситуация была особая, но многое из того, что проявилось, скажем, при ликвидации лесных пожаров в Шатуре, с неизбежностью должно было проявиться и здесь. Ведь корни, как говорят ученые, поведенческих мотивов солдат 70-х и солдат 80-х годов в целом одни и те же.

...В первых числах октября 1974 года поздней ночью ко мне на квартиру позвонил начальник Гражданской обороны СССР генерал армии Алтунин Александр Терентьевич. Он рассказал, что только что ему звонил первый секретарь Московского обкома КПСС Конотоп Василий Иванович и просил помочь спасти железнодорожную станцию Черусти и ряд других населенных пунктов Шатурского района от разбушевавшегося в эту ночь мощного лесного пожара. А ведь только два года назад более страшная стихия лесных пожаров разыгралась по всей Московской и некоторым другим областям Российской Федерации. Как иногда говорил Александр Терентьевич, боевое крещение в новой должности начальника Гражданской обороны СССР он получил в 1972 году на этих самых лесных пожарах. И вот генерал армии Алтунин сказал: «Срочно выезжайте в Шатуру, куда в ваше распоряжение придут воинская часть гражданской обороны и невоенизированные формирования с объектов народного хозяйства. Вам надлежит, — продолжал он, — возглавить операцию по борьбе с огненной сти-

хией, а утром доложите мне о создавшейся обстановке и план ваших действий».

Около 5 часов утра я уже был в Шатуре. Мы сидели в кабинете у председателя райисполкома Чугунова В. И., тут же присутствовала первый секретарь райкома партии Леонова В. Л. Ни им, ни тем более мне совершенно не ясна была пожарная обстановка. Никто толком не знал, где эпицентр лесного пожара. Районные власти дали команду готовить транспорт для эвакуации населения из поселка Красная Гора и ряда других. Однако я предложил провести воздушную разведку и уточнить все детали до прихода воинских частей и формирований. На вертолете Ка-26 мы вылетели в разведку вместе с Чугуновым, начальником отдела пожарной охраны района капитаном Рубцовым В. Ф. (теперь уже генерал-майор) и представителем лесного хозяйства. Картина с воздуха была жуткая. Лесной пожар неистово свирепствовал и со всех сторон подступал к железнодорожной станции и поселку Черусти, где было более восьми тысяч жилых домов. Он подбирался также к поселку Красная Гора и ряду других сел, расположенных в лесах.

На карту мы быстро нанесли все очаги пожара и фронт его распространения. В 7 часов утра в штабе руководства было выработано основное решение по локализации пожара силами войск и формирований. К этому времени командир части гражданской обороны полковник Рогозов И. Я. прибыл в Шатуру и получил задачу по устройству заградительной полосы вокруг Черустей и Красной Горы. Заградительные полосы устраивались шириной до ста метров с помощью армейских путепрокладчиков, инженерных машин разграждений, бульдозеров. Менее мощные народнохозяйственные бульдозеры подчищали эту полосу. Личный состав невоенизированных формирований был направлен вместе с пожарными и солдатами на тушение низовых пожаров, а часть людей была задействована на устройство встречного пала. Там, где невозможно было применить технику, срочно запросили тротил и накладные шланговые заряды для устройства заградительных канав взрывом. Всего, помню, мы израсходовали более двадцати тонн тротила.

Беда заключалась и в том, что в это засушливое лето и осень большинство озер и водоемов совершенно пересохла и вода была дефицитом. Тогда и было принято решение срочно организовать перекачивание воды на расстояние до 20 километров из озера Ваймяжное. Для перекачки воды решили проложить нолевой трубопровод. Эту операцию по подаче воды блестяще разрешили полковник Чулкин А. Н. и капитан Ирга Н. П. совместно с пожарными из Шатуры. В тяжелейших условиях гари и дыма сквозь лесную чащобу прокладывали они с солдатами магистральный трубопровод. Через сутки вода хлынула в пересохшие водоемы, вначале высохшая земля долго впитывала ее, а потом уж и началось наполнение. Пожарные и поливомоечные машины круглые сутки подвозили воду на укрощение огня.

Наиболее опасная обстановка создалась в районе Красной Горы. (Надо же случиться такому совпадению, что в июле 1986 года в районе тоже Красной Горы, но только Брянской области мне довелось снова выполнять задачу, но другого характера.) Я предложил посадить вертолет на окраине села. Вышли из вертолета и направились к солдатам, которые проявляли настоящий героизм при спасении поселка. Тут сражался батальон подполковника Мельничука Б. Н. Позже па страницах газет «Правда» и «Красная звезда» рассказывалось об этом подвиге солдат, сержантов и офицеров, многие из которых были удостоены государственных наград. Старики и дети этого поселка были несказанно рады победе над стихией. Солдатам несли молоко, хлеб, фрукты и от всей души угощали своих спасателей. Искренность добрых и благодарных чувств трудно передать — это нужно было видеть своими глазами.

Когда подвиг у Красной Горы был описан корреспондентом газеты «Правда» А. Юсиным под заголовком «Этот горячий октябрь», с Украины приехал кинорежиссер Евгений Шерстобитов. Он встретился с генералом армии Алтуниным. Шерстобитов привез с собой уже

отработанный сценарий кинофильма «Не плачь, девчонка», написанный в соавторстве с Е.Шатуновским. Кинорежиссер сказал Алтунину А. Т., что, прочитав рассказ о подвиге солдат, сержантов и офицеров под Шатурой и у Красной Горы, он решил весь свой сценарий переделать под эти события. Меня вызвали к генералу армии. Он познакомил нас с Шерстобитовым и тут же попросил, чтобы я вместе с генерал-лейтенантом Михайликом Дмитрием Ивановичем оказали помощь кинорежиссеру в написании нового сценария и в подготовке и проведении съемок этого кинофильма. Ну и досталось нам с Дмитрием Ивановичем с этой идеей Шерстобитова! Мало того что мы действительно помогли в написании сценария, пришлось еще организовывать бесконечные съемки — то в подразделениях гражданской обороны в Подмоскowie, то в Крыму, то в Запорожье. Но фильм, на мой взгляд, получился удачным, патриотичным.

А вот спустя более двенадцати лет, когда после Чернобыля я лежал в киевской больнице, то все тот же Евгений Шерстобитов разыскал меня на больничной койке и предложил создать кинофильм. На этот раз мне было уже не до кинофильма...

Но вернемся в Шатурские леса. К исходу дня мы вместе с Чугуновым и капитаном Рубцовым едва выбрались из огненного кольца, которое теперь сузилось. Мне нужно было срочно докладывать обстановку генералу армии Алтунину. Александр Терентьевич внимательно выслушал мой доклад и в заключение сказал, что на днях прилетит в Шатуру.

В течение нескольких суток мы вели борьбу, наступая со всех сторон на лесной пожар. Во многих местах эта операция имела успех. Но только на четвертые сутки мы полностью окружили этого неистового врага, соорудив заградительную полосу и подавив основные, наиболее активные его направления. Железнодорожная станция Черусти была вне опасности. Заградительная полоса в окружности составляла более 30 километров.

В период ведения борьбы с огнем направление ветра часто менялось и огонь буквально метался в окружении, пытаясь вырваться на прилегающие лесные массивы, поселки, но его натиск сдерживали, и в особо опасных местах действовали воины и пожарные капитана Рубцова. Этот молодой, но профессионально хорошо подготовленный, волевой офицер организовал развертывание передвижных насосных станций, мотопомп и умело руководил личным составом пожарных, владел обстановкой, и мы установили с ним тесное взаимодействие.

Кроме того, огонь сдерживали мощными водяными завесами от полевого трубопровода. Когда под руководством полковника Чулкина А. Н. огонь окончательно был зажат в кольцо, вдруг совершилось совсем непредвиденное: прорвался подземный торфяной пожар на глубине до двух метров. Не удалось ему вырваться из кольца по поверхности, так проскочил под землей. Нужно было срочно менять тактику и способы борьбы с этим видом пожара. Вместе с Рубцовым решили по заградительной полосе запустить траншейные армейские машины и экскаваторы на гусеничном и пневмоколесном ходу. Под руководством полковника Рогозова И.Я. воины-механики приступили к работам. По мере готовности траншеи заполнялись водой по полемому трубопроводу. Маневрами трубопровода занимался капитан Ирга Н. П. В гари и дыме солдаты, сержанты, офицеры, рабочие и служащие работали зачастую в противогазах до полного изнеможения. Интенсивная борьба продолжалась около двух недель. Но это уже была борьба в огненном кольце. Мы рассекали теперь лес на сектора и по частям уничтожали огонь. И какую только технику мы не использовали для подвоза воды! Это были бензовозы и молоковозы, пожарные поезда и машины, мотопомпы, армейские водоразливочные станции типа АРС, трактора с навесными шестеренчатыми насосами и т. д.

Помню, когда приехал к нам генерал армии Алтунин А. Т., то в первую очередь он облетел весь наш плацдарм и сказал: «Да, у вас тут была целая эпопея. Молодцы, что так героически разделались с этой чудовищной стихией!» За это сражение многие солдаты, сержанты

и офицеры были награждены орденами и медалями. В числе награжденных орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени был и я.

После всей этой пожарной эпопеи заместитель начальника Гражданской обороны СССР по политической части генерал-полковник Греков Владимир Александрович в шутку прозвал меня «пожарным вождем». Это прозвище надолго ко мне прилипло.

Владимир Александрович — один из замечательных и талантливых политработников, настоящий комиссар, прошедший всю Великую Отечественную войну, был в таком ее горниле, как Сталинград. Все офицеры штаба не только уважали его, но и сердечно, с любовью относились к нему. В нем было много теплоты и добра, справедливости и принципиальности. Он, отменный оратор, часами мог говорить, и только по существу, его слово доходило до сознания и сердца. Немаловажное качество — он знал истинную цену всем офицерам и в своих оценках никогда не ошибался. К большому сожалению, в своей службе подобных политработников я встретил не так уж много. Я не раз его вспоминал в трудные минуты Чернобыля.

Еще одна пожарная эпопея, свидетелем которой я был, разыгралась осенью 1976 года на Дальнем Востоке. В отличие от пожаров под Шатурой она носила более трагический характер по своим последствиям. Хотя, как я уже сказал, борьба шла со стихией, по толчок трагическим событиям давали совершенно неразумные, преступные действия человека. И в том и в другом случаях безответственные охотники оставили непогашенными костры в лесу. Ураганный ветер все остальное довершил уже без вмешательства человека. Так на Дальнем Востоке в Амурской области возник в тайге пожар, и огненный смерч прокатился с юга на север вплоть до Комсомольска-на-Амуре. Огнем были уничтожены десятки поселков, объекты народного хозяйства, часть складов с боеприпасами, полностью сгорели линии электропередачи, нарушено железнодорожное сообщение. Было очень трудно укротить стихию. Воины, невоенизированные формирования гражданской обороны сражались самоотверженно, но успех был незначителен. Сказалась и слабая организация борьбы с огнем, и необученность формирований, и отсутствие эффективной техники, а порою попросту полная невозможность подступиться к отдельным районам пожаров.

Специальная комиссия, в составе которой я работал, обследовала все пожарища. Картина ужасная. Особенно потрясли человеческие жертвы. Помню, как сейчас, обгоревшие трупы одной семьи машиниста. Они решили укрыться от огненного смерча в колодце, но и там он их настиг. У всех четверых сгорели головы. Такая же участь постигла геологов, которые пытались спастись в бочке с водой. И всему этому трагическому событию виной человек.

В Чернобыле человек был повинен от начала и до конца. Повинен перед природой, по прежде всего — перед другим человеком, тем, кто принял па себя удар, порожденный его преступной халатностью, и, как это часто у нас бывает, виновными были одни, а расхлебывали другие. Пока брюхановы и присные отсиживались в убежище, раздумывая, как скрыть масштабы катастрофы, бесстрашные пожарные сражались с огнем, получая смертельную дозу радиации. Помнится, в одном документальном фильме о Чернобыле простой рабочий высказал мысль, что, вместо того чтобы виновников трагедии помещать в комфортабельную тюрьму в ожидании очередной амнистии, лучше бы послать на излучающий реактор устранять последствия аварии. Что ж, по-моему, сурово, но справедливо. Почему, в самом деле, на больничной койке оказались не они, а многие мои товарищи по армейскому строю, к стати зачастую незаслуженно обойденные вниманием прессы?

...Тушение пожара в Чернобыле началось через несколько минут после взрыва. Однако, не зная уровней радиации, пожарные без спецзащиты вели борьбу с огнем непрерывно, бессменно. И в этом было пренебрежение опасностью. Несомненно, нужно было найти возможность при четкой организации тушения пожара с учетом уровней радиации производить своевременную замену расчетов, следить за дозой. А этому нужно было учиться раньше, в

обычные дни...

К 10 часам прибыла воинская часть гражданской обороны, личный состав которой провел углубленную радиационную разведку на территории АЭС и в 30-километровой зоне. Только после этого руководство АЭС осмыслило все последствия и масштабы аварии. Да и впервые задумалось над тем, что придется отвечать за это ЧП.

К исходу 26 апреля оставшиеся три реактора были заглушены. Население города Припять жило в неведении: никто о радиационной опасности его не оповещал. Но хватило мужества и гражданского долга ни у руководства АЭС, ни у партийных и советских органов города Припять, да и у Правительственной комиссии, которая прибыла 26 апреля в Чернобыль. Решение об эвакуации было принято только 27 апреля в 13 часов 00 минут. В 14 часов 00 минут эвакуация началась. Но списки на эвакуацию не были готовы, милиция писала их на ходу...

Полудни 26 апреля были организованы первые попытки забросать с вертолетов аварийный четвертый реактор мешками с песком, бором, свинцом. Но в этот день мешки не долетали до реактора из-за высокой температуры. Поток раскаленного воздуха вся эта масса уносилась в атмосферу. Наибольший эффект был 27 и 28 апреля. Однако конечного результата не было достигнуто, так же как неудачно закончилась и попытка залить реактор водой.

В сложившейся ситуации для принятия верного решения на ликвидацию последствий аварии на АЭС непременно нужно было овладеть обстановкой как на самой станции, так и на прилегающей территории. Причем нужно было не просто овладеть этой обстановкой, а выявить и оценить радиоактивное заражение местности, объектов, зданий и сооружений, населенных пунктов, почвы, лесов, воздушных бассейнов, атмосферы и прочего. Все это возлагалось на наземную и воздушную разведку. Только они способны при тщательной подготовке и организации добыть нужные сведения. А ведь надо иметь в виду, что в результате аварии радиоактивному заражению была подвергнута значительная территория Украинской и Белорусской ССР, некоторая часть областей Российской Федерации. Как отмечалось в сообщении ЦК КПСС и Совета Министров СССР, радиоактивному загрязнению подверглось около 500 населенных пунктов, 60 тысяч жилых домов и других зданий и сооружений. И все это надо было также обследовать, замерить уровни радиации и дать предложения Правительственной комиссии. Сколько нужно было иметь разведчиков, приборов, транспортных средств! Это трудно себе представить, особенно тем, кто там не был и не видел всей огромной работы.

27 апреля прибыли воинские части Киевского военного округа и специальное подразделение химвойск Советской Армии. Они приступили к разведке и выполнению первоочередных работ. Была начата воздушная разведка местности. 28—29 апреля весь район предполагаемого радиоактивного заражения был пропорционально расчленен на зоны. Была определена 30-километровая зона, к ней добавились так называемые малые зоны, или «цезиевые пятна».

Несколько слов по поводу этих «пятен». Они, по сути дела, стали открытием Чернобыля. До сих пор никто не предполагал, что такое может возникнуть. Мы считали, что в результате ядерного взрыва или аварии, подобной чернобыльской, радиоактивному заражению будет подвержена некая сплошная территория, учились рассчитывать и определять ее конфигурацию, исходя из следа радиоактивного облака. Так пытались оценивать обстановку и в первые дни после чернобыльской катастрофы. Но теория теорией, а жизнь вносила существенные коррективы в нее и заставляла действовать по-новому, уходя от сложившихся стереотипов. Оказалось, что отдельные места, по нашим расчетам зараженные, на самом деле были «чистыми» зато возникли эти самые «цезиевые пятна», за счет того, что радиоактивно зараженные частицы цезия или стронция, перенесенные ветром, выпадали в осадок на больших расстояниях от Чернобыля. Пришлось руководствоваться не схемами, а реальными

замерами на больших пространствах, что значительно увеличило объемы работ.

В результате полученных данных были определены населенные пункты, из которых население срочно эвакуировалось, в других — проводилось временное отселение, в третьих, где оставалось население, срочно начиналась дезактивация. Такая сложная, порою опасная и кропотливая работа была организована в Киевской, Житомирской, Могилевской, Гомельской и некоторых областях Российской Федерации. Эта работа проводилась под контролем партийных и советских органов в тесном взаимодействии с армией.

Мне приходилось принимать участие в разработке и проведении ряда операций по взятию проб и выявлению радиационной обстановки. Несмотря на некоторое уменьшение интенсивного выброса из аварийного реактора, коварное воздействие радиации через различные факторы оставалось. Поэтому прежде всего ставилась задача определения прямого воздействия радиации от возможного выпадения выбросов, то есть установление гамма-фона. Вполне понятно, что радиоактивные вещества выпали на землю и возможно облучение с ее поверхности. Немалую опасность представляло наличие радионуклидов в продуктах питания, растительности и животном мире и соответствующее влияние на человека.

В ряде областей, подвергнувшихся радиоактивному заражению, как я уже рассказывал, работа была организована под руководством партийных и советских органов штабами и службами гражданской обороны. Минздравом и Госагропромом СССР были даны временные рекомендации по основным продуктам питания, режиму поведения населения и прочему. Ну а мы выполняли задания Правительственной комиссии по ряду жизненно важных проблем, в том числе обследованию населенных пунктов и взятию в них проб.

Однажды в июле месяце рано на рассвете с большой группой офицеров мы вылетели на вертолетах на территорию Белоруссии. Каждый офицер к тому времени овладел в совершенстве методикой замеров уровней радиации, взятия проб почвы, продуктов питания, зеленой массы, воды. Помню, как-то мы прилетели в населенный пункт Пирки, где нас ожидали бронетранспортеры и солдаты — наши ближайшие помощники. В одном строю стояли солдаты, в другом, напротив,— офицеры. Предельно сжато была поставлена конкретная задача по выявлению радиационной обстановки в ряде населенных пунктов обследуемого нами района. Устанавливаю время начала и окончания работ. Через несколько минут подаю команду: «По машинам!»— а затем: «Вперед!» И словно в боевой обстановке, взревели моторы, специальные разведмашины рванулись на выполнение задания. А задание было нелегким. В условиях радиоактивного заражения нужно было каждому офицеру по карте найти указанный населенный пункт, определить его геометрический центр, взять в нем нужные пробы и замерить уровень радиации, потом по компасу определить азимут с направлением луча на Чернобыльскую АЭС. На этом луче взять три пробы через каждые три километра. Потом развернуться на 120 градусов и снова проложить луч и на нем взять также три пробы. А потом еще раз определить такой луч и проделать то же самое. У каждого офицера за спиной — металлические кольца для взятия пробы, пустые бутылки, взятые пробы и т. д.

Условия выполнения ответственного задания были непростые. Нужно было ходить по лесам и болотам, по оврагам и зарослям. Многие старшие офицеры были в возрасте далеко за сорок, а то и пятьдесят лет. Но высочайшее чувство ответственности и гражданского долга всякий раз обеспечивало успешное выполнение операции. Не могу не назвать таких офицеров, как Кауров Г. А., Гусев В. М., Матущенко А. М., Конин А. И., Сотников А. П., Давыдов В. А., Мартынов Б. И., Фоменко В. П. и многих, многих других.

И вот при очередном выполнении задания, когда вся военная экспедиция убыла к указанным населенным пунктам, я сел на вертолет и решил несколько таких пунктов облететь для контроля. Все шло по науке. В одном селе, из которого было эвакуировано население, я попросил вертолетчиков сесть около милицейского поста. Капитан милиции, фамилию теперь

не помню, доложил по-военному о своих задачах по контрольно-пропускному режиму. Я спросил капитана, откуда он сам. Тот представился, что из Минской высшей школы милиции и работает доцентом кафедры. Я далее спросил: «А кто заведующий кафедрой?» Он назвал фамилию полковника Комар В. Ф. «А где он сейчас?» — «Полковник Комар — наш комбат, находится недалеко, в Хойниках». Моей радости не было предела, так как с Валерием Фомичом мы учились вместе в адъюнктуре академии имени Куйбышева. После выполнения задания, на обратном пути я нашел его. Но поговорить нам по душам тогда не довелось. Валерий Фомич по-армейски организовал очень четко работу контрольно-пропускных пунктов по всей территории Белоруссии. Он был весь в делах и заботах. Кроме того, он отвечал за охрану эвакуированных населенных пунктов. Через полгода, когда Валерий Фомич узнал, что я болен, прилетел из Минска в шестую больницу Москвы, где мы весь день вспоминали свои лучшие годы учебы, дружбы, ну и, конечно, Чернобыль. Это удивительный товарищ и замечательный человек.

Так вот, пока мы говорили с капитаном на посту, я смотрю, а из села выходит старенькая бабушка, на плечах ее тяжелая ноша. Я спрашиваю капитана: «Это что ж у вас за служба?» Но тут бабуля не дала ответить капитану и стала говорить сама: «Дорогой сынок, мой дед лежит после эвакуации при смерти и упросил, чтобы я сходила на свою усадьбу, посмотрела ее и все ему рассказала перед смертью, Да вот еще кое-какие вещи для похорон старика забрала, ведь мы покинули свои хаты в чем есть. Нам говорили, что мы скоро вернемся, а это уже длится более трех месяцев.

А тут, как на грех, и дед занемог. Его едва уговорили эвакуироваться, все собирался умереть в своем доме, а не в чужом... Горько и обидно, сынок, что под нашу немощную старость эта проклятая радиация вон из наших мест повыгоняла куда попадя». Я подошел поближе к бабушке, обнял ее худые плечи, потом снял аккуратно ношу, поставил на землю и сказал: «Ничего, бабуля, не расстраивайтесь, все наладится, и вы еще поживете». «Какая уж тут жизнь,— прервала она меня,— дед вон на исходе, да и я за ним на очереди, а хотелось бы тоже умереть дома, да и похоронить бы нас не мешало на нашем сельском кладбище». Она подняла левую руку ко лбу, как бы всматриваясь вдаль, а правой рукой указала на погост. Потом бабушка вдруг полезла в карман, достала несколько яблок и стала нас угощать. «Это с нашего сада,— сказала она.— Сами с дедом сажали и выращивали сад». Я ей говорю, что яблоки есть нельзя и лучше их выбросить. Она как-то растерялась, несколько смутилась, что вроде бы ей нас больше и нечем угостить. Слезы у нее навернулись на глазах, тут же она из карманов выбросила остальные яблоки, но одно оставила и положила обратно в карман, причитая: «Это покажу деду, пусть он полюбуется, какие выросли в саду яблоки». Я опросил бабушку, а как все же на новом месте живет. Она ответила: «Худо, сынок». Больше я не задавал вопросов, тем более что на контрольно-пропускной пункт подъехал военный УАЗ-469 с офицером.

Офицер вышел из машины и доложил о выполнении задания по контролю радиационной обстановки в закрепленных населенных пунктах. После короткого разговора я попросил офицера довести эту бабушку до нового ее места жительства. Это было где-то километрах в двадцати от КПП. Когда бабушку усадили в машину, она спросила меня: «А мама-то твоя жива?» Я ответил: «Да, мама моя жива, ей 87 лет, и живет она тоже вот в таком же красивом селе, как ваше, в Воронежской области. Село Гремячье». Бабушка на прощанье перекрестила нас и совсем тихо сказала: «Да храни вас господь!» На том мы и расстались. Распрощавшись с капитаном милиции, мы с экипажем вертолета Ми-8 направились к месту посадки. Через несколько минут командир экипажа майор Рогачев А. И. мастерски поднял свою машину, взмыл в небо, и мы стремглав полетели в Пирки. В глазах моих все еще стояла незнакомая и добрая старушка, напоминавшая мне мою маму. В голову лезли мысли о нелегкой, порою тяжелой жизни, которая выдалась на долю моей любимой и молчаливой матери, миллионов других таких же простых русских женщин...

Ну а нам между тем предстояло разобраться с результатами замеров, каждый из которых вносил дополнительную информацию в картину радиоактивного заражения, к стати довольно значительно отличающуюся от прогнозируемой.

Глава 2 РЯДОМ С РЕАКТОРОМ

В первых числах июля мне были предоставлены очередной отпуск и семейная путевка в санаторий «Крым». Вечером 7 июля мы уложили вещи и собрались на следующий день вылететь в Симферополь. Однако все вышло по-иному. Далеко за полночь в квартире раздался телефонный звонок. Звонил оперативный дежурный штаба. Он сообщил, что утром мне нужно быть на службе. Стало ясно, что отпуск откладывается.

Это и подтвердилось утром. Генерал-полковник Крутских поинтересовался, не устал ли я от более чем двухмесячных дежурств. Я ответил, что не знаю такого понятия «устал», если есть другое — «надо». «Понимаю, что устал,— сказал Дмитрий Андреевич,— но отдыхать нам с тобой еще рано. — И положил передо мной телеграмму, которая предписывала мне с группой офицеров убыть в Чернобыль. — Об одном прошу, земляк (Дмитрий Андреевич тоже воронежский): зря не лезь...»

Снявшись с партийного учета в райкоме партии и получив инструктаж в штабе Гражданской обороны СССР, мы поехали на Киевский вокзал за билетами. Хотя был разгар летнего сезона, охочих ехать на Киев было не так уж много. Билеты приобрели быстро, и в 15 часов 30 минут, наскоро попрощавшись с расстроенными домашними (которые, впрочем, давно уже привыкли к таким неожиданным расставаниям), я уже сидел у окна вагона отправляющегося в сторону Чернобыля поезда.

Наш вагон оказался практически пустым. Проводница бойко прощebetала: «Не только в этом вагоне, а и в других нынче пассажиров, желающих ехать в наши края, не так уж и много. А что творилось в мае и июне, — продолжала она, — надо было видеть своими глазами. Народ тикал из Киева валом. Мы все задыхались от переполненных вагонов. И чего только люди не предлагали, лишь бы уехать от этой проклятой радиации...»

В ее словах была правда. Люди из ряда областей Украины покидали родные места и разъезжались по всей стране. Они появились в Москве, Ленинграде, Пскове, Новгороде, Воронеже, Новосибирске и других городах. Им оказывали содействие партийные и советские органы, вне очереди предоставлялись квартиры, трудоустраивали. Но, к сожалению, этим процессом миграции толком никто не управлял. Кто куда надумал выехать — туда и выезжал.

Это была хаотическая миграция, которая вносила элемент паники и неорганизованности. Забегая несколько вперед, хочу отметить по этому поводу, что, будучи в Полесском районе Киевской области вместе с Председателем Совета Министров Украины Ляшко А. П., мы поинтересовались, а сколько из 39 тысяч эвакуированного к ним из окрестностей Чернобыля населения осталось проживать теперь? Оказалось — немногим более 5 тысяч человек. Этот пример свидетельствует о том, что вопросами эвакуации населения и определения порядка проживания нужно заниматься по линии гражданской обороны всерьез, придавать им плановый характер, в противном случае последствия могут быть весьма печальные. А у нас порою хорошо все выглядит только на бумаге.

Далеко за полночь под мерный стук колес поезда я попытался уснуть. Обычно с женой и дочкой мы в отпуск ездим только поездом. Уж больно по душе нам этот вид транспорта. Куда бы ты ни ехал — на юг или север, на восток или запад, — навстречу тебе — необозримые просторы Родины, величественные поля и леса, зеленые луга, извилистые серпантины дорог и

рек, молчаливые экзотические горы. Всегда оживленно на станциях и полустанках, народ постоянно куда-то спешит. Выйдешь из вагона, а тут тебе бабушки предлагают горячую молодую картошку с малосольными огурцами, простоквашу, фрукты, овощи и прочую снедь. Правда, нынче эти обычаи сохранились не везде...

И все же сон меня не брал. В голове вертелись, словно в калейдоскопе, события, связанные с чернобыльской аварией.

Размышлял о масштабах радиоактивного заражения. За многие годы службы в армии мы сотни раз на картах в период командно-штабных и других учений оценивали возможные последствия ракетно-ядерного удара вероятного противника по административно-политическим центрам, объектам народного хозяйства, коммуникациям и пр. Эта оценка включала в себя пожары, разрушения объектов, дорог, мостов и, несомненно, расчет площадей радиоактивного заражения. Порою в ходе учений присутствовала какая-то формальная сторона этой оценки, и теперь до глубины души не доходила реальная радиационная обстановка, которая сложилась после аварии на Чернобыльской АЭС. Невольно в голову назойливо лезли одни и те же мысли. Ну почему человек так безумен в своих действиях? Создал ядерное оружие, планирует его применение для уничтожения самого же себя, материальных ценностей, величайших памятников архитектуры и искусства, сотворенных его же гением на протяжении многих веков. Наконец, он сознательно уничтожает живую природу — специальным оружием или, например, оставляя костер в лесу. Ведь все, что создано в природе, обеспечивает жизнь ему на Земле. Природа его кормит, поит и радует, а он так варварски относится к ней. Да! Такой человек действительно безрассуден и безнравствен.

Настал тот исторический момент, когда мы, люди планеты, не должны позволить фанатикам, мракобесам даже и мыслить о возможности применения ядерного оружия. Только наши человеческий разум и коллективная воля, приведенные в действие, могут отвести нависшую над миром угрозу уничтожения всего живого на Земле.

Представить все последствия ракетно-ядерной войны почти невозможно. Самая тяжелая и кровопролитная из всех войн — вторая мировая — унесла только в нашей стране 20 миллионов человеческих жизней. А ведь в этой войне применялись обычные средства уничтожения человека и его материальных ценностей. И совершенно несоизмеримы возможные последствия ракетно-ядерной катастрофы.

Перед закрытыми глазами проплывали живописные картины моего милого села Гремяче Воронежской области, которому крепко досталось в годы Великой Отечественной войны. Я и не представляю, что могло бы стать с окрестностями этого села от воздействия современного оружия или последствий вот такой аварии, как на Чернобыльской АЭС.

Село уютно разместилось вдоль Тихого Дона, неподалеку от родины поэтов-земляков Алексея Кольцова и Ивана Никитина. Их в нашей семье просто боготворили. С незапамятных времен до самой войны в доме на видном месте висели портреты Кольцова и Никитина. Отец рассказывал, что эти портреты привез наш дед Тихон из Москвы, где проходил службу в течение двадцати лет. Эти портреты, как по наследству, передавались из поколения в поколение вместе со скупыми рассказами о великих земляках, воспевших наши края. Помню, как еще моя бабушка Солоня поведала о трагической судьбе Кольцова, рожденного в семье скотопромышленника и ставшего по воле отца его правой рукой в торговых делах.

В двадцатых-тридцатых годах на юге Воронежской губернии еще оставались придонские нераспаханные степи и луга. Пастбищное скотоводство являлось важной отраслью хозяйственной жизни большого количества окрестных сел. Какой огромный вред был нанесен, когда распахали эти луга! Всегда ведь у крестьян водился скот. В дореволюционные годы купцы часто скупали его у крестьян, откармливали в степях и лугах, а потом поставляли на воронежские бойни. Мяса хватало всем.

Вот вместе с приказчиком отца Алексей Кольцов и разъезжал по селам и ярмаркам для покупки скота, а затем по стойбищам — для надзора за его нагулом. Целыми месяцами ночевал в лугах и степях Придонья будущий поэт вместе с гуртами коров и овец. Стихи он складывал мысленно, часто в пути, сидя верхом на лошади.

Первые стихи поэта я десятки раз слышал от своей мамы. Особенно надолго в душу запали чудные слова:

Где вы, дни мои,
Дни весенние,
Ночи летние,
Благодатные?
Где ты, жизнь моя,
Радость милая!
Пылкой юности
Заря красная?..

Отец наш стихи никогда не читал, но очень любил петь. До самой своей смерти, обладая сильным голосом, он пел песни Кольцова. До сих пор в ушах звенит порою голос его: «На реке под горой хуторочек стоит...»

И сколько же в нашей округе природа создала чудных живописных мест! Порою, когда ты вновь встречаешься с этими местами, то просто безмолвствуешь, только молча восхищаешься всей этой дивной красотой, ибо слова тут лишние.

Село наше утопает в садах и лесных посадках. С западной стороны оно прикрито Гремяченской горой. На ней когда-то располагался районный центр. Вот с этой самой горы открывается взору неопиcуемый ландшафт Придонья. Насколько видит глаз, извивается величавый Тихий Дон с его, с одной стороны пологими, с другой — крутыми берегами. За Доном сразу же начинается и тянется до самого Кирова леса сохранившийся наш знаменитый зеленый луг. Перед покосом, когда созревает трава, он особенно хорош душистым запахом трав и цветов, от которых просто пьянеешь. А посмотришь поверху: он, как огромный цветной ковер, сотканный из множества самых привлекательных ярких нитей, распластался вдоль Тихого Дона.

К сенокосу наши сельчане всегда готовились как к большому празднику. Хоть и тяжела работа — косить луговую траву вручную, но это был действительно праздник. Когда появились колхозы на Дону, то вначале косили траву для колхоза, а потом нарезались делянки и косили для своих личных хозяйств.

Мы, пацаны в возрасте пяти-шести лет, любили ходить на сенокос со своими отцами. Правда, нас не всегда брали с собой, так как мы отвлекали от работы косарей. Мы могли уйти в лес, на озеро, да и на самом лугу запросто можно было заблудиться, а значит, за нами нужен был присмотр, и это порою дорого обходилось нашим отцам. Хорошо помню, как однажды целый день родители искали соседского мальчонку Пашку, который оторвался от нашей детской гурьбы, заблудился в высоких луговых травах, в изнеможении уснул, и только к вечеру его отыскивали, изрядно покусанного комарами.

Мне всегда было очень жаль, когда острая коса мужика-косаря срезала красивую луговую траву и цветы. Умом своим пытался понять, зачем нужно губить эту прелесть трав? Подкошенные трава и цветы стремительно падали, ложась очень ровным рядком, а уже через несколько часов все было безжизненно, увядало. Я понимал, что луговая трава — хороший корм, но все же докучал отцу вопросом: неужто больше нечем кормить животных, кроме луговой травы и цветов? И тогда отец терпеливо разъяснял мне, что так было испокон веков, что сено — лучший корм для коров, как хлеб наш насущный — для нас, людей. Отец с большим воодушевлением объяснял мне: «Посмотри, сынок, какой уход за этой травой! Вот после покоса травка хорошенько подвянет, потом подсохнет под лучами солнца, потом все эти рядки

женщины перевернут граблями, а когда уж и совсем она высохнет и превратится в сено, мы ее соберем в копны, а копны свезем в стог. Вот это и будет корм всей скотине. С наступлением зимы, когда Дон станет, то есть замерзнет, все это сено будет перевозиться на колхозный двор — на корм. Весь скот будет сыт всю зиму, до молодой травы на пастбищах».

Посередине нашего великолепного луга, чуть ближе к лесу, как-то очень естественно расположилось огромное озеро Донище. В нем чего только нет: разнообразие рыб, раки, великолепные белые и желтые лилии, камыш и главное — хвостинник. Когда я подхожу к этому озеру, то сразу наплывает чувство горькой утраты наших старших товарищей, погибших весной 1943 года.

Их было четверо. Все они дружили с моим братом Сашей. Когда нас немцы выгнали из Гремячьего, то с семьями этих славных ребят мы жили в одной, совместно отрытой землянке. Ребята были старше нас на много лет, и ходили мы за ними буквально по пятам. Сколько в них, деревенских парнях, было душевной теплоты и заботы о нас, малышах! Они никогда не обижали нас, более того, защищали от других. И вот в 1943 году, весной, после освобождения Воронежской области от фашистов, — год выдался голодный — четверо ребят во главе со старшим, Алексеем, из села Немытка, что прямо рядом с Гремячим, набрали несколько противотанковых мин, взяли весла и пошли на озеро Донище глушить рыбу. Это дело было неплохо отлажено, и, как правило, подобные операции проходили без жертв.

В тот роковой день ребята вместо замедленного детонирующего шнура взяли с собой шнур мгновенной детонации. Снарядив очередной заряд, они выплыли на середину озера, подожгли шнур и выбросили заряд за борт. Рванул он тотчас, и все четверо были разорваны в куски. Четыре узелка останков набрали родители своих, по отдельным приметам, детей и похоронили в одной могиле. Эти узелки до сих пор стоят у меня в глазах, особенно когда я бываю у озера Донище. В то время и досок-то не было, чтобы сделать этим прекрасным парням гробы.

Тогда, пожалуй, впервые в жизни я стал свидетелем трагедии, порожденной неграмотным обращением человека с продуктами человеческого же труда. Но то были пятнадцатилетние полуграмотные сельские мальчишки военного поколения. Позже приходилось не раз разбираться с трагедиями, у истоков которых стояли ответственные работники, дипломированные специалисты, академики. Тут уже люди расплачивались не за безграмотность, а за безнравственность. И сейчас поезд приближал меня к месту, где проявилась эта безнравственность с особой силой, угрожая непредсказуемыми пока последствиями.

Вот такой раздольный луг в излучине Тихого Дона, с живописнейшим озером Донище, простирается до Жирова леса, где как бы передает все свои прелести в другой, более суровый мир лесной природы, в его объятия. Происхождение названия леса мне неизвестно. В этом смешанном лесу растут дуб, ясень, клен, сосна, тополь... В нем обитает множество птиц и животных. Когда прислушиваешься к разноголосому пению птиц, то невольно думаешь, кто их в такой чудный хор собрал и отрепетировал.

Украшением нашего леса, его гордостью является царь-тополь. Он возвышается над всем лесом и как бы напоминает о себе: «Посмотрите, какой я великан!» А он действительно могуч. Едва ли не десяток здоровенных мужиков, взявшись за руки, обхватывают его.

В период Великой Отечественной войны линия фронта четко проходила по Дону. На правом берегу реки, где было село Гремячье, находились фашисты, а на левом — войска Советской Армии. Так вот наблюдательный армейский пункт был размещен на этом славном царь-тополе.

В дни празднеств на селе, особенно до войны, молодые пары, а то и целые семьи со всей детворой совершали прогулки по лугу, лесу и непременно — к царь-тополю и лесным озерам. Здесь распевали песни, плясали с прибаутками и частушками, мужчины боролись около

этого дерева, выявляя, кто сильнее.

Никто точно не знает, сколько же лет этому дереву. В 50-х годах впервые на дерево обрушилась беда: во время мощной грозы ураганным ветром сорвало огромный его сук. Мужики неоднократно пытались распилить сук на дрова, но так из этого ничего не вышло: уж больно был велик. Сук долго-долго лежал на земле, потом начал гнить, пока совсем не превратился в труху.

Но особым украшением леса был и есть каскад лесных озер, которые все соединены между собою. Насчитывается их всего пять. Вода в этих озерах прозрачная как слеза и мягкая. В этой воде водится множество всякой рыбы, растут лилии и кувшинки, и у берегов создается впечатление, как будто плавают специально нарезанные букеты цветов. С обеих сторон каскада озер вдоль пологих берегов стоят могучие дубы, непоколебимые, по чуть-чуть склоненные своими кронами над лазурью зеркала воды, а отдельные из них даже дотягиваются до красавиц лилий. И вот когда сидишь ты на противоположном берегу озера, особенно под закат солнца, то видишь отражение всей этой картины в воде. И как же все чудно создано в природе — ничего лишнего! Только мы, порою не зная ее законов или не желая их хорошо изучить, вмешиваемся в ее жизнь и пытаемся перекроить на свой лад. А что из этого получается? Она же нас за это жестоко наказывает.

Кое-кто склонен видеть одну из причин снижения нравственности в утере связи человека с родной землей, в усиливающейся миграции населения. Мол, если в данной местности люди знают не только тебя, но и несколько поколений твоих предков, так же, как и ты знаешь соседей, если твои поступки отражаются на чести всей семьи, всего рода, если на земле, которую ты обрабатываешь, придется трудиться твоим внукам и правнукам — это одно дело, и другое дело, если ты, как говорят, человек без роду-племени, кочуешь с места на место, меняешь работу, друзей. В таких условиях, считают, легко забываются как твои неблагоприятные деяния, так и благородные поступки, забудут и самого тебя через пару лет после отъезда...

Видимо, нельзя отменить с порога и такие мнения. Но нельзя забывать, что всегда остается с человеком его собственная совесть, которая формируется не только под воздействием природы, семейных устоев и ближайшего окружения. Есть у нравственности и более широкие социальные корни.

Немаловажное значение для формирования личности имеют литература, искусство, народное творчество. Ну а в наших русских деревнях исстари детей воспитывали на сказках, преданиях, легендах. Запомнилась и мне одна такая легенда.

Есть в нашем Жировом лесу Сонькино озеро. Названо оно в честь красавицы цыганки Сони. Историю о ней рассказывала нам мама, рассказывала долгими зимними вечерами, щедро украшая свое повествование многими живописными подробностями. Я и сейчас хорошо помню все эти подробности, но не буду загружать ими внимание читателя. А суть сводится к следующему.

В давние времена по воронежским селам очень часто кочевали цыгане, как и по всей России, Украине, Бессарабии и прочим местам. Известно было в народе, что цыгане — свободолюбивый и своенравный парод, до работы неохочий, жуликоватый, к оседлой жизни почти не привыкший.

Однажды большой цыганский табор нагрязнул в село Гремячье. Была в этом таборе семнадцатилетняя красавица цыганка по имени Соня. С первого взгляда полюбил ее крестьянский сын Иван. С каждым днем разгоралась любовь между ними. Но на пути к их счастью непреодолимой преградой встали предрассудки, прочно укоренившиеся в быту народов: цыганка могла стать женой только цыгана, а суженой православного должна быть православная. Долго думали молодые во время тайных встреч, как добиться родительского благословения, без которого Иван не мыслил обойтись. В конце концов девушка бежала из

табора, скрывалась по соседним селам, работала у помещика, подвергаясь домогательствам молодого барина. Не раз кидались парень и девушка в ноги к родителям Ивана, пытаясь добиться их согласия на венчание — все тщетно. И тогда, отчаявшись, влюбленные выплыли на лодке на середину озера, привязали на шею грузы и, обнявшись, бросились в воду...

Долго в этом озере никто не купался. Но прошли годы, и оно вновь ожило. Из всех пяти озер в Жировом лесу Сонькино озеро самое красивое. И если вам, дорогой читатель, выпадет случай побывать в воронежских краях, непременно посетите эти места, особенно Сонькино озеро.

Рассказ матери про Сонькино озеро произвел на меня сильное впечатление. Мне было около шести лет, когда я его впервые услышал.

И вот теперь, когда ночной поезд мчал к месту жуткой аварии, все эти подробности всплыли вновь. Я пытался понять, чему же учили нас эта и ей подобные легенды, столь широко распространенные на Руси? Есть в ней и красоты природы, и нежность чувств, и отзывчивость простых людей, и верность дружбе, и почтение к старшим. Но есть же и другое: неготовность к борьбе с догмами, безропотное повиновение старшим, неспособность драться за свои убеждения, за свою любовь. Единственное, на что оказались способны герои легенды,— протест самоубийством. И для них переступить через сложившиеся патриархальные устои, через местное общественное мнение, борьба за справедливость оказались страшнее смерти.

И ведь так было не только в легендах. Так было и в нашей жизни, и не так уж давно. Может быть, и здесь кроется одна из причин тех нравственных проблем, которые высветила чернобыльская трагедия. И в академике Легасове глубоко запрятанный, но сидел тот же извечный русский мужик, что и в Иване, — с его совестью, мужеством, порядочностью и потерянностью перед злом, рутинной, перед тем, что позже было названо «застойными явлениями». Но об этом интересном человеке чуть ниже.

Под самое утро я задремал. И хотя нам надо было ехать дальше Киева, на Овруч, я все же вечером попросил проводницу разбудить меня перед столицей Украины, чтобы взглянуть после событий в Чернобыле на этот древний город, и котором не раз бывал ранее. Проводница постучала в мое купе, и дремота тут же исчезла.

Ровно в 8 часов наш поезд прибыл в Киев. На перроне вокзала вопреки моим ожиданиям совсем не многолюдно. Народ вроде бы никуда не спешил. Мы с товарищами вышли на платформу.

Думаю, имеет смысл представить читателю некоторых из моих спутников — будущих активных участников чернобыльских событий. Вот из соседнего вагона выходит полковник Гелеверда Николай Александрович — импозантный, с отличной выправкой немолодой уже человек, классный оператор, который давно ждал момента своими руками «пощупать» обстановку, был уверен, что без него это делали не так, как надо. Об опасности он, кажется, и не думал. Не думал о ней и в первые дни в Чернобыле, направляясь вместе со мной, полковником Дьяченко А. А. и моим учеником подполковником Клименко Ю. Н. на радиационную разведку в самые опасные места — четвертый энергоблок, «рыжий лес», ряд секторов населенных пунктов Киевской и Житомирской областей... А через два года мы встретились с Николаем Александровичем на больничных койках госпиталя имени Бурденко.

А вот коренастый, плотный, безудержно храбрый бывший десантник полковник Кузнецов Алим Андреевич. Занимая высокий пост в ходе чернобыльской эпопеи, он неоднократно рвался в самое пекло, добровольно принял участие в опасном эксперименте по определению уровней радиации в особых зонах.

Александр Петрович Сотников — невысокого роста крепыш по прозвищу Кулибин. Я не знаю, чего бы он не смог сделать — от ремонта часов любых марок, автомобилей или телевизоров разных систем до организации сложнейших работ по дезактивации оборудования

первого и второго энергоблоков ЧАЭС. Но о нем речь будет впереди. А пока просто мысль: самых высоких наград заслуживают не некоторые руководители «от показухи», а именно такие, как Александр Петрович Сотников, не думавшие о наградах, а просто выполнявшие долг.

Но рассказав только о таких людях, как Гелеверда, Дьяченко или Сотников, мы сказали бы не всю правду. Мы привыкли, что если фронтовик — то обязательно герой, «афганец» — герой, «чернобылец» — тоже герой. Действительно, многие участники чернобыльских событий были именно такими. Но и там, как везде, были свои подлецы, трусы, прохиндеи, ищущие, на кого бы переложить хотя бы часть положенного им груза. И очень бывает обидно, когда из чувства такта, жалея их слабости, мы не раскрываем их истинное лицо, а какое-то время спустя они бьют себя в грудь: «Я — чернобылец!» — с энергией, вдесятеро большей, чем порой скромно заметит о себе истинный герой.

С одним из таких мне пришлось встретиться еще в вагоне поезда. Ко мне в купе зашел старший офицер и поинтересовался моим мнением о предстоящих работах по ликвидации последствий аварии и его роли в них. На вид он был ничем не примечателен, белобрыс, но его поведение почему-то не располагало к нему. Я сразу сказал, что первейшая наша задача — лично овладеть обстановкой в опасных зонах. Тут он опустил глаза, потом встрепенулся, сказав мне несколько лестных фраз... Это вызвало во мне резкую антипатию к этому человеку, я подумал: не отходные ли пути готовит?! К сожалению, я не ошибся. В дальнейшем этот офицер под любым предлогом уклонялся от вылетов и выездов в радиоактивно зараженные зоны. Как огня боялся получить лишний рентген. Пришлось нам в Чернобыле с ним распрощаться досрочно. А фамилию его не называю не из чувства ложного такта: попросту я ее забыл. Так уж, видимо, мы устроены: доброго человека стремимся запомнить навсегда, а людей, подобных моему временному попутчику, спешим забыть.

Между тем мы зашли в здание вокзала, купили утренние газеты. Очередей нигде не было. На лицах многих прохожих была какая-то печаль, все говорили приглушенно, очень тихо. Бросилось в глаза отсутствие детворы, которая всегда во всех общественных местах вносит заметное оживление... Я тут же вспомнил, что почти все дети эвакуированы, вывезены в санатории и дома отдыха. Минуты стоянки поезда нам показались очень долгими, и мы пошли по своим вагонам. Я зашел к себе, и та же белокурая, миловидная проводница быстро спросила: «Ну, як Киев? Все побачили? Тогда сидайте в купе, а я зараз подам чай».

Поезд медленно набирал скорость, и мы удалились от древнего Киева, окрестности которого утопали в зелени.

Улицы и переулки были пустые... В огородах и на приусадебных участках виднелись отдельные фигурки людей. Мы все дальше отъезжали от города.

Проводница принесла горячий, хорошо заваренный чай, печенье и предложила бутерброды с украинским добротным салом. Тут же в шутку сказала, что все мужчины должны постоянно есть сало или мясо, если они хотят быть мужчинами. Я улыбнулся ей и ответил, что у нас на Дону, так же, как и на Украине, мужчины этого правила придерживаются, если только жены заботятся об этом и умеют вкусно готовить. Она бойко отпарировала: «А хйба можно держать таких жен, которые не умеют вкусно готовить? У нас таких на Украине немає».

Поблагодарив проводницу за сытный завтрак, я стал собираться к выходу. Следующая остановка была наша — станция Коростень. Распрощавшись с проводницей и поблагодарив ее, мы вышли из вагона. Шел проливной дождь. На платформе нас встретил молодой майор Шепилов, который оказался моим учеником по Московскому высшему командному училищу дорожных и инженерных войск, в котором многие годы я преподавал предмет «Машины инженерного вооружения». Мы уселись в машину и направились в город Овруч, что неподалеку от Чернобыля. По дороге майор Шепилов подробно доложил обстановку на Чернобыле, в прилегающих зонах и контролируемых секторах на территории Украины и Белоруссии.

Несколько позже мне не раз приходилось брать с собой этого грамотного офицера при выездах в Чернобыль, на саму атомную станцию, в ряд населенных пунктов, в том числе при работе в городе Припять. Несколько позже майора Шепилова пришлось откомандировать в Москву в связи с ухудшением состояния здоровья. Благо, все обошлось благополучно.

И вот мы в Овруче. Этот древний город основан в X веке. Тут долго удельным князем был сын Святослава, внук Ярослава Мудрого — Олег Святославович. Он умер в 977 году и похоронен в этом городе.

По прибытии я представился генерал-лейтенанту Федорову А. К. Тут присутствовал и генерал-лейтенант Дутов Б. П. После непродолжительной беседы мне сказали, что время не терпит, надо вращаться как можно быстрее в обстановку и — за дело. Федоров показался мне человеком с военной косточкой: в нем вроде бы совершенно отсутствовали самые малейшие элементы «цивильного» поведения, как будто он так и родился сразу же военным человеком. Он был достаточно образован и эрудирован, умел шутить и понимал юмор других. Но его отличала высокая требовательность и личная исполнительность во всех делах, умение организовать офицеров на выполнение любой задачи.

В Чернобыле абсолютно все солдаты, сержанты и офицеры работали до глубокой ночи. Зачастую совещания проходили после 24 часов. Офицеры давно забыли, что такое выходные. Помню, как сейчас, по предложению политработника полковника Чекулаева Г. П. был объявлен выходной день после только что проведенного партийного собрания. Однако когда все командование осталось работать, большинство офицеров тоже отказались от выходного дня и приступили к работе. Под руководством генерал-лейтенанта Федорова был подготовлен и блестяще выполнен ряд заданий Правительственной комиссии по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Он сам лично часто вылетал на АЭС, в населенные пункты и на объекты народного хозяйства, подвергшиеся радиоактивному заражению.

Генерал-лейтенант Дутов Б. П. в отличие от Федорова больше походил на маститого ученого, чем на строевого генерала. Его отличала высокая научная эрудиция, манера весьма тактично обращаться с офицерами, все вопросы глубоко анализировать и принимать весьма обдуманные решения. В Москве мы долго работали вместе. Многие годы я был его заместителем. Работа всегда у нас спорилась. И вот теперь мы в одной упряжке на ликвидации последствий аварии.

От всех нас — генералов и офицеров, сержантов и солдат — в этот ответственный период требовались огромные усилия и полная самоотдача. Велась работа по дезактивации населенных пунктов — почти 60 тысяч жилых домов, различных зданий и сооружений, а также колхозных и совхозных полей, лесов. Интенсивно выполнялись работы по защите водных ресурсов. В поймах рек сооружались дамбы, специальные защитные устройства. Все участники ликвидации последствий аварии на АЭС сражались за коренное улучшение радиационной обстановки в 30-километровой зоне и прилегающей к ней территории. Это был настоящий бой с невидимым врагом — радиацией.

Обо всем этом я знал еще в Москве, а теперь не терпелось увидеть все воочию, и в первую очередь источник трагедии — реактор четвертого энергоблока. На третий день пребывания в Чернобыле я вместе с офицерами Дьяченко, Гелевердой, Сотниковым и фотокорреспондентом Володей Шеиным вылетели на вертолете Ми-8 (командир экипажа — кавалер двух орденов Красной Звезды за Афганистан майор Рогачев). Мы облетели все здания и сооружения Чернобыльской АЭС, затем зависли над четвертым энергоблоком, и я впервые увидел жуткую картину разверзнутого неимоверной силой взрыва чрева самого здания четвертого энергоблока и расположенного в нем реактора. На крыше третьего энергоблока и трубных площадок 140-метровой главной вентиляционной трубы взрывом была разбросана масса черного графита. На прикидку эта масса составляла более сотни тонн. Мне и в голову не

приходило тогда, что через два месяца я буду вместе с ближайшими помощниками проводить опасную и сложную операцию по сбору и удалению этой высокорadioактивной массы солдатами, которые заменят несработавшие «магические роботы».

Увлечшись осмотром, я и не заметил, что мы висим над реактором почти десять минут. Мне напомнил об этом дозиметрист. Сейчас пытаюсь вспомнить, приходило ли тогда ощущение опасности. Пожалуй, нет. В моменты напряженной работы о ней не думаешь. Что меня поразило в тот день? При осмотре района как на территории АЭС, так и вокруг нее бросалась в глаза работа большого количества воинов, войсковых машин и механизмов. На пунктах специальной обработки непрерывно шла дезактивация. Сверху все это напоминало кишачий муравейник. И повсюду был наш советский солдат в своей зеленой униформе. Солдат, о котором, на мой взгляд, стыдливо умалчивала пресса, литература, писавшая о Чернобыле. И только в недавно вышедшей книге-альбоме фотокорреспондента АПН И. Костина «Чернобыльский репортаж» солдат занял должное место. Фотоаппарат врать не умеет, он фиксирует только факты...

Стремительный бег времени все более отдаляет нас от событий в Чернобыле, многое исчезает из памяти даже самих очевидцев. Сегодня мы отдаем дань признания и уважения воинам-интернационалистам, которые успешно выполняли свой воинский долг в Афганистане. Во многих школах страны наши добрые учителя умело используют в своей педагогической работе примеры их героических подвигов, воспитывая на них в школьниках лучшие качества советского человека — гражданина, патриота, интернационалиста, защитника Родины.

Чернобыльские же события высветили еще одну яркую страницу героических свершений советских воинов, гражданских специалистов, ученых, простых рабочих. Но не слишком ли рано мы стали забывать об этих людях, их самом настоящем подвиге на Чернобыле? Многие ли могут рассказать о встрече с героями Чернобыля, которые, образно говоря, своими телами закрыли амбразуру ионизационных излучений, заслонив нас с вами от губительных лучей радиации? Можете ли вы назвать конкретные подвиги конкретных людей (исключая, может быть, героев-пожарных)? Думаю, ответы будут только отрицательные.

А между тем подвиг при ликвидации последствий аварии в Чернобыле — это прежде всего героизм пожарных и специалистов, которые первыми приняли на себя удар атомной стихии. Они локализовали аварию, не дали возможности распространиться ей на другие энергоблоки. Подвиг в Чернобыле — это и героическая работа воинов Советской Армии по дезактивации самой АЭС, зданий и сооружений на ее территории, прилегающей местности, сотен населенных пунктов, различных коммуникаций, лесов и прочего.

Подвиг в Чернобыле — это одна из сложнейших и опасных операций по удалению высокорadioактивных продуктов выброса от взрыва четвертого энергоблока, с крыш третьего энергоблока и высотных трубных площадок главной вентиляционной трубы АЭС. И еще много я мог бы привести видов и объемов выполненных работ в Чернобыле, которые можно вполне назвать подвигом.

В сообщении ЦК КПСС и Совета Министров СССР, опубликованном в декабре 1986 года, было сказано, что «наш народ всегда будет помнить с глубокой благодарностью гражданский, трудовой подвиг рабочих, инженеров, ученых, специалистов, воинов Вооруженных Сил, проявленный в ходе локализации аварии в Чернобыле и устранения ее последствий».

И несмотря на это, наметилась тенденция затухания освещения в печати героических дел в Чернобыле. Все реже на страницах газет, журналов, в теле- и радиопередачах говорят о героях Чернобыля. Кому выгодно это замалчивание? Только недругам это может быть на руку. Мы же несем от него большие потери, прежде всего в области воспитания молодежи.

Об этом мне думалось, когда довелось выступать перед школьниками в Уфе и на моей родине — в Гремячем. Многое из рассказанного мной, как я понял, стало для ребят, да и для

взрослых, открытием. Часами шел непринужденный обмен мнениями между нами. Продолжением встречи в Уфе стало решение ребят собрать материал об участниках ликвидации последствий чернобыльской аварии, у них появилось стремление больше знать о военных профессиях, о людях — практически их сверстниках, — совершивших подвиги.

А если бы каждый участник чернобыльской эпопеи — а нас тысячи — выступил хотя бы раз перед молодежью с правдивым рассказом обо всем, что там случилось!

Практически в ликвидации последствий аварии принимали участие представители всех уголков нашей необъятной Родины. Лично я был знаком и с воинами, и с гражданскими специалистами из таких городов, как Москва, Ленинград, Воронеж, Свердловск, Ташкент, Киев, Ашхабад, Вильнюс, Обнинск, Рига, Горький, Псков, Владимир, Фрунзе, Курск, Смоленск и ряда других. Это были достойные посланцы, патриоты, преисполненные чувства глубочайшей гражданственности и долга перед народом, своим Отечеством.

Я думаю, что совершенно несправедливо не знать тех, кто не подвел Родину в трудную минуту. А многие вернулись из Чернобыля просто как с обычной службы, никто не кичился недавней своей опасной и изнурительной работой. Они просто с честью выполнили задание и вернулись снова домой, в свои коллективы на производство, в колхозы, совхозы. Большинство из них — это скромные люди, они никогда не начнут разговор о своих героических делах на Чернобыле.

Была ли в ваших краях встреча с участниками чернобыльской эпопеи? Боюсь, что таких встреч не было. Вот, к примеру, знают ли земляки из города Вольска Саратовской области подполковника Саушкина Александра Дмитриевича? Будучи тяжело больным, он не покинул АЭС и продолжал трудиться, оказывая лично мне, как руководителю операции по удалению высокорadioактивных элементов с крыш третьего блока и трубных площадок главной венттрубы, помощь в подготовке воинов Советской Армии, обеспечении их специальной защитой, держал постоянную радиосвязь с Чернобылем, с территорией АЭС. А теперь он тяжело болен и, судя по всему, забыт...

А знают ли москвичи, что больше всего активных участников ликвидации последствий аварии на Чернобыле было из нашей столицы и что их земляк подполковник Сотников Александр Петрович принимал участие в подъеме и установке флага, словно над поверженным рейхстагом, на огромную, высотой 140 метров, вентиляционную трубу рядом с четвертым энергоблоком? И это было в условиях еще оставшейся радиации, и сам Александр Петрович чувствовал себя тогда уже не лучшим образом: позади выполненные под его руководством дезактивационные работы на ряде объектов АЭС.

А известно ли в школах города Обнинска Калужской области об отважном разведчике-дозиметристе Дмитрове Геннадии Петровиче? Это же умница, квалифицированный физик, храбрец, душевный человек, но кто-то постарался, и он не отмечен правительственными наградами.

Таких честных, мужественных советских патриотов, выполнивших свой долг до конца, были десятки и сотни. Где они теперь? Как их здоровье? Чем занимаются? Как часто их привлекают на встречи в школы, организации, предприятия? Боюсь, что не часто. А жаль...

25 февраля 1988 года «Учительская газета» опубликовала мою статью «Письмо генерала учителю». Среди множества положительных откликов на нее было и письмо из Башкирии от Хакимовой В. Н. Дословно привожу текст:

«Здравствуйте, уважаемый Николай Дмитриевич! Прочла в газете Ваше «Письмо генерала учителю». Мой муж, рядовой Хакимов Г. Д., был призван для работы в Чернобыле. 40 дней работал на автогрейдеру на станции, с 15.01.87 г. по 1.03.87 г. Вернувшись, продолжил работу на стеклозаводе. Получил дозу радиации. Вы пишете о больницах и госпиталях. У нас их не было. Ровно через год вызвали в поликлинику, чтобы формально провести по всем

кабинетам, дабы заполнить карточки. Я не пытаюсь обвинить участкового врача, ведь таких больных у них не было. Муж несколько раз обращался в больницу, но ему не могут помочь в лечении, просто не знают как. Его здоровье меня беспокоит. Прошу Вас помочь.

Я вмешался в судьбу солдата, и помощь была оказана.

Это письмо — показатель пробуксовки перестройки. Неужто нужно какое-то особое вмешательство, чтобы врачи выполняли свой долг, тем более — по отношению к таким людям, как «чернобыльцы»? К сожалению, такие случаи не единичны.

А мне с такими людьми посчастливилось рука об руку работать в течение трех незабываемых месяцев в суровых условиях Чернобыля, где каждый проходил всестороннюю проверку на профессиональную и нравственную зрелость, где сама жизнь однозначно, безжалостно определяла, кто есть кто.

Как я уже сказал, мое пребывание там началось с обследования территории АЭС, прилегающих зон ряда областей Украины, Белоруссии, России. Не буду подробно останавливаться на технологии замеров. В принципе, они производились так же, как и в описанных уже мной Пирках. Хотелось бы пообстоятельнее поговорить о людях, о их нравственных позициях, зримо проявившихся в чрезвычайных условиях. А сказать есть о чем.

За три месяца участия в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС я многое увидел, во многих работах принимал непосредственное участие. И теперь у меня сложилось очень твердое мнение обо всем этом, и особенно о людях. Мне прежде всего хотелось бы ответить на один из самых сложных вопросов нашей жизни — как рождаются безответственность, неорганизованность и расхлябанность, отсутствие порядка и дисциплины на производстве, где их корни, кто учит и воспитывает таких людей. Ведь страшно подумать: только в основном из-за этих пороков произошла авария перед самой остановкой четвертого блока на плановый ремонт, при проведении испытаний режимов работы одного из турбогенераторов Чернобыльской АЭС.

При надлежащем порядке выполнения и принятии дополнительных мер безопасности проведение такого рода испытаний на работающей АЭС вовсе не запрещалось. Подобные испытания уже проводились ранее и здесь. Однако на этот раз программа их должным образом не была подготовлена, ее качество оказалось низким. Руководителем был назначен инженер-электрик, не являвшийся специалистом по реакторным установкам. Вопросам безопасности не было уделено должного внимания. Кроме того, персонал допускал отклонения от программы, создавая тем самым условия для возникновения аварийной ситуации. Директор АЭС Брюханов, его заместители Фомин, Дятлов и другие самоустранились от этой работы и бросили все на самотек, передоверив дело некомпетентным людям.

Неприятные воспоминания остались в моей памяти от рассказа очевидца событий — начальника отдела (он же начальник штаба гражданской обороны Чернобыльской атомной станции) Воробьева Серафима Степановича о сложившейся обстановке сразу же после взрыва и безответственности вышеназванных должностных лиц Чернобыльской АЭС.

Хорошо запомнилась, к примеру, операция по определению уровней радиоактивного заражения мест дислокации воинских частей, прибывших для ликвидации последствий аварии. Здесь следует признать излишнюю поспешность в выборе мест размещения некоторых частей, без достаточного анализа радиационной обстановки в них.

Анализ взятых проб и должен был дать ответ, где можно жить и откуда надо срочно эвакуировать население и войска. Это были серьезные проблемы. Но их решать было не так просто. Надолго запомнился приезд в Чернобыль только что назначенного начальника Гражданской обороны СССР генерала армии Говорова Владимира Леонидовича. С ним прибыла большая группа генералов и офицеров. Состоялось совещание, на котором руководящий состав заслушивал генерал армии по всем нашим делам. Совещание проходило в доброжелательной

атмосфере. Говоров был выдержан, никого не перебивал, лишь делал записи в рабочем блокноте. Только после наших докладов он и члены комиссии задали множество вопросов, и в очень корректной форме.

Состоялся и мой доклад, в котором основным вопросом я считал изложить проблемы, связанные с оценкой радиационной обстановки во всех населенных пунктах областей, подвергнувшихся радиоактивному загрязнению, с изучением практического состояния жизнедеятельности населения, животного и растительного мира и разработкой комплексной программы по восстановлению нормальной жизнедеятельности населения, в том числе в местах, где она временно утрачена. Свой доклад окончил тем, что на стол начальнику Гражданской обороны СССР положил разработанную комплексную программу по данной проблеме и попросил ее рассмотреть и утвердить.

Вместе со мной над этой программой работали офицеры Дарков А. К., Кауров Г. А., Фоменко М. П., Мартынов Б. И., Сотников А. П. и другие. На этом же совещании я высказал просьбу генералу армии о создании мощного единого координационного центра под эту программу. Владимир Леонидович внимательно выслушал мои предложения и сказал: «Хорошо! Спасибо!» В этот же день он утвердил и программу работ по предложенной проблеме.

Спустя почти два года в газете «Правда» от 22 апреля 1988 года я прочитал большую статью «Вокруг зоны», в которой Председатель Совета Министров Белорусской ССР М. В. Ковалев полностью поддерживает предложения первых секретарей Могилевского и Гомельского обкомов партии о создании союзной государственной комплексной программы и Всесоюзного координационного центра по тем же самым проблемам, о которых шла речь на совещании, которое проводил генерал армии Говоров. Стало очень обидно, и не за то, что оказались в свое время нереализованными мои предложения, а за то, что даже в период перестройки важнейшая проблема, касающаяся жизни и деятельности населения, оказалась неразрешенной. Допускаю, что, возможно, не удалось Владимиру Леонидовичу «в верхах» решить эту проблему. Теперь жизнь заставила к ней вновь вернуться, но два года оказались безвозвратно потерянными. В те тяжелые дни не только военные не знали покоя ни днем ни ночью. Партийные, советские, хозяйственные руководители на Украине, в Белоруссии, Российской Федерации тоже потеряли покой, размеренный ритм жизни. Каждый старался проявить лучшие качества руководителя — доброе и уважительное отношение к людям, заботу об их быте, питании, трудоустройстве, оказании медицинской помощи — и, конечно, принимал активное участие в организации работ по ликвидации последствий самой аварии.

Неоднократно мне приходилось ездить по многим населенным пунктам Киевской и Житомирской областей с бывшим Председателем Совета Министров Украинской ССР Александром Павловичем Ляшко, начальником штаба Гражданской обороны Украины генерал-лейтенантом Бондарчуком Н. С. и сопровождающими их ответственными работниками аппарата ЦК КП Украины и Совета Министров республики. Однажды целый день мы провели в селах Полесского района и в самом Полесском. Побывали в магазинах, школах, больницах и других учреждениях. И везде — люди, масса вопросов и самые доброжелательные разъяснения. Решения Председателем Совета Министров Украины принимались на месте. Люди спрашивали, что можно есть и чего нельзя, когда солдаты покончат с «этой радиацией», как ведет себя аварийный блок, когда он «перестанет плеваться» и что с ними будет в дальнейшем. Были и такие вопросы: «Сколько мы проживем после этого?», «А почему нам не выплачивают компенсацию: ведь мы тоже живем на зараженной территории?». И какое терпение было у этого человека! На значительную часть вопросов Александр Павлович отвечал сам, на ряд из них просил дать ответ меня и всегда уважительно говорил: «Сейчас нам генерал пояснит этот вопрос». Брал меня под локоть и добавлял: «Ну, давай, генерал, твой черед».

Собрал как-то Александр Павлович партийных и советских работников Полесского района, выслушал их мнение, ответил на все вопросы, тут же наметили проект решения Совмина Украины. В это время в Полесском районе воины интенсивно выполняли работы по дезактивации населенных пунктов, дорог, колодцев и прочих сооружений. В ряде случаев дезактивация домов и приусадебных хозяйств проводилась по пять — семь раз. Эффект был невелик, так как окружающий гамма-фон еще держался из-за периодических выбросов аварийного реактора.

Я Александру Павловичу на этом совещании возьми да и скажи, что дезактивацией занимаются в основном солдаты, а семьи в лучшем случае или смотрят на их работу, или гуляют по улицам. «Это мы с вами видели, ведь так?..» Он согласился и добавил: «Неплохо было бы даже с моральной точки зрения в целях повышения эффективности дезактивации обеспечить участие и населения». Александр Павлович тут же дал указания партийным и советским руководителям о вовлечении в эту работу местных жителей; причем, подчеркнул он, народу надо и разъяснить, и работать вместе с ним.

Действительно, после нашего отъезда вместе с солдатами работали и сельчане. Теперь они меньше предъявляли претензий к качеству дезактивации своих же домов, хозяйств, приусадебных участков. Они лично убеждались во время работы, как сложно и трудно бороться с невидимым врагом. Только вместе с воинами продезактивируют, а наутро уровни радиации почти те же, что и были.

Александр Павлович был активным участником Великой Отечественной войны, офицер-танкист, не раз бывал в сложных перипетиях сражений и все же всякий раз говорил, что лучше, когда ты видишь врага и выбираешь активные способы борьбы с ним для его уничтожения. «А тут эта проклятая радиация — и не слышно, и не видно ее, а действует хуже всякого фашиста...»

Приехали мы как-то с ним и сопровождающими его товарищами в Народический район, в одном из поселков которого были отстроены новенькие дома с оборудованными хозяйственными пристройками для эвакуированных жителей. В первую очередь Александр Павлович спросил меня: «Ну как твои дозиметристы, все тут выверили?» Я ответил, что условия тут вполне безопасные и можно заселять этот поселок. После короткого разговора мы обошли и осмотрели буквально каждый домик, все его комнаты, отделку, приусадебный участок, кирпичный погреб, водозаборную колонку, туалет и прочее. И везде он поглядывал на показания прибора ДП-5. Потом в конце поселка остановился Александр Павлович и говорит мне: «Ну как, генерал жить-то можно, а?» Я ему ответил, что можно даже и из Москвы переезжать в этот красивый поселок. А он мне тут же: «А что, давай, будем очень рады!»

За обедом в сельской столовой Александр Павлович продолжал рассказывать о войне, долгожданном Дне Победы, который застал его в Венгрии. Потом он говорил о его поступлении в бронетанковую академию, о своих сослуживцах — и погибших, и ныне живущих. Очень обаятельный и интересный человек Александр Павлович, с которым свела меня судьба в тяжелые черныбыльские дни. После обеда мы снова поехали оценить эффективность пылеподавления специальными растворами на многих проселочных дорогах Украины. По этим дорогам шел нескончаемый поток КамАЗов, ЗИЛов, КраЗов с грузами для АЭС. В летний период 1986 года была целая проблема, как и чем подавить пыль на дорогах и обочинах, чтобы она меньше поднималась в воздух и не разносила бы мелкодисперсные радиоактивно зараженные частицы по всей округе. Мы много раз останавливались на этих дорогах и смотрели на поток машин, убеждаясь, эффективны ли эти растворы, которые разработали ученые Украины и Москвы. Эффект, конечно, был, но не тот — не полное подавление пыли.

Я должен сказать честно, что в тот период не только руководители высокого уровня занимались вплотную всеми вопросами организации работ по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС, но и руководители областного, районного и сельского звена, которым доставалась

нагрузка, пожалуй, еще больше, чем там, «наверху».

Помню, 26 июля я с группой офицеров собрался вылететь для уточнения радиационной обстановки в некоторых населенных пунктах Брянской области. Генерал-лейтенант Федоров А.К. сказал мне: «Давай, Николай Дмитриевич, вылетай сам — туда прибудет твое начальство: первый заместитель Предсовмина России Табеев, твой непосредственный начальник генерал-полковник Крутских».

Как на грех, разразилась сильная гроза. Вертолеты отставили. Сели в автобусы и уазики и отправились в дальнюю дорогу. Ливень сопровождал нас почти до конца пути. Мы с разведчиком ехали в УАЗ-469 впереди колонны, регулярно замеряли уровни радиации на маршруте. Гамма-фон почти на всем пути был повышен. Вечерело. Позади Мозырь, Гомельская область, город Гомель. И вот уже Брянская область.

Вдруг водитель говорит: «Товарищ генерал, что-то один автобус с офицерами затерялся». Разворачиваем машину и мчимся в обратную сторону. Проехали километра три, смотрю и глазам не верю: автобус с офицерами завис над крутым оврагом. Малейшее неосторожное движение — и все полетят в пропасть. Видно, водитель в темноте потерял дорогу.

Вылезаю из машины, осматриваю эту жуткую картину и самым осторожным образом, через дверцу водителя, высаживаю всех офицеров. Потом принимаю решение — копать дерн и таскать под повисшие над оврагом правые колеса автобуса. Прошло около часа, и пирамида из дерна основательно укрепила крутой скат рядом с дорогой. Но своим ходом автобусу выезжать нельзя, так как возможно, что пирамида при движении автобуса оползет. Остановливаю проходящий автобус с пассажирами и прошу водителя отбуксировать наш автобус потихоньку. Водитель категорически отказывается: видно, испугался парень. В такой обыкновенной ситуации проявилась трусость молодого человека.

Но вот на трассе появился молоковоз. За рулем тоже молодой парень, — видно, только что отслужил армию. Он сразу же понял ситуацию, зацепил приготовленный трос и по моей команде тихонько отбуксировал автобус от обрыва.

Поблагодарив водителя, я спросил его, когда он из армии и где служил. Быстро и четко ответил: в этом году демобилизовался из Афганистана. Я крепко пожал ему руку и пожелал счастья. А мы направились по своему маршруту в районный центр — Красную Гору. Было далеко за полночь. Нашли райвоенкомат. Дежурный спал. Я разбудил его и спросил, что известно о прибытии нашей экспедиции. Едва протерев глаза от сна, дежурный ответил, что он ничего не знает о нашем приезде. Тогда говорю ему: «Срочно соедините с первым секретарем райкома партии». Секретарь райкома через несколько минут был на связи. Я представился. Он мне говорит очень вежливо, что ждали нас до 2 часов ночи и думали, что мы уже так поздно не приедем. Очень по-доброму сообщил, что нас ждут в гостинице. «Устраивайтесь, — добавил он, — а потом вас проводят из гостиницы на ужин в столовую. Там тоже вас ждут». Затем секретарь спросил, когда мы завтра собираемся приступить к работе. Я ответил: «В пять часов утра». — «Что нужно вам для обеспечения выполнения задания?» Я попросил его на каждого офицера машину или мотоцикл и проводника, который бы знал места, которые мы должны обследовать и взять пробы. На этом наш ночной разговор был окончен. Я извинился и пожелал ему спокойной ночи.

На следующий день в 5 часов утра на площади у здания райкома партии и исполкома стояли машины и проводники из работников милиции. После короткого инструктажа все офицеры разъехались по населенным пунктам. Мы же с первым секретарем райкома и председателем исполкома выехали в поселок Николаевка, где был повышенный уровень радиации. Николаевка расположена северо-западнее Красной Горы и является центральной усадьбой совхоза «Курганский». В селе проживало 472 человека, в том числе 232 детишек. С 21

июля 1986 года силами жителей села начали проводиться дезактивационные работы — зданий, сооружений, дорог. Однако эффект был незначительный, и позже население было эвакуировано отсюда, а также из Барсуков, Князевщины, Нижней Мельницы и других деревень.

В Николаевку в тот же день прилетели первый заместитель Председателя Совета Министров РСФСР Табеев Ф. Л. и вместе с ним первый заместитель председателя Госагропрома РСФСР Никитин В. А., начальник штаба Гражданской обороны РСФСР генерал-полковник Крутских Д. А., ряд министров, представители научных учреждений, ведомств. У вертолетов собралось довольно-таки большое количество населения. Один из наболевших вопросов был задан Табееву Ф. А.: «До каких пор мы будем проживать в этом поселке с повышенным уровнем радиации? Когда наконец нас будут снабжать необходимыми продуктами питания?» Были заданы десятки других вопросов. Товарищ Табеев исключительно внимательно выслушивал и отвечал на все вопросы, давал конкретные указания. Потом члены комиссии и все приглашенные пошли в сельский Совет, где была обсуждена сложившаяся обстановка, для уточнения которой в ряде населенных пунктов, в том числе и в Николаевке, прибыла наша военная экспедиция и уже приступила к работе. После разбора всех вопросов на данном совещании были оговорены основные предварительные решения Совета Министров РСФСР.

Наша экспедиция несколько суток проработала в населенных пунктах Брянской области. Мы исколесили ее вдоль и поперек. Нужное количество проб тщательно взяли в тех местах, которые были под подозрением. Последние пробы были доставлены капитаном Давыдовым из Барсуков. Это особенно памятная проба. Она была взята «на заре», так как накануне в двенадцатом часу ночи капитан Давыдов прибыл с пустыми руками. Его подвел транспорт — группа, не добравшись до Барсуков, вернулась без проб. Поэтому офицерам пришлось встать в три часа ночи, добраться до места и действительно прямо на заре взять пробы, чтобы успеть к отлету в Чернобыль.

* * *

Для нашей семьи Брянская область связана с особыми воспоминаниями. Здесь в небе Брянщины в июле 1941 года сражался мой старший брат Иван, военный летчик. Здесь же он получил первую тяжелую контузию в неравном воздушном бою. В таком состоянии он около двух недель выходил из окружения, вышел и выжил. А неподалеку от тех мест в пехоте сражался в это же время отец.

Тяжелые испытания легли на плечи нашего народа. Наверное, до самой смерти сохраняются в памяти ужасы войны, которые пришлось увидеть еще мальчишкой. Земля тогда действительно горела под ногами.

Не обошла война стороной и нашу семью. За месяц до ее начала отца взяли на переподготовку рядового состава. Ему тогда было сорок два года. Мы ждали: вот-вот вернется домой отец. 20 июня 1941 года брат Иван окончил Тамбовское летное училище и тоже известил нас, что скоро приедет в отпуск. Но ни отец, ни Иван так и не вернулись тогда. Более трех лет мы ждали их возвращения.

А наше село Гремячье — центр Гремяченского района — оказалось в 30-километровой прифронтовой полосе. 7 июля 1942 года при осуществлении коварных замыслов операции «Клаузевиц» 6-я полевая фашистская армия направилась от Воронежа вдоль правого берега Дона через Малышеве, Юневку и Гремячье. В село фашисты ворвались утром.

Моя память сохранила одну деталь захвата села немцами. В нашем саду уже созревали вишни. День был воскресным. Мама рано встала и собралась на базар, что посередине нашего районного центра, на горе. Я было увязался за ней. Но на этот раз она как будто предчувствовала недоброе и меня не взяла с собой. Я остался у калитки и смотрел ей вслед.

Увидел, как к ней на деревянной ноге подошел инвалид дядя Степа. Вдруг со стороны горы на бреющем полете летит фашистский «мессершмитт» и пулеметным огнем поливает нашу деревню. Какое-то мгновение — и дядя Степа, перерезанный пулеметной очередью, падает прямо в ноги моей мамы. Мать вначале от ужаса остолбенела, потом, поняв, что произошло, закричала громко на все село: «Люди, помогите!» Все соседи, кто услышал крик матери, сбежались, в том числе и семья дяди Степы, но он был уже мертв... Это была первая жертва в нашем Гремячем.

Мама вернулась домой вся в слезах и в страшном испуге. Мы уселись вокруг нее, как цыплята вокруг заботливой наседки, и она тихонько сказала: «Кончилась и наша мирная жизнь, дети». Буквально через час-другой в направлении на Калач пошла, отступая, советская танковая колонна. Головной танк остановился прямо против нашего дома. Из него вышел, по всей вероятности, комиссар и обратился к собравшимся жителям. Он громко сказал, что наше отступление — это явление временное, «мы скоро вернемся и разобьем врага». Комиссар стоял у обочины. Я до сих пор не могу понять трагического происшествия на глазах у всех жителей. То ли с конца колонны, то ли где-то из середины вдруг вылетает танк и со всей скоростью, объезжая колонну, мчится по левой стороне дороги. Этот танк обивает офицера, и тот падает в кювет замертво. Через несколько минут колонна помчалась дальше на Калач. Жители обезумели от происшедшего, не могли понять, что случилось. Или струсили танкисты, или механик-водитель в узкую щель не заметил офицера и сбил его чисто случайно. Но куда он так торопился? Ведь вся колонна стояла... Скорее всего, это была первая в моей жизни встреча с трагическими последствиями паники.

Как только танки скрылись и пыль маленько осела, мои братья Александр, которому было четырнадцать лет, и Петр по просьбе мамы взяли лопаты и тут же за кюветом начали рыть могилу. Потом подошли бабы и стали помогать. Все документы офицера вместе с сумкой отнесли, кажется, в сельский Совет. Память не сохранила, откуда он и кто. Танкиста завернули в белую простыню, потом закутали в попону и опустили в могилу. Аккуратно засыпали землей. Кто-то успел соорудить крест.

Через некоторое время в село ворвались фашисты на мотоциклах. Они облили хату Хрипушиных бензином и запалили. Семья едва успела повыскакивать в чем есть из дома. Видимо, это был какой-то сигнал, что фашистским войскам можно следовать через этот населенный пункт. Спустя несколько минут на машинах появились моторизованные части фашистской 6-й полевой армии.

Несколько позже часть колонны — примерно машин пятьдесят — остановилась в Гремячем. Вот тут мы впервые и увидели настоящих фашистов-головорезов. Это были не люди, а какие-то голодные звери. Они бросились по всем домам и выгребали все продукты. Залетели и к нам несколько фрицев. Забрали хлеб, сало, мясо и даже чугунок с кашей. Все мы онемели, а когда они уходили со двора, то я, не понимая опасности, схватил из ведра с углями головешку и бросил в спину одному. Видно, это его особенно не смутило, однако он повернулся и погрозил кулаком. Зато мама схватила меня и, пожалуй, впервые в жизни дала подзатыльник.

Одновременно ворвались немцы и в райцентр, что на горе. По райотделу милиции дежурил наш сосед милиционер Чернушкин, совсем молодой парень. Заметив приближение немцев, он занял оборону и начал вести стрельбу. Несколько фашистов были убиты. По всей вероятности, когда у него закончились патроны, он попытался убежать в Гремяченский лес, что был неподалеку. Фашисты ранили его и схватили. Там же, на горе, у оврага, состоялась казнь милиционера Чернушкина. Немцы согнали почти всех жителей Гремяченской горы, а кое-кто прибежал снизу, в том числе пришли и его родители. Вначале фашисты вырезали на его груди пятиконечную звезду, потом перевернули и вырезали на спине две полоски кожи, а потом уже, после страшных мук, поставили на колени у оврага и расстреляли. Спустя сутки его похоронили

в этой ерушке (так назывались у нас овраги). Фашисты не искали семью истерзанного милиционера, но мать и старшая сестра его в тот же день тронулись умом. Сестра и по сей день живет одна на этой усадьбе Чернушкиных.

Лютая ненависть к фашистским иродам рождала неистовую жажду мщения в сердцах односельчан. Ни одного дня не обходилось в Гремячем без происшествий, вплоть до нашей эвакуации. Ночью после казни милиционера Чернушкина были подожжены фашистские продовольственные временные склады и несколько автомашин. Подпольная комсомольская организация во главе с Иваном Баутиным действовала с первого дня и активно мстила за своих погибших земляков и унижения жителей.

Участились воздушные налеты на Гремяче. Мама распорядилась срочно отрыть в саду две глубокие землянки наподобие бомбоубежищ. Старшие братья и сама она отрывали землянки по всем правилам военной науки — Г-образной формы. Расчет на оборудование двух бомбоубежищ у мамы был прост: если в одно из них попадет бомба, то в другом в живых останется хотя бы полсемьи. Так поступали и другие жители. В садах рыли укрытия и даже маскировали дерном и ветками. А для меня начиналось практическое знакомство с гражданской обороной, которая впоследствии станет моей военной судьбой.

Фашисты между тем настолько обнаглели, что выгребали у нас буквально все подчистую. Забирали коров, поросят, кур и прочую живность. Для того чтобы не бегать за курами во дворах, они приспособили так называемые колотушки в полметра длиной с резиновым набалдашником. Заходит во двор фашистский детина и начинает охоту. Бросает такую палку в курицу, и добыча в руках. Как-то до них дошло, что на селе готовят очень вкусный домашний творог. Однажды приходит к нам в дом один фриц и распределяет обязанности среди братьев — Петра и Бориса. Борису показывает на печь: мол, залезай и подавай оттуда корчажки с кислой простоквашей. Пете дает указания принимать эти корчажки и выливать их в сито с марлей для процеживания над ведром. Таким образом, отжав в итоге творог, этот фриц вышел во двор и решил покуражиться над детьми. Вытянул левую руку, в которой был творог в марле, вперед и жестом показывает: ну, кто сможет выхватить этот узелок, того он и будет. Старшие братья Александр и Петр ввязались в эту затею и пытались выхватить творог, но тут же получали сильного пинка под зад от фрица. Тем временем младший брат Борис забежал, как кошка, тихонько сзади немца и, изловчившись, выхватил этот узелок с творогом и помчал в сторону сада. Фашист тут же, не долго думая, снял автомат с плеча и дал очередь по Борису. Борис упал. Мама бросилась к нему, и все мы, переполошившись, расплакались, подумали, что Бориса немец пристрелил. Оказалось, что и тут Борис, несмотря на свои двенадцать лет, перехитрил немца: упал раньше, чем была выпущена автоматная очередь.

Ненависть взрослых к захватчикам быстро передавалась и детям. Они находили свои, подчас ребяческие формы протеста. Так, при одном мощном обстреле советской артиллерией было уничтожено несколько расчетов орудий немцев, что стояли на горе в подсолнухах. Фашисты со всеми почестями похоронили погибших. Около двадцати крестов с касками на них мы насчитали на немецком кладбище. Мой брат Борис собрал двадцать пацанов где-то в обед и сказал: до вечера никому в туалет не ходить. Меня тоже Боря зачислил в эту команду. А как только стемнело, он всех нас повел через сады на немецкое кладбище. Было как-то жутковато. Когда мы пришли туда, Борис дает команду: снять с крестов каски, а в них оправиться и поставить каски назад под кресты. Все мы быстро «разрядились» и были таковы. Но эта проказа Бориса чуть не стоила жизни многим людям села. Хорошо, что в эту ночь состоялась очередная вылазка партизан из Красного леса в расположение немцев, в результате которой несколько десятков фашистов было уничтожено, и эта наша «операция» была отнесена на счет партизан.

Об этой проделке мама узнала, пожурила Бориса и сказала нам, что еще рано ввязываться «не в свои дела».

Уже после войны мама рассказала нам о своей причастности к тому артобстрелу. Как-то поздней ночью в окно постучал человек. Мать подумала: наверное, немцы, опять ищут партизан или за едой пришли. Но ничего не поделаешь — нужно открывать. Когда открыла дверь, то увидела в гражданской одежде русского мужчину. Он назвал мать по имени. «Откуда вы меня знаете?» — спросила мать. Зашли в хату, и этот мужчина сказал, что он разведчик и пришел от своих с небольшой группой солдат с серьезным заданием — уточнить все огневые точки немцев на горе. «А помочь, Наталья Васильевна, должны вы, так как хорошо знаете свою гору, и муж ваш, Дмитрий, нам рекомендовал обратиться к вам». Мать не поверила, что наш отец где-то рядом, в Жировом лесу. Разведчик рассказал, что отец был тяжело ранен под Воронежем, в районе Подклетного, и, конечно, не мог принять участие в выполнении этого задания. «А когда командование выясняло, нет ли кого из села Гремячьего, чтобы можно было послать в разведку вражеских позиций, то, кроме вашего мужа, никого не оказалось...»

Разведчиков подобрали, а отец растолковал, как найти наш дом, и сказал, что жена у него башковитая и обязательно поможет в их деле. Мама со всей скрупулезностью, по памяти помогла нанести все огневые точки на горе. Было их но так уж и много, но все орудия дальнбойные и предназначались для обстрела наших войск через село и Дон.

Мать собрала кое-что из съестных припасов, отдала разведчику, а отцу завернула в расшитое полотенце табак, кусочек сала и горбушку хлеба и просила ему передать. Отец позже рассказывал, что из четверых разведчиков вернулся только один. Трое погибли, когда переплывали Дон на рассвете. Фашисты, заметив их, открыли сильный пулеметный огонь. Однако данные разведки были доставлены командованию арtpолка, а под вечер огневые точки фашистов на горе были почти все уничтожены.

За сутки до нашей эвакуации из Гремячьего мы с волнением наблюдали за трагедией в небе. Мама все говорила: «А вдруг там наш Ванюшка?» Бабушка Солоня стояла, плакала и все крестилась и произносила: «Господи, спаси наших, спаси наших». Было видно, как фашистский самолет с черной свастикой задымился и упал в Аксенову ерушку.

В воздушном бою был сбит и наш самолет, который пронесся с длинным шлейфом дыма над Гремячим и упал на окраине села Семилуки, недалеко от огорода колхозницы Щеголевой Прасковьи Ивановны.

В самолете остался живым летчик 825-го штурмового авиационного полка 225-й авиадивизии Мальцев Михаил Тихонович, которому была поставлена боевая задача — поджечь Девицкий лес, где скопилось большое количество техники фашистов. Раненый летчик Мальцев при падении откусил себе часть языка и потерял сознание. Когда он очнулся, то увидел двух женщин, которые пытались тушить самолет. Потом они извлекли из кабины летчика и потащили в хату. Уже в 60-х годах Мальцев вспоминал: когда они вошли в хату, то на столе лежала гражданская одежда, приготовленная женщинами. Но переодеться Мальцев не успел, так как одна из женщин вбежала в дом и крикнула: «Тикайте быстрее! Немцы идут!» Прасковья Ивановна позвала старшего сына и велела ему сопроводить летчика по оврагу и далее в лес.

Немцы влетели в дом, учинили обыск и допрашивали Прасковью Ивановну: где летчик? Потом обшарили все небольшое село. Позже подъехали гестаповцы в черных фуражках. Гестаповский офицер начал избивать Прасковью Ивановну, пытаясь узнать, куда спрятали военного летчика. Но Прасковья Ивановна одно твердила: «Не видела, не знаю...» Около десятка разъяренных эсэсовцев долго терзали Прасковью Ивановну, ее мать, детей, требуя указать, куда исчез советский летчик.

Что стоило Прасковье Ивановне ради спасения всей семьи указать на тот овраг, по которому ушли летчик и ее сын? Но она этого не сделала. Щеголева вдруг представила себе, что это ее муж, Степан, которого мобилизовали в армию в первые дни войны. Прасковья, после того как ушел на фронт Степан Егорович, не раз говорила: «Если бы не дети, ушла бы я вместе со

Степаном бить гитлеровцев». Но пока истязали эту мужественную женщину фашисты. На детей они натравили овчарок, но и это не вырвало признания от Прасковьи Ивановны. Тогда немцы всех, кто был в доме, ее, мать и детей, расстреляли и сбросили их тела в погреб. Спустя несколько дней старшая дочь Татьяна, которая жила отдельно, и родственница Екатерина Герасимовна похоронили всю семью во дворе дома.

После окончания Великой Отечественной войны вернулся солдат Степан Егорович в Семилуки, к себе домой. Он ничего не знал, какая горькая и страшная доля выпала его семье.

Значительно позже погибшей семье был поставлен памятник из красного мрамора. И таких примеров выполнения патриотического долга было множество среди населения оккупированных сел.

Не раз в трудные минуты чернобыльских событий я задавал себе вопрос: каким образом в народе, не раз проявлявшем такие высоты духа, не раз с презрением смотревшем в глаза смерти, демонстрировавшем чудеса храбрости, самоотверженности, жертвенности во имя общего дела, вдруг находили питательную среду и расцветали пышным цветом такие гнусные пороки, как предательство, трусость, подлость, ложь и клевета? Где их истоки?

Конечно, во все времена были разные люди, в том числе и с самыми низменными нравственными качествами. Но почему же у нас именно такие на длительные периоды оказывались наверху? Что за дикий круговорот событий: люди непорядочные захватывают власть (в центре или на местах), пользуются связанными с ней благами, доводят нацию до страшных бедствий, для спасения от этих бедствий призывают людей с истинно высоким духом, а когда те сделают свое дело, опять отодвигают их в тень, сами продолжая оставаться «наверху». Что это — закономерность? Неизбежность? Возможно ли и как порвать этот порочный круг? Какие социальные явления лежат в его основе?

Ниже мы еще обратимся к этой теме, когда познакомимся с Брюхановым и его окружением. А пока вернемся в зону Чернобыльской АЭС.

* * *

В районе Чернобыльской АЭС характер радиоактивного заражения местности и воздушной среды определялся метеорологической обстановкой, которая сложилась 26 апреля и в последующие несколько дней. Она обуславливалась юго-западной периферией антициклона, центр которого находился в районе Архангельска у поверхности земли. Это определило в указанном районе малооблачную, со слабыми ветрами в приземном слое погоду. Такая обстановка и предопределила формирование фронта и зон радиоактивного заражения в первые сутки после аварии преимущественно в западном и северном направлениях. Определение размеров зон радиоактивного заражения, уровней радиации, ориентировочных границ зон — все это было весьма ответственным и кропотливым делом военных и гражданских специалистов. Об этом частично уже шел разговор. Помимо работ, которые выполняли офицеры на земле, специально оборудованные самолеты и вертолеты курсировали над обширными территориями областей, фиксируя следы радиоактивного заражения местности. Это были и военные, и гражданские летательные аппараты.

С особой теплотой я вспоминаю теперь замечательного организатора, душевного человека доктора технических наук капитана 1 ранга Матущенко Анатолия Михайловича. Он лично длительное время занимался организацией работ и контролем воздушной среды над обширными территориями Украины и Белоруссии, а также над самим аварийным реактором и прилегающей к нему местностью. Как правило, в светлое время суток Анатолий Михайлович не вылезал из самолета-разведчика или вертолета-разведчика. Он пылливо вел измерения гамма-излучений в атмосфере, обрабатывал полученные результаты, потом определял процентное

содержание соответствующих радионуклидов в атмосфере, брал пробы аэрозольных продуктов на траекториях их переноса, вместе со своими подчиненными следил за тем, как «дышит» реактор.

Правда, потом решили контроль за «поведением» аварийного реактора усилить с помощью специального оборудования, смонтированного на крышке для реактора, которую заказали на одном из предприятий Киева.

И вот готовую крышку типа зонтика доставили военным вертолетом на площадку в Чернобыль, где монтажники под руководством специалистов установили соответствующую систему датчиков, термопары, газоанализаторы и прочее оборудование.

Как-то утром я приземлился на вертолете Ми-8 прямо рядом с этой крышкой. Минут двадцать я лазил по ней, а потом сказал монтажникам, что все это не особенно надежно. Вечером того же дня после работы на АЭС я подъехал на машине к вертолету и было уже уселся для отлета в Овруч. Смотрю, военные вертолетчики подвесили эту крышку и решили потренироваться перед тем, как ею накрыть «саркофаг». Вертолет с крышкой взмыл в небо, но на высоте метров сто крышка стала покачиваться, потом она оторвалась от вертолета, плавно перевернулась конусом вниз и через несколько секунд ударилась о землю, превратившись в грудку металла. Это был конфуз. Как позже выяснилось, конструкторы плохо рассчитали стопорный болт, не подобрали нужное его сечение, а потому его уже при малой перегрузке от раскачивания попросту срезало. И пришлось нам вновь проводить свои замеры на вертолетах.

Но возвратимся к рассказу об Анатолии Михайловиче Матущенко и его подчиненных. Их усилиями была получена достаточно полная оценка радиационной обстановки воздушной среды.

Часто от нашего руководства на контрольные полеты вылетали кандидат технических наук капитан 1 ранга Кауров Георгий Алексеевич, генерал-майор Евстафьев И. Б. и полковник Овчинников В. В. Иногда их полеты затягивались. Как-то я спросил своих коллег: «Где это вы блуждаете так подолгу?» Георгий Алексеевич расплылся в добродушной улыбке и ответил: «Вот когда полетишь с нами, то все поймешь, своими глазами увидишь, где мы блуждаем». В один из дней я дал согласие, и мы вылетели. Выполнив облет объектов, вертолет-разведчик Ми-6 приземлился на берегу Днепра в деревне Теремцы, из которой все население было давно эвакуировано. Я подумал, что мои товарищи решили покупаться в Днепре, так как в июле стояла невыносимая жара и порою дышать было нечем. Наша спецодежда вместе с нижним бельем постоянно была мокрой. Поэтому ежедневно мылись в походной бане. Тут был и пар, и горячая вода, и чистое белье, и чай.

Так вот, вертолет сел рядом с деревенской хатой в этом самом поселке. Я смотрю и глазам своим не верю: из хаты выходит пожилой мужчина, за ним бабуля, а потом еще и сосед тоже со старухой. Я несколько опешил, когда увидел жителей. Я хорошо знал, что население из этой деревни давно эвакуировано. Уровни радиации были высокие. Мы вышли из вертолета. Жители искренне благодарили за мешок муки, доставленный моими товарищами еще раньше. А теперь они привезли соль, консервы, хлеб. Оказалось все очень просто. Несколько престарелых семей категорически отказались эвакуироваться из прекрасного приднепровского села Теремцы и, невзирая на радиационную опасность, остались жить дома. Наши товарищи при облете заметили их и решили разузнать, в чем дело. Причина отказа от эвакуации одна — любовь к родной земле, где они родились, выросли, состарились. Решили, как они заявили, умереть на этой земле. Естественно, что заботиться о них было некому, так как все были эвакуированы. Кауров и Евстафьев взяли над ними шефство.

Пока мы обошли эту небольшую деревеньку, хозяева сварили чудную уху из судака. Без особой боязни (вот что значит незримость опасности, которую не приученный к ней человек попросту игнорирует) мы с аппетитом съели по две миски этого чудного кушанья. За ухой

старожилы рассказали нам о своей жизни, о минувшей войне и личном участии в былых сражениях. Один дедуля оказался бывшим разведчиком, майором в отставке.

День клонился к вечеру. Вертолетчики отлили керосина в пустые емкости и отнесли во двор старикам. В керосине те остро нуждались. Мы тепло распрощались с гостеприимными хозяевами и взмыли в небо. Так больше мне и не довелось побывать в этих Теремцах, а потому и не знаю, как сложилась дальше судьба этих милых престарелых людей. Кажется, два года спустя чуть ли не их показывали по телевидению.

В вертолете мы все погрузились в грустное раздумье. Каждый думал о своем. Я вспомнил снова свою маму, которой в августе 1986 года исполнилось восемьдесят шесть лет. Одна живет в Гремячем. Сколько лет уговариваю ее бросить этот ветхий, неказистый домик и переехать ко мне в Москву! Но ни на какие уговоры она и теперь не поддается, а особенно после смерти отца. Душой и телом приросла к родной земле, и ничто ее больше не прельщает. Свой садик и огород она в эти преклонные годы обрабатывает сама, да малость помогают моя старшая сестра Мария с мужем Василием, которые живут в Воронеже. Помню, в 1985 году мы с дочкой Леной погостили у нее дней десять. Попытались уговорить на этот раз и забрать ее с собой, но ничего не вышло. И вот только вернулись в Москву, как соседка звонит и передает просьбу мамы: мол, она согласна переехать жить к нам. Мы — на машину и в Гремяче. Благо, что еще отпуск не окончился. Едем и радуемся, что паша бабуля наконец-то сдалась. И вот мы в Гремячем. Смотрю — ничего мать не собирала в дорогу. Я спрашиваю: «Почему ты еще не собралась? Времени у нас очень мало». А она и говорит в ответ: «Нет, сынок, я от этого царства никуда не поеду, а уж за ложный вызов прости, еще раз хотела повидать тебя и внучку». С огорчением пришлось уехать и на этот раз без мамы... Вот я и подумал, что, случись подобное и с Гремячим, вряд ли моя мама покинула бы родное село.

Пока мы летели назад, я все мысленно пытался сравнить Теремцы, расположенные у Днепра, и Гремяче, лежащее у Тихого Дона. И то и другое село были удивительно красивы, но только Теремцы теперь были почти безжизненными. И такая тоска охватила меня. Вскоре вертолет приземлился, и я, выйдя из него, заговорил с Георгием Алексеевичем о предстоящей завтра поездке в Полесское для уточнения радиационной обстановки в самом райцентре. Эта поездка была вызвана замечанием, сделанным мне председателем Правительственной комиссии Ведерниковым Геннадием Георгиевичем: якобы кто-то из наших офицеров исподволь замеряет в Полесском уровни радиации и информирует население об опасности проживания. Я проглотил, как говорится, эту пилюлю всенародно, но Геннадий Георгиевич подчеркнул, что нужно разобраться, найти виновников и принять меры, а заодно уточнить истинную картину радиационной обстановки в Полесском.

Вскоре мы были у себя, где нас с нетерпением ждал генерал-майор Евдокимов В. Г. Речь зашла о делах, связанных с приездом первого заместителя Министра обороны СССР генерала армии Лушева П. Г. Мы в спокойной и деловой обстановке обсудили доклады по направлениям, подготовили нужные справки, уточнили по секторам радиационную обстановку, ход и объем выполнения работ войсками, определили постановочные вопросы.

Генерала Евдокимова отличает от многих других прекрасная черта: в любой обстановке совершенно спокойно, без суеты он выслушивал всех заместителей, учитывал их мнение, а потом уже, обобщая толковые предложения, очень умело и грамотно формулировал окончательное решение. Совещания, как правило, были короткими, но деловыми.

В трудные минуты нашей напряженной жизни Василий Евдокимович умел снять усталость рассказом об интересных эпизодах своей службы. Помню, мы ужинали очень поздно и от сильной утомленности почти ничего не ели. Тут он начал рассказывать о своей службе в Китае. Много рассказал интересного. С юмором обрисовал посещение одного провинциального китайского «шанхая», то есть невзрачного ресторанчика, где они иногда ужинали.

Однажды офицеры за ужином стали расспрашивать хозяина ресторана, где он раздобыл такое «сокровище» — ресторан, сколько заплатил за него. Тот назвал сумму — что-то около 27 миллионов юаней. «Ну, тогда продавай нам эту корчму». Видимо, китаец не понял и закивал головой: «Да, да». Тут офицеры собрали названную сумму и вручили ему деньги. «Бери и дуй! — с хохотом сказали ему. — Теперь ресторан наш, и ты будешь ходить к нам в гости». Наконец-то дошло до хозяина, о чем речь. Бедняга смертельно перепугался, стоял остолбенело с кучей денег посредине ресторанчика, не зная, что ему делать. До него не доходило, всерьез ли русские офицеры затеяли покупку его заведения или шутят. Наконец он робко подошел к столу, положил аккуратненько деньги и тихо промолвил: «Моя ресторан не продает...» Тут наши грохнули от смеха. Кто-то поднес ему рюмку с русской водкой, положил руку на плечо и сказал: «А зачем нам твой «Шанхай»? Мы его в Россию повезем, что ли? Да у нас таких «шанхаев» в каждой деревне навалом. Мы пошутили, хозяин». Только теперь он совсем успокоился, заулыбался, забегал.

Так за рассказом мы как-то отвлеклись и более или менее поужинали, да и насмеялись до болей в животах...

Генерал армии Лушев П. Г. прибыл к нам с большой группой генералов и офицеров. В десять часов утра он заслушал Евдокимова, заместителей и ряд других специалистов по направлениям. Он требовал докладывать сжато по самым главным, принципиальным вопросам, давать точную оценку, делать выводы и конкретные предложения. После каждого заслушанного доклада генерал армии комментировал его, тут же давал указания нам или прибывшим с ним генералам и офицерам. Метод его работы импонировал. Это тоже была своеобразная наука, когда ты извлекаешь определенную пользу для себя из опыта работы старшего начальника.

Впервые я познакомился с генералом армии в 1975 году, когда мы готовили крупные учения по гражданской обороне сразу в двух округах — Приволжском и Уральском. Будучи командующим Приволжским военным округом в звании генерал-лейтенанта, он вник в подготовку этого учения, оказывал всяческую помощь в создании крупного натурального полигона и подготовке войск и невоенизированных формирований. Я же с группой офицеров, прибывших из Москвы, несколько месяцев провел на этом полигоне. Мой заместитель полковник Бушуй М. П., полковники Авакитов С. С., Чулкин А. А., офицеры из округа дневали и ночевали на этом полигоне. И старания наши были отмечены командующим войсками округа. О нем и теперь говорят, что он уважает трудолюбивых генералов и офицеров.

На те учения прилетел начальник Гражданской обороны СССР генерал армии Алтунин Александр Терентьевич. Учения в Приволжском и Уральском военных округах были спланированы по личному его указанию и были направлены на отработку всех элементов ведения неотложных спасательных и аварийно-восстановительных работ в очагах ядерного поражения. Имитация очага поражения была максимально приближенной к реальным условиям.

Помню такой эпизод: когда расчет на турбореактивной установке приступил к тушению крупного пожара, то с ним не смогли справиться из-за высокой температуры огня. Весь пожарный расчет, кроме механика-водителя, мигом спрыгнул с установки и убежал прочь, хотя люди были в специальных теплоотражающих костюмах. Мужество проявил механик-водитель и спас машину от огня. Это был показатель слабой психологической подготовки пожарных. Но, несмотря на это, учение достигло своих целей, все участники получили высокую оценку от генерала армии Алтунина А. Т. и командующего войсками военного округа генерал-лейтенанта Лушева П. Г.

Узнал ли меня генерал армии Лушев теперь, спустя одиннадцать лет? Меня включили в группу его сопровождения для посещения войск по всем секторам на Чернобыле. Мы

прилетели в Чернобыль. Завернули па атомную станцию. Я подошел к Лушеву, подал белый «лепесток» для защиты органов дыхания и говорю: «Прошу одеть эту немудреную защиту». Потом помог ему закрепить его на носу и голове, и мы отправились по назначению. После осмотра станции генерал армии вернулся вместе с нами в Чернобыль и начал внимательно заслушивать доклады о проделанной работе по направлениям. Первыми докладывали генералы Плышевский Б. А., Бухтояров В. Н., Дородиев Ю. П., Максимов М. Т. и другие. Запутаннее всех докладывал генерал-майор Бухтояров, а потому больше всего ему и досталось. Но мне показалось, что он владел обстановкой, но почему-то растерялся.

Хороший и выдержанный доклад получился у генерал-лейтенанта Максимова Максима Тимофеевича. Он касался работы развернутых пунктов специальной обработки техники и хода строительства зимних ПуСО. Он объективно доложил о неудовлетворительном ходе строительства зимних ПуСО, что было поручено Минэнерго СССР. Генерал армии Лушев прервал доклад Максима Тимофеевича и сказал: «Имейте в виду, товарищ Максимов, сражайтесь хоть с самим министром энергетики, но я с вас спрошу за их готовность к зиме». Максим Тимофеевич не пререкался, не пытался доказывать свою непричастность к возникшим трудностям. Он коротко, по-военному, ответил: «Есть».

Я, откровенно говоря, сидя в зале и учитывая крутой нрав генерала армии Лушева, переживал за Максима Тимофеевича, которого знаю многие годы как великолепного организатора, талантливого химика и душевного человека. Как-то мы вместе с ним готовили под руководством генерал-лейтенанта Власова Н. И. крупные учения по светомаскировке в городе Жданове. В условиях ночи с полностью отключенной системой электроснабжения города, в том числе внешнего и внутреннего освещения, авиация должна была отыскать конкретные цели и «поразить» их. Генерал-майор авиации Алкснис — внук прославленного военачальника — накануне нам и говорит: «Да это пустяки! Летчики разделают цели под орех». Максим Тимофеевич улыбнулся и па ухо мне шепчет: «Коля, я им сюрприз подготовил». И тут он поведал об интересной идее — закрыть объекты от налетов авиации «противника» площадным задымлением. Весь день накануне учений сотни воинов-химиков под его руководством раскладывали дымовые шашки, которые распределялись равномерно в горизонтальной плоскости и на разных уровнях по высоте, где это было возможно. Поздно ночью с пунктов управления Максимов задымил не только объекты, но и весь город. Военные летчики не смогли найти свои цели, и никакая инфракрасная техника не помогла им. Рассерженный Алкснис поставил своим «неуд», а Максиму сказал: «Ну и подсуропил ты мне, Максим Тимофеевич. Спасибо за науку, пойдет впрок. Откровенно говоря, с задымлением мы впервые столкнулись. Вы подали толковую идею защиты, а мы будем искать контрмеры».

Несколько позже я предложил Максиму Тимофеевичу заняться комплексной защитой объектов дымами и оформить это все в диссертацию. Он попросил меня оказать ему помощь. Я с удовольствием разработал ему подробный план-проспект и аннотацию будущей работы. Он начал активно трудиться. А потом как-то спрашиваю его: «Как дела с работой?» А он смущенно, как-то по-детски улыбаясь, отвечает: «Начальство велело бросить эту затею, не отвлекаться от службы». Я его еще раз попытался убедить не только ради диссертации, но и ради дела завершить это исследование.

На Чернобыле Максим Тимофеевич как химик-специалист выложился до предела. Приятно иметь дело с такими людьми.

После официального заслушивания руководящего состава генерал армии Лушев направился в войска. При встречах с солдатами он был исключительно внимателен к их нуждам. Как правило, вопросов ему задавалось много и все по существу. Были и каверзные, наподобие того, как в воинской части у химиков один солдат сообщил, что командиры и финансисты хитрят с оплатой за работу в зонах с повышенной радиацией. Командирам, финансистам и полит-

работникам генерал армии «поддал перцу». Этот эпизод я запомнил хорошо, а те, кого прямо касалось, наверное, долго будут вспоминать. Но все было справедливо, без предвзятостей.

Зашли в одну из больших утепленных палаток на 50 коек. В палатке чисто, уютно и чувствуется — будет тепло и зимой. Генерал армии спрашивает замполита части: «А где радио?» Тот растерялся и не знает, что сказать. А говорить было нечего, так как до сих пор радиоточки не были оборудованы. Тоже произошел конфуз. Тогда один солдат тащит огромный радиоприемник. Он решил выручить замполита: вот, мол, смотрите — радио у нас есть. Но этот номер не прошел.

Прибыли мы к саперам. С нами был маршал инженерных войск Аганов С. Х. Он был в спецодежде, но без погон. Этот высокообразованный военный инженер, эрудированный в разных областях пауки и культуры, литературы и искусства, обладал крепкой памятью. Несколько забегаю вперед, скажу, что как только мы увиделись в госпитале имени Вишневого, он тут же меня признал и долго расспрашивал об операции на третьем блоке и о состоянии моего здоровья.

Так вот, когда генерал армии Лушев встретился с воинами-саперами, он спросил у них: «А кто у вас начальник инженерных войск?» Солдаты почти хором назвали маршала Аганова. Тогда он спросил: «А где маршал Аганов сейчас?» Ему ответили: «Рядом с вами». Солдаты, сержанты и офицеры знали своего маршала в лицо, так как он не раз был в подчиненных войсках в период ликвидации последствий аварии.

На этой встрече солдаты меньше задавали вопросов, но все же они были. Один солдат без стеснения встал и говорит, что тыловики, особенно работники продслужбы, стали хитрить с дополнительным питанием, редко выдают положенные фрукты и соки. «Мы знаем, — утверждал солдат, — что завоз фруктов и соков идет, а вот на стол к нам не всегда попадает». Ну тут был полный разгром офицерам тыла, и особенно работникам продслужбы.

Чуть позже мы осмотрели состояние специальной техники химиков, ее приспособленность к защите от проникающей радиации, содержание, готовность. Генерал армии техническим состоянием, «раскученностью» отдельных машин остался недоволен. Был в это время от химвойск генерал Бухтояров, которому изрядно перепало. Требования предъявлялись справедливые, так что обиженных, мне кажется, не было.

И как можно было обижаться, например, одному видному политработнику — генералу, если на вопрос «А сколько вы лично поощрили солдат, сержантов и офицеров за активное участие в ликвидации последствий аварии?» он вынужден был ответить: «Ни одного». Можно было бы и дальше приводить примеры, но не в этом суть дела. Все эти негативные примеры были лишь отдельными эпизодами. В целом же в этот сложный и напряженный период ликвидации последствий аварии у большинства ее участников была высочайшая ответственность, начиная от крупных военачальников и вплоть до рядового солдата. В этом мы еще раз убедились в ходе объезда войск вместе с генералом армии Лушевым П. Г.

Надо сказать, что каждый приезд большого начальника — это, с одной стороны, стимул для активизации работы подчиненных, а с другой — отвлекает от выполнения основных функциональных обязанностей, текущих дел. Приходится вертеться.

Вот и сейчас, улучив удобную минуту в ходе сопровождения Лушева, вместе с капитаном 1 ранга Кауровым и офицером-химиком мы умчались выполнять поручение Ведерникова Г. Г. в Полесское. Как вы помните, речь шла об уточнении радиационной обстановки в отдельных местах района и о выявлении источников информации для панических слухов.

Как показали тщательные измерения, радиационная обстановка была вполне нормальной. А пресловутая «утечка информации» произошла в результате свободной интерпретации гражданскими людьми неосторожно оброненного слова одним нашим специалистом. Дело, как говорят, не стоило выеденного яйца. Однако этот случай еще раз

напомнил нам, насколько нужно быть осторожным с информацией в критических ситуациях. Суть не в том, чтобы скрыть от населения правду, а в том, чтобы не посеять ложь, могущую привести к серьезным последствиям. Здесь есть, на мой взгляд, аналогия с поведением врача у постели больного...

Обо всем этом и было своевременно доложено товарищу Ведерникову.

Но вернемся к делам Чернобыля.

На территории, в зданиях и других сооружениях АЭС постоянно сохранялась напряженность. Всех, кто работал здесь, беспокоила радиационная обстановка, которая была сложной и переменчивой. Уровни радиации в контрольных точках, расположенных в сотнях метров друг от друга на территории АЭС, различались порой во много раз.

Для оценки радиоактивного заражения внутри зданий, сооружений, а также всего оборудования была создана специальная группа из офицеров-разведчиков, которая не только проводила замеры уровней радиации, но и разрабатывала рекомендации по их снижению. Но встречались и такие офицеры, которые компрометировали это высокое звание даже и в такой критической обстановке. Помню, как-то заходим поздним вечером в гостиницу небольшого городка с полковником Невмовенко А. М.: поужинать не успели и решили в буфете что-нибудь взять. В это время распахнулась дверь ресторана, и мы увидели — за столом сидят и пьют водку офицеры, хотя официально в ресторане разрешалось только сухое вино. Мы прошли с Анатолием Михайловичем в кабинет к администратору и попросили пригласить сидящего за столом полковника. Понурился, подходит. Спрашиваем: «Кто вы?» — «Командир части». — «А кто с вами?» Отвечает: «Замполит, комбаты». — «Почему приехали пьянствовать так далеко?» — «Захотелось выпить — вот и все», — буркнул этот командир. Что говорить с пьяным?

Дорого обошлось посещение ресторана в Овруче и командиру, и его собутыльникам. Все они были привлечены к строгой партийной и административной ответственности. Вот и такие офицеры попадались на Чернобыле.

А солдаты, видя, как себя ведут командиры, тоже иногда бродили — только не по ресторанам, а по селам и покупали самогон. Приходилось принимать исключительно жесткие меры по поддержанию дисциплины и порядка.

Надо сказать, случаям пьянства способствовали досужие разговоры: якобы спиртное снижает воздействие радиации на организм. Я не знаю, правда ли это, на себе не испытывал, а вот в воздействии спиртного на разум пьющих я уверен, особенно если доза превышает предельно допустимую для данного индивидуума. И главное, что попадались пьяными те, кто не работал в особо опасных местах Чернобыльской АЭС. Уж туда мы людей отбирали высоконравственных, физически закаленных, с сильной волей, настоящих патриотов Родины.

Особенно квалифицированно и авторитетно работала группа офицеров под руководством химика подполковника Рагулина И. П. Эта группа размещалась в небольшой комнате административно-бытового корпуса ЧАЭС, рядом с директором и главным инженером. Все офицеры с утра и до поздней ночи не выпускали приборы ДП-5 из рук, лично вели замеры в первом и втором энергоблоках. Приезжаю однажды в эту группу с генералом Евдокимовым В.Г. и полковником Дьяченко А. А. Рагулин докладывает, что дезактивация в первом и втором блоках идет впустую, так как помещения разгерметизированы и администрация мер не принимает. Мы внимательно выслушали, переоделись в спецодежду, взяли с собой лейтенанта Кунцевича А. А. с прибором ДП-5 и пошли в первый, второй и третий блоки провести контрольные замеры.

В течение нескольких часов мы самым тщательным образом обследовали энергоблоки, провели массу замеров и нанесли на картограмму полученные уровни радиации. Своими глазами увидели полную разгерметизацию помещений. Стекла в ряде оконных проемов были

выбиты еще при взрыве, металлические ворота деформированы, никто никакой санитарно-пропускной режим не соблюдает, и вот в таких условиях солдаты пытаются проводить дезактивацию. Солдат из первого и второго энергоблоков приказали убрать.

После всего увиденного направились к директору АЭС Поздышеву Эрику Николаевичу. В это время прибыл на АЭС начальник оперативной группы генерал-лейтенант Чуйко. Я вкратце проинформировал и его о состоянии дел с дезактивацией первого и второго энергоблоков, и мы вместе пошли к Поздышеву. У него в кабинете сидели еще два генерала и тоже с претензиями к администрации АЭС. Видимо, с ними Эрик Николаевич уже «подзавелся» как следует, и только я начал ему говорить о безобразиях, как он вспыхнул: «Ну, это созвездие генералов доконает меня сегодня». Я все же попросил его выслушать, но он не сдавался: «А где был этот ваш Рагулин? Кому он хоть раз докладывал?» Я ему: «Давайте вместе и спросим». А Рагулин — за дверь. Я пригласил его в кабинет Поздышева, и он объяснил, что не раз этот вопрос в письменном виде излагал главному инженеру АЭС Штембергу. Эрик Николаевич возмутился. Тут я Поздышеву и говорю, чтобы администрация подготовила необходимые материалы, а солдаты и офицеры будут помогать в герметизации этих энергоблоков. Меня поддержали генерал-лейтенант Чуйко и присутствовавший при этом заместитель председателя Правительственной комиссии Семенов Ю. К., который всех нас примирил. А Эрик Николаевич в знак признания своей вины угостил нас кофе. После этого у нас сложились самые дружеские и добрые отношения. Эрик Николаевич — исключительно грамотный инженер, наделенный недюжинными организаторскими способностями. Он прибыл со Смоленской АЭС и дни и ночи находился на Чернобыльской АЭС с первых дней после аварии. Самые сложные и ответственные работы по наладке, ревизии всего оборудования и пуску первого и второго блоков атомной станции лежали на его плечах. Ему пришлось практически заново скомплектовать полный штат инженерно-технического персонала АЭС и организовать все виды работ.

Кроме того, на станцию постоянно приезжали члены правительства, министры, крупные ученые, военачальники, зарубежные гости, и с ними нужно было уметь держаться, давать соответствующую уровень гостей информацию, ставить перед ними вопросы и проблемы, координировать и увязывать желания и стремления многих представителей. И на все это хватало Эрика Николаевича. За многие месяцы работы на ЧАЭС Поздышева только, кажется, дважды на короткое время подменял Сараев Юрий Парфенович, директор Смоленской АЭС. Все остальное время, с апреля 1986 года и по январь 1987 года, Поздышев был безотлучно на АЭС. Эрика Николаевича выручала хорошая физическая подготовка, настоящая армейская закалка. Если он ночевал на Зеленом Мысе, то вставал рано утром и бегал по десятку километров. Это удивительный человек во всех отношениях. Его искренне ценили и уважали во всех сферах. Особенной любовью он пользовался у военных. В разгар сложной и опасной операции по удалению высокорadioактивных материалов с крыш третьего энергоблока при дефиците времени он нашел возможность прийти к нам на командный пункт и посмотреть на работу солдат, сержантов и офицеров, выяснить, какая помощь нужна от администрации.

Говоря о радиоактивном контроле на Чернобыльской АЭС, невозможно умолчать о безобразных фактах неподготовленности штатных технических средств контроля. Так, на второй очереди АЭС была смонтирована специальная система АКРП-06 («Горбач-1»), Занималось этой системой одно из предприятий союзного министерства. Но когда произошла авария, то оказалось, что она недоработана и в момент аварии не могла оценить радиационную обстановку. Так кто же за это в ответе? Куда вылетели народные средства?

Почему эта система все же не работала? А вот почему. У нее была низкая помехозащищенность, отсутствовала система метрологического обеспечения, были частые выходы из строя датчиков. В комплекте аппаратуры не оказалось технических средств по

контролю за внешней радиационной обстановкой вокруг АЭС, лабораторного оборудования для исследований радиационной обстановки и прочего. Стоимость комплекта составляла 10 миллионов рублей. И вот в нужный момент система подвела. Солдаты с приборами ДП-5В, «дэпешками», как ласково называли они эти приборы, вручную по 58 точкам вели замеры по территории АЭС.

Индивидуальная дозиметрия в комплексе на АЭС была также не решена, так как разработанный спектрометр излучений человека без переделок на станциях практически не применялся.

В настоящее время выпускается ряд переносных дозиметрических приборов для контроля за радиационной безопасностью, в основном радиометры на базе сцинтилляционных датчиков, имеющие различные пределы измерений, но не создано приборов, охватывающих широкий диапазон мощностей доз гамма-излучения. Серийно выпускаемых приборов по измерениям бета-излучения нет, так же как нет и приборов для контроля за содержанием в воздухе радиоактивных аэрозолей и потоков нейтронного излучения.

Говоря еще раз об индивидуальной дозиметрии, следует сказать, что в момент аварии и начальный период ликвидации ее последствий значительная часть персонала ЧАЭС оказалась без индивидуальных дозиметров или имела фотокассеты ИФКУ, имеющие верхний максимальный предел измерений 3 бэра. Достоверных данных по фотокассетам нельзя получить из-за значительно большей, чем 3 бэра, дозы облучения. Поэтому в этот промежуток времени оценка степени облучения производилась по профессиональным маршрутам того или иного человека в соответствии с их письменными объяснительными. Достоверность таких результатов весьма сомнительная.

Необходимо отметить и тот факт, что внутреннее облучение, вызываемое попавшими в организм через органы дыхания присутствующими в воздухе радиоактивно зараженными частицами, и в этом случае, и в дальнейшем не принимались во внимание, а внутреннее облучение в первоначальный период после аварии было преобладающим.

Не могу умолчать о безобразном факте по данному вопросу. К нам из Ленинграда, из Военно-медицинской академии имени С. М. Кирова, прибыл кандидат медицинских наук подполковник Салеев Александр Алексеевич, именно тот Салеев, с которым мы проводили эксперимент на крыше третьего энергоблока. Так вот однажды Александр Алексеевич с группой офицеров-медиков заходят ко мне в кабинет и задают вопрос, почему мы не учитываем внутреннее облучение и соответственно не интегрируем общее. Они пришли не с пустыми руками, достали инструкцию, утвержденную заместителем министра здравоохранения СССР Вурназяном А. И., ныне покойным. Потом Салеев показал свои разработки, и у нас состоялся обстоятельный разговор. Стало ясно, что внутреннее облучение надо учитывать и оно еще опаснее для здоровья.

Тогда Салеев и говорит: «Товарищ генерал, коли мы вас убедили, то, с учетом этого облучения, прошу утвердить первый список офицеров, получивших предельно допустимые нормы». Я беру ручку, утверждаю список и говорю ему: «Передайте в финчасть на выплату денежной компенсации».

А на следующий день разыгрался конфликт. Генерал-лейтенант Федоров А. К. раскричался, подверг все эти доводы сомнению, объявил Салеева «очковтирателем», списки в припадке гнева порвал. Мне перепало тоже за «превышение полномочий», хотя это была сплошная чепуха.

Мне было не по себе: во-первых, сам попал как кур в ощип, во-вторых, неудобно перед офицерами, что меня-то они убедили легко, а я Федорова не смог переубедить. Они же, в свою очередь, ходили и переживали, что вроде меня «подставили под удар». Но зато после этого мы со всей яростью стали готовить специальную конференцию по внутреннему облучению, на

которую прилетели академик АМН СССР генерал-полковник Комаров Ф. П., военные и гражданские радиологи и другие специалисты. Конференция положила конец всем спорам. Вскоре состоялось решение об обязательном учете внутреннего облучения. Жаль только, что Федоров порвал эти списки первых офицеров, получивших приличную дозу...

Ввиду отсутствия на ЧАЭС в достаточном количестве индивидуальных дозиметров принимались срочные меры по их доставке с других АЭС. Проблема обеспечения индивидуальными дозиметрами персонала ЧАЭС была решена в основном к исходу мая 1986 года, и то с большими потугами.

Все изложенное ярко свидетельствует о наличии негативных явлений и безответственности министерств, ведомств за судьбу персонала таких объектов народного хозяйства, как АЭС. По всей вероятности, во всех инстанциях царили благодущие и самоуспокоенность: мол, у нас никогда ничего не случится. Вот что означает на практике очень хорошее определение того времени — «застойный период».

И вот случилась опасная авария, которая высветила все узкие места общественного застоя и благодущия. Нужно честно признать, что руководство АЭС не было готово в этой чрезвычайной ситуации ни выявить сложившуюся радиационную обстановку, ни оценить последствия, ни, тем более, принять разумное решение. На самых первых порах все делалось в пожарном порядке; казалось, что все способы и средства хороши, которые под рукой, лишь бы укротить аварию. Но стало ясно, что в арсенале Чернобыльской АЭС не было эффективных средств и способов ликвидации ее последствий.

А что же дала наука? Ни в научном, ни в техническом, ни в организационном плане также серьезных рекомендаций не было. Я уж не говорю о силах и средствах. И как на войне, наш советский солдат — гражданин и патриот, горячо любящий свою Родину и свой народ, вступил в схватку с атомной стихией, порою сам плохо защищенный, а иногда и не подготовленный в этих условиях сражаться с невидимым и коварным врагом, который на каждом шагу подстерегал его.

Все участники ликвидации последствий аварии хорошо понимали, что от их активных действий в зонах работ зависит обеспечение нормальной жизнедеятельности населения, своевременное предотвращение распространения радиоактивного заражения на прилегающую местность, создание условий для ввода в строй первого и второго энергоблоков АЭС. Поэтому работа не прекращалась круглые сутки.

После успешного тушения пожара, выполнения комплекса работ по воздушной и наземной разведке предстояли тяжелые дезактивационные работы на местности, в зданиях, сооружениях, в населенных пунктах, жилых домах.

На всей территории тридцатикилометровой зоны и прилегающих к ней районов были организованы систематический радиационный контроль и разведка дополнительными силами формирования гражданской обороны. Радиометрический контроль был введен и на всех рынках населенных пунктов областей, прилегающих к зоне Чернобыльской АЭС, и далеко за ее пределами. Но это было уже несколько позже. А все страсти пока сосредоточивались на самой АЭС. В первую очередь нужно было срочно собрать и удалить с территории вокруг станции высокорadioактивный графит, обломки и другие продукты выброса из аварийного энергоблока. Эту опасную работу было решено выполнить с применением инженерных машин разграждений (ИМР) с определенной защитой. Эти машины имели универсальное бульдозерное, крановое оборудование и манипулятор типа «человеческой руки». Машины запустили в работу. Для защиты экипажей подобных машин и другой техники производилась обивка внутренних поверхностей техники свинцовыми листами. Отдельные машины были переоборудованы на заводах, что также позволило ослабить действие радиации в десятки и сотни раз.

Кроме того, сбор и удаление реакторного графита производились специально изготовленными спиральными катками, а также отечественными и зарубежными бульдозерами-роботами.

Особенностью при дезактивации территории с высокими уровнями радиации являлась организация двух- или трехсменной работы инженерной техники, что требовало дополнительной численности механиков-водителей и водителей автомобилей. Солдату было все по плечу.

Высокие уровни заражения местности вынуждали менять способы применения техники. Было решено производить работы вахтовым методом. Каждая смена трудилась считанные минуты. Требовалась четкая и точная увязка действий людей и механизмов, постоянный дозиметрический контроль. Постоянно уточнялась радиационная обстановка и рассчитывалась радиационная безопасность. Часто сменялся не только личный состав, но и руководители, командиры подразделений.

Значительные трудности были связаны с тем, что в окружающую среду радиоактивные продукты попадали в виде мелкодисперсного аэрозоля (фракция частиц менее 1—2 микрон), пыли, газов. Все это требовало многократных перепроверок радиационной обстановки, определения соответствующих средств защиты для личного состава, расчета времени пребывания в зоне.

Подобного опыта действий в реальных условиях у нас еще не было. А потому не обходилось и без приключений. Поначалу механики-водители ИМР, БАТ, бульдозеров, несмотря на защиту кабины свинцовыми листами, излишне суетились, дергались, работа получалась некачественная. Боязнь переоблучиться буквально выбивала их из колеи, даже когда им показывали, что на его дозиметре всего 2 бэра (рентгена).

Более того, был нелицеприятный случай с расчетом на инженерной машине разграждений. Во время работы механик-водитель, переволновавшись, работал неуверенно и, не заметив приличной канавы, влетел в нее. Вместо того чтобы на несколько секунд открыть люк, осмотреться и решить, как лучше машину выволотить из этой канавы, он распахнул люк и, как заяц, выпрыгнул на землю, оставил работающую машину и рванул в сторону, а за ним побежал и оператор. Напряженное состояние психики привело к срыву, да пожалуй и элемент трусости тут был налицо. Второй расчет подготовленных хлопцев, хорошо настроенных, был доставлен на УАЗ-469 к этой машине, и они спокойно в течение трех минут выехали из канавы, за что были поощрены. Очень жалею, что фамилии этих солдат не остались в памяти.

Дезактивация территории осуществлялась также методом снятия грунта и удаления верхнего слоя покрытия. Наиболее эффективно зарекомендовали себя на этой работе пу-тепрокладчики БАТ-М, а также бульдозеры, оборудованные специальной лыжей, регулирующей глубину зарезания ножа бульдозера.

Срезанный и собранный грунт с помощью грейфера загружался в специальные контейнеры. Маршруты перевозки автомобилей с контейнерами выбирались вне дорог с интенсивным движением.

Перед началом дезактивации территории производились эксперименты по определению степени защиты инженерных машин, составлялся акт и вычислялось время работ. После проведения работ техника, требующая обслуживания и ремонта, подвергалась дезактивации до уровней, обеспечивающих безопасность.

Серьезной проблемой оказалась отмывка машин, дезактивация самой техники. Если пыль с корпуса и надкорпусных надстроек удавалось смыть до нормы путем струйного обмыва моющим раствором, с использованием армейских разливочных машин типа АРС, то радиоактивную загрязненность гусениц отмыть таким способом не удавалось. Систематически возвращались из района работ машины с высокими уровнями заражения. Особенно трудно

было очищать траки от налипавшего на металл асфальта. Водные растворы не обеспечивали отмывку. Очищали механическим способом, что вызывало значительные дозовые нагрузки. Возник парадокс: экипажи облучались не столько на работе, сколько при отмывке и очистке машин на ПуСО. В связи с этим возник вопрос о создании устройств и методов для отмывки траков гусеничных машин или парозежекторным способом, или в растворителях.

В период интенсивных работ по дезактивации территории Чернобыльской АЭС, зданий, сооружений, прилегающей местности, населенных пунктов, жилых домов и других объектов воины Советской Армии, гражданские специалисты проявили не просто мужество и стойкость, они повсеместно совершали настоящие подвиги.

Со многими солдатами, сержантами и офицерами мне приходилось встречаться в Чернобыле. Но ведь надо такому случиться, что судьба мне подарила встречу с тремя командирами, моими учениками по училищу дорожных и инженерных войск, офицерами Дубининым, Глехом и Аксельродом.

Мои ученики учились в одной группе с Героем Советского Союза подполковником Опариним, погибшим при выполнении интернационального долга в Афганистане. Личный состав их частей действовал на дезактивации, максимально применяя технику. И все же оставался и ручной труд, особенно в населенных пунктах, где саперными лопатами снимался радиоактивно зараженный слой земли. Эту землю грузили вручную на машины, потом увозили в могильники, где так же вручную разгружали. Скажете, парадокс? Да, парадокс, когда ничего лучшего саперной лопаты в век технического прогресса для борьбы с разбушевавшимся атомом под рукой не оказалось. В достаточном количестве не было даже самосвалов, автопогрузчиков. Стыдно было глядеть солдату в глаза, но и прятать их, отводить в сторону я лично не хотел. Говорил им все, как есть на самом деле. По инстанциям шли телеграммы, ставились вопросы, а самосвалов и автопогрузчиков так и не было в достаточном количестве. Об этом я часто вспоминаю сегодня, когда узнаю, что десятки самосвалов бесконтрольно шныряют по дорогам, развозя частным лицам ворованные левые грузы, тайком торгуя государственным бензином, и прочее, и прочее. Вот так! Для воров они, оказывается, есть, а для Чернобыля их не хватало. И разгружали солдаты (может быть, сыновья или братья тех же «леваков») радиоактивный грунт вручную...

Мои ученики, теперь командиры частей, уместно вспомнили о том, что вот на эти опасные работы сейчас бы такую радиоуправляемую инженерную машину, модель которой мы сделали в 1970 году в Московском военном училище. Для меня это была грустная история. Дело в том, что в 1969 году я получил разрешение начальника училища генерал-майора Николаева Олега Петровича на поступление в адъюнктуру Военно-инженерной академии имени В. В. Куйбышева.

Успешно сдав конкурсные экзамены на кафедру, которую возглавлял профессор генерал Лобов А. Г., я прибыл в училище для расчета. И тут генерал Николаев срочно вызвал к себе и говорит: «Понимаешь, Николай Дмитриевич, в чем дело, ты у нас самый молодой преподаватель, активный рационализатор и изобретатель, а потому тебе поручается к 70-летию Маршала Советского Союза Чуйкова Василия Ивановича разработать модель современной инженерной машины. Как только выполнишь эту работу, так и отпущу тебя в адъюнктуру». Эти условия меня возмутили, и я поначалу наотрез отказался выполнять эту просьбу.

Проходит несколько дней, и вновь Олег Петрович приглашает меня к себе. Усадил рядом с собой и очень ласково, по-отечески начал мне рассказывать, как он в 1937 году остался сиротой, когда отец его был репрессирован и расстрелян по ложному обвинению. Потом училище, война. Всю войну он сражался в прославленной 62-й армии, которой командовал В. И. Чуйков. Олег Петрович, растрогавшись от воспоминаний до слез, обнял меня и сказал, что этот прославленный маршал был для него и отцом и командиром. «А потому прошу тебя, выполни

мою просьбу, а с адъюнктурой мы все уладим», — закончил он. Больше мне ничего не надо было говорить. Я все понял и заверил, что все будет как надо.

Меня освободили от проведения занятий, и я уселся за разработку чертежей радиоуправляемой модели путепрокладчика БАТ-М. К себе в помощники подобрал лучших рационализаторов из числа курсантов — Бреденко, Громова и Самойлова. В течение трех месяцев дни и ночи мы создавали модель этой машины. Еще на стадии разработки чертежей у меня возникла идея создания настоящей радиоуправляемой мощной машины для работы в очаге ядерного поражения.

Работа кипела. Около тысячи деталей мы выточили в основном вручную, так как модель была микроскопической по сравнению с натурой. Многие детали хромировали, внешний корпус машины покрыли зеленой эмалью, блок управления создавали отдельно. 10 февраля все работы были выполнены, и начальник училища собрал всех преподавателей в самом большом классе, в котором стоял разрезной макет путепрокладчика БАТ-М и бульдозера Д-493«А». Кстати, эти классы мы вместе с курсантами сами оборудовали в свободное от учебы время.

Начались испытания. Наша модель выполняла все рабочие операции: по радиокоманде с пульта управления машина передвигалась на разных скоростях, производила развороты, поднимала и опускала рабочее оборудование — отвал и кран, выполняла работу по очистке «завала» из пенопласта и т. д. Олег Петрович подошел к нам и расцеловал. Но тут же сказал: «Николай Дмитриевич, а где для машины гараж? У вас еще ровно сутки — давай думай». Из прозрачного и желтого оргстекла мы сделали многогранный колпак и получилось весьма оригинально. Фотография этой модели вместе с ее разработчиками публиковалась в «Красной звезде».

12 февраля 1970 года генерал Николаев, начальник учебного отдела полковник Янгалов, начальник политотдела полковник Громков и я поехали рано утром на улицу Ватутина, 1, где намечалось чествование Маршала Советского Союза В. И. Чуйкова. В этот день на улице Ватутина творилось что-то необычайное, буквально негде было поставить легковую машину. Но всем было понятно: ведь это юбилей легендарного и прославленного маршала. В свои восемнадцать лет он был уже командиром полка. За всю войну он единственный командарм, который как начал войну командующим 62-й армией, так и закончил ее вместе со своей армией в Берлине.

И вот мы в кабинете Василия Ивановича — делегация от военного училища, которое он создал. Выступил Олег Петрович. Тепло поздравили маршала с 70-летием. Его фронтовой повар на подносе подал рюмки с коньяком. Василий Иванович стал рассказывать про пережитые годы. Говорил минут десять—пятнадцать, а потом сказал: «Да что об этом и говорить, одно поймите, что за все эти годы столько пережито, что ни пером описать, ни словом пересказать...» И вдруг на глазах маршала выступили слезы... Впервые я видел рядом маршала, да еще со слезами па глазах.

Потом Василий Иванович подошел ко мне, а у меня под мышкой эта самая модель. Он и говорит: «Наслышан о тебе, майор, ну давай показывай, что ты там придумал за игрушку?» Я робко опустил модель на пол, и тут у меня спина покрылась мурашками: на полу в кабинете я только что заметил ворсистый ковер. Дело в том, что коэффициент сцепления гусениц я рассчитывал для гладкого скольжения по поверхности пола, а тут — ковер. И при резких, да и обычных поворотах, гусеницы могли слететь с ведущего колеса, так как сила сопротивления движению поворота велика. Про себя подумал: «Ну, майор, уходить тебе из этого кабинета капитаном...» В душе теплилась надежда на надежный запас прочности, который я предусматривал в расчетах. Это меня немного успокаивало. Внешне уверенно я поставил модель на пол и подготовил к работе. Первый пуск. Модель легко выполняла мои команды. Минут пять я гонял ее по кабинету Маршала. Потом Чуйков подошел ко мне, крепко обнял и

сказал: «Ну, майор, спасибо, видно, в России Кулибины не перевелись». Затем Василий Иванович задал вопрос: «А где эту машину отремонтировать, уж больно внуки мои дотошные, загоняют враз». Генерал Николаев ответил за меня и сказал, что гарантия машины — на долгие годы, ну а если что, то мастера рядом.

Маршал отпустил первых гостей, а мне сказал: «Ты, сынок, эту машину будешь показывать всем моим гостям, пусть знают наших». В течение дня я много раз демонстрировал эту модель делегациям — и нашим, и зарубежным. Мне очень повезло, так как я впервые увидел космонавтов, прославленных военачальников, союзных министров и среди них обаятельную Екатерину Фурцеву.

Я и мои помощники были поощрены маршалом Чуйковым.

Что касается адъюнктуры, то она от меня не ушла. Все обошлось хорошо. Я был принят на любимую кафедру академии имени Куйбышева, и моим научным руководителем стал исключительно эрудированный ученый профессор Лобов Александр Георгиевич.

Судьба модели оказалась сложной. На ее базе мы разработали специальный тренажер для обучения курсантов вождению машин. Но покоя мне не давала идея создания специальной радиоуправляемой машины для работы в условиях ядерного очага поражения. Куда только я не писал и не обращался, но даже содействие Маршала Советского Союза Чуйкова не принесло успеха, хотя авторское свидетельство об изобретении я получил. Так и получилось, что нужная войскам машина осталась игрушкой для маршальских внуков.

Обо всем этом мы с горечью теперь вспоминали с моими питомцами, находясь па Чернобыльской АЭС. А как бы пригодилась в этой ситуации подобная машина!

Глава 3 ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР

Итак, в Чернобыле не хватало техники, и основная нагрузка легла на человека. Вместе с тем в том, что не хватало машин, опять же был повинен человек. И тут, и там — человеческий фактор.

Вообще, хотя я, отдавая дань моде, и вынес «человеческий фактор» в название главы, признаться честно, не нравится мне это выражение. Будто творится все по какой-то «высшей воле», во имя какой-то «высшей цели», а человек со своими интересами выступает лишь как некий «фактор», ускоряющий или замедляющий движение. Но ведь творится-то все именно человеком, во имя его целей и интересов, а все остальное выступает в качестве факторов, помогающих либо мешающих ему. Поэтому и надо разбираться, какими идеалами и интересами руководствовался данный человек в той или иной ситуации, какие цели он перед собой ставил и к чему это привело.

По мере того как еще в Москве мне становились известными новые и новые детали чернобыльской трагедии, все более зримо вырисовывалась вина в ней конкретных должностных лиц. Хотелось самому разобраться, что они собой представляют, чем руководствовались в своих безнравственных, а порой и преступных деяниях.

Все более неприглядно представала личность бывшего директора АЭС Брюханова. Прибыв в Чернобыль, я испытывал какое-то трудно объяснимое желание поскорее увидеть этого человека, взглянуть ему в глаза. К июлю он уже был снят с должности директора, велось следствие, а Брюханов исполнял обязанности начальника отдела безопасности труда. Долгое время он уклонялся от встречи, но в конце концов она произошла.

Передо мной сидел человек в элегантном костюме, с импозантной внешностью, манерами вышколенного аппаратчика. Я вглядывался в его лицо и пытался определить, что же

главное в этом человеке, в чем его суть. Но вот это-то главное все время ускользало. Глаза постоянно отводит в сторону, ни одной примечательной, так сказать, индивидуальной черты.

Я пытался вызвать в себе сочувствие к нему. Ведь как бывает: что ни случись — за все спрос с руководителя, хотя он лично порой в случившемся невиновен. Но тут вспоминалось его поведение в первые часы после аварии, его напористость и агрессивность по отношению к тому же Воробьеву, ставившему превыше всего заботу о людях. Подумалось: попадись тот же Воробьев Брюханову в другое время — в порошок бы стер.

Нет, видимо, здесь не тот случай, когда страдает невиновный руководитель. Брюханов виноват во многом. И прежде всего в том, что он — один из наиболее типичных руководителей периода застоя. А типичными были те, кто наиболее «удачно» копировал и перенимал стиль и методы работы «верхов» с их особой, десятилетиями складывавшейся нравственностью.

Я не профессиональный политик и не располагаю достаточно полной информацией, чтобы достоверно судить о всех деталях деятельности тех или иных руководителей партии и страны на разных этапах нашей истории. Но ведь и Брюханов, и ему подобные по своему положению не могли располагать подобной информацией. Они знали и видели то же, что и любой советский гражданин (может быть, чуть больше), и стремились копировать стиль «верхов» — сознательно или потому, что так было легче. Что же видели мы в деятельности этих «верхов»? Какие нравственные уроки извлекали?

Не буду возвращаться к периодам руководства Сталина и Хрущева: о них читатель достаточно осведомлен и, думаю, сделал надлежащие выводы. Возьмем то, что поближе к нам, — время, когда у руководства партией и государством находился Леонид Ильич Брежнев. Руководящее кресло он занял солидно и надолго. Вехи его бурной деятельности по интенсивному развитию застоя и насаждению подхалимства, угодничества, созданию так называемых — как на Чернобыле — «особых зон» вне критики и контроля отмечались Золотыми Звездами, только теперь уж не в один ряд, орденом «Победа», маршалским званием, Ленинскими и государственными премиями, премией имени Королева и т. д. и т. п. Неудобных лиц из Политбюро ЦК КПСС выводили уже несколькими методами, без шума и гама, без особых ярлыков оппозиционеров. Они даже получали новые должности.

Я более двадцати лет лично знаю активного участника Великой Отечественной войны, честного и замечательного человека — генерала Шурина Евгения Михайловича, который в 18-й армии был всю войну начальником инженерных войск — заместителем командующего этой армией. Он и теперь проживает в Москве, на Ленинском проспекте. Так вот Евгений Михайлович вместе с Л.И. Брежневым шел дорогами войны более трех лет. Из многочисленных рассказов генерала постепенно вырисовывался портрет Леонида Ильича. Военная карьера начальника политотдела не баловала, как говорят «не попал в струю». Как бы он в своей книге «Малая земля» ни описывал, что выше этой должности начальника политотдела он ничего не сделал, но независимо от его желания ему выше ничего и не предлагали. Только в конце войны получил звание генерал-майора.

После войны ему действительно вновь предложили вернуться в армию с партийной работы. И он вернулся, но ненадолго. А уж карьера у него «пошла» после вторичного ухода из армии.

Что характерного отмечает в Леониде Ильиче Брежневе периода Великой Отечественной войны генерал Шурина? Прежде всего он очень ценил дружбу, любил часто быть среди солдат и даже много раз бывал на передовой. Однажды, рассказывал Евгений Михайлович, Леонид Ильич попросился поехать вместе с ним к саперам на передний край. Поехали на американском «Додж-3/4». Леонид Ильич сел на заднее сиденье и тут же задремал. Машина налетела на мину, водителя убило, Шурина выбило челюсть, а Леониду Ильичу хоть бы что. Шурина позже сказал ему: «Ну, Леонид Ильич, ты, братец, наверное, в рубашке родился». — «Да», —

согласился тот.

Но и другую черту подметил Евгений Михайлович. «Уж больно, — говорит он, — любил Брежнев порисоваться, сыграть на публику, «уважал» подхалимов».

После Великой Отечественной войны они, однополчане, регулярно встречались, общались даже семьями. Потом как-то Евгений Михайлович сконфузился и говорит: «Забыл меня Леонид Ильич, последний раз встречались в Новороссийске», — и показывает фотографию, где они с ним обнимаются. «А что же произошло?» — спрашиваю я его. «Да тут его подхалимы переборщили, особенно бывший инструктор политотдела 18-й армии Копенкин, который умудрился возглавить совет ветеранов армии, хотя войну окончил капитаном, а я у него, значит, заместителем долгое время считаюсь. Ну да мне без разницы. На одном заседании нашего совета я сказал этим подхалимам, что они прут в историю, но только с заднего хода. Эти слова были доведены до Брежнева и отнесены к нему. Вот, Николай Дмитриевич, мой дорогой, вся их нравственность тут и зарыта. С тех пор прошло несколько лет, на встречи меня уже не приглашали, а вот на самую последнюю, которая состоялась где-то года за три до его смерти, меня все же пригласили. Жenu и детей моих Леонид Ильич знал и на этой встрече узнал всех. Подошел ко мне первый и говорит: «Женя! Ну что ты там против меня в совете выступаешь?» Я тут и обомлел. Все теперь и прояснилось, откуда растут ноги. В спокойном тоне, едва себя сдерживая, выложил ему всю правду-матку. «Да, — сказал он, — прохвосты, видно, с мылом лезут в историю». Это были наш с ним последний разговор и последняя встреча ветеранов. Расстались мы тепло. Он подошел ко мне, взял под локоть по-дружески и сказал: «Знаешь, Женя, я на тебя не в обиде, если бы ты даже и сказал в мой адрес, но и ты на меня зла не таи. Ты, пожалуй, единственный человек, который никогда и ничего у меня не просил». Пожал мне руку и попрощался с женой и детьми. Вид у него был очень нездоровый. А вскоре его и не стало».

Генерал Журин и по сей день остается таким же скромным, каким и был. В трехкомнатной квартире живут три семьи, и никуда не жалуется и не обращается. Теперь уж он совсем плох, едва передвигается по квартире.

Давно мы планировали с ним все его воспоминания записать и, возможно, издать эти мемуары начинжа 18-й армии. Ведь мало кто знает и такой факт, что на Малую землю под Новороссийск прилетал маршал Жуков, а ему, Евгению Михайловичу, довелось поздней ночью докладывать о состоянии минных полей на этой земле в присутствии командующего армией Леселидзе и начальника политотдела Брежнева Л. И.

«Доклад прошел нормально, только Жуков спросил меня, — рассказывает Евгений Михайлович, — почему я без погон. А погоны только ввели, допустим, вчера, а ночью я ползал на животе и проверял сам все минные поля. На мне не только не было погон, но и вид был арестантский: сапоги в грязи, на петлицах едва заметные знаки воинского отличия полковника, более-менее чистая одна фуражка. Он еще раз пристально, но уже с какой-то теплотой посмотрел на меня, потом взгляд перевел на Леселидзе и Брежнева. С полминуты помолчал, а потом сказал: «Вы, «полководцы»! Начинжа надо беречь...» И больше ни слова. В ту же ночь маршал Жуков улетел от нас... И только после войны, — продолжает Евгений Михайлович, — мне еще раз посчастливилось встретиться с ним в 1958 году в Болгарии, где я был военным советником при Министерстве обороны. Вот тогда-то мы и вспомнили мой затрапезный вид на Малой земле».

Авторитет таких людей, как полководец маршал Жуков, непоколебим, ибо он признан народом, историей, а не отдельными личностями. Это был высоконравственный во всех отношениях человек.

Думая о том, какой плохой нравственный пример подавали простым людям даже высшие руководители партии и страны послеленинской эпохи, не говоря уж о рашидовых и

кунаевых, министрах типа Щелокова или его первом заместителе преступнике Чурбанове и памятуя о пословице «рыба гниет с головы», задаешь себе вопрос: как же не произрастать в той среде безнравственности среди руководителей разных рангов?!

А что уж говорить о таком преступнике, как бывший директор Чернобыльской АЭС Брюханов, и его окружении.

Брюханов — это яркий пример руководителя среднего звена, выросшего и воспитанного на все той же безнравственной почве. О его деятельности я ранее рассказывал. Но вот что примечательно: на «самом верху» и на уровне Брюханова процветали одни и те же пороки — Брюханов развел семейственность на станции, окружил себя подхалимами, работал в полнагрузки, упивался данной ему властью, был тщеславным, лучших специалистов с АЭС изгнал. Так, талантливый главный инженер Штемберг Николай Александрович вынужден был уйти за восемь месяцев до аварии на Балаковскую АЭС... Начальника штаба гражданской обороны Воробьева С. С. игнорировал, запретил ему ходить в энергоблоки и заниматься серьезными проблемами вместе со специалистами по повышению устойчивости работы АЭС, запретил поднимать невоенизированные формирования по тревоге и готовить к действиям в чрезвычайных ситуациях. А когда случилась беда, Брюханов проявил себя как трус, не способный оценить сложившуюся обстановку, принять ответственное решение по своевременному оповещению населения и всех работающих на станции о радиационной опасности. Он умышленно игнорировал данные разведки по опасным уровням радиации на АЭС, добытые Воробьевым. Брюханов был приучен смотреть на «верхи» и не брать на себя никакой ответственности.

Ионизационное излучение из аварийного энергоблока Чернобыльской АЭС, как на рентгене, высветило не только безнравственность Брюханова, но и прежде всего порочный стиль руководства такой особо ответственной отраслью, как атомная энергетика, слабые звенья в вопросах устойчивости и надежности АЭС, полную неподготовленность технических средств и способов для ликвидации последствий аварий, безответственность министерств за состояние автоматической станции для оценки радиационной обстановки и, наконец, неподготовленность руководящего состава, формирований гражданской обороны и населения к действиям в экстремальной ситуации.

За все эти пороки и издержки в различных звеньях и на разных уровнях руководства атомной энергетикой пришлось расплачиваться жизнью и здоровьем советских людей — военных и гражданских, рядовых работников и руководителей. Сколько лучших наших людей, истинных патриотов добровольно прибыло в Чернобыль со всех уголков страны! Они были готовы отдать силы, энергию, здоровье во имя спасения других людей, им вовсе не знакомых. О некоторых из тех, с кем мы делили нелегкую ношу Чернобыля, я и продолжу свой рассказ.

В ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, как сообщалось в печати, принимали участие около 40 министерств и ведомств. В числе первых в одном строю с армией были представители большой науки, медицины, атомной энергетике, строители, специалисты Госкомгидромета и другие.

По-разному вели они себя в развернувшемся сражении. Были и те, кто поосторожнее, были и искатели наград и славы. Но большинство было настоящими солдатами. И первым среди них я назвал бы академика Легасова.

Когда мои записки находились уже в редакции, как гром среди ясного неба прозвучало сообщение о трагической смерти академика Легасова Валерия Алексеевича, с которым мне посчастливилось не раз встречаться и даже спорить, отстаивая свою точку зрения. С этим крупным ученым и замечательным человеком в моей памяти связано много поучительного. А потому не могу не рассказать о наших встречах.

Первое знакомство состоялось в маленькой комнатке, где размещалась научная группа

Министерства обороны, а если точнее сказать — начальник этой группы полковник Дьяченко Анатолий Александрович. Как-то мы с ним вернулись от аварийного энергоблока. Ездили на его западную половину, где только что начали монтаж каркаса «саркофага» под бетонную стенку. Мы остановились от этой стенки метрах в пятидесяти. Дальше на машине ехать было невозможно, так как в этой зоне радиоуправляемый бульдозер срезал грунт так, что после себя оставил рытвины. Мы вылезли из машины и подошли поближе к стенке. Анатолий Александрович заметил, что дальше идти нецелесообразно: «Посмотрите на прибор». Я взглянул на шкалу прибора ДП-5: действительно, уровни заражения в этой зоне достигли опасных значений. Мы остановились и стали обсуждать технические детали заполнения каркаса «саркофага». На весь осмотр у нас ушло минут пять-десять. Водитель развернул уазик, и мы поехали в Чернобыль. У водителя, солдата срочной службы, вид был нездоровый. Я спросил его, сколько раз он был у реактора и сколько всего времени он уже в Чернобыле. Водитель ответил. Дьяченко молчит. Я поморщился. Мне стало ясно, что солдата надо немедленно отправить из зоны. Но об этом я ничего не сказал Дьяченко, в присутствии водителя, а когда приехали в Чернобыль и зашли в кабинет Дьяченко, я ему говорю: «Что же это за безобразие?» Разговор пошел нелицеприятный. Вот в этот момент и зашел Валерий Алексеевич Легасов. Он понял, что я ругаю Дьяченко, и совсем тихо, чувствуя неловкость от своего присутствия, поздоровался. И тут полковник Дьяченко весьма дипломатично прервал мои назидания и говорит: «Николай Дмитриевич, а это ведь к нам пришел сам академик Легасов, член Правительственной комиссии». Я встал из-за стола, подошел к нему. Поздоровались и представились друг другу. Он был в белом специальном костюме, в левой руке держал белую шапочку. Запомнились крупные очки с роговой оправой, волосы прямые, моложавое лицо и толстые губы.

Я невзначай бросил ему комплимент: «Для академика вы очень молодо выглядите». Он тут же ответил: «Да и вы молодой генерал. — И добавил: — Но ничего, Чернобыль нас всех состарит». Втроем мы уселись за стол, и повели разговор о работах в зоне строительства «саркофага», об опасностях радиации, которые подстерегают на каждом шагу.

Потом заговорили о забрасывании военными вертолетчиками разрушенного реактора песком, свинцом, бором... Я говорю: «Валерий Алексеевич, ну зачем нужно было бросать свинец в реактор, ведь он же плавился, становился радиоактивно зараженным и поднимался вместе с продуктами выброса в атмосферу и развеивался по территории?» Он спокойно ответил, что свинец поглощал значительную часть ионизационных излучений. «А потом, — продолжил он, — теперь легко рассуждать, а когда мы впервые поднялись над реактором, то ведь было у многих опасение, что работает реактор, а это значит, продолжается процесс наработки короткоживущих радиоактивных изотопов. Первые наши измерения ничего хорошего не дали. Мы были перепуганы тем, что якобы действительно имеются мощные нейтронные излучения. Это означало, что реактор работает и дела плохи...»

И вот тут он стал тепло рассказывать о механике-водителе бронетранспортера, который возил его к аварийному реактору, где Валерий Алексеевич убедился в отсутствии нейтронного излучения... Очень метко, но только после внезапной смерти Легасова сказал о нем академик Ю. Третьяков: «Легасов одновременно Дон-Кихот и Жанна д'Арк. Неудобный и нелегкий для окружающих человек, но без него ощущаешь пустоту и потерю чего-то близкого к смыслу жизни».

Была однажды и такая встреча, при которой я не удержался от каверзного вопроса ему. «Валерий Алексеевич, — говорю я, — а где же была наука до аварии? Почему не была по-настоящему дана оценка устойчивости работы вообще всех АЭС, и в частности Чернобыльской? — Не давая ему ответить, продолжал наступать: — Ведь было же специальное решение ЦК КПСС и Советского правительства по данному вопросу. Этот документ готовила Гражданская оборона СССР, и докладчиком был Министр обороны Маршал Советского Союза Устинов. А

зачинателем всех этих дел по устойчивости был наш начальник гражданской обороны генерал армии Алтунин. И за свою инициативу ему еще и пришлось держать ответ! Ваша наука, Минэнерго СССР да и Совет Министров СССР вместе с Госпланом серьезную работу пустили на самотек». Валерий Алексеевич внимательно выслушал меня и говорит: «Знаешь что, мой дорогой генерал, я этот документ читал и принимал непосредственное участие в разработке отраслевых требований по данной проблеме, но все это осталось, к великому сожалению, в основном на бумаге...»

Потом я ему говорю: «Ваш шеф, еще будучи президентом Академии наук СССР, по приглашению Александра Терентьевича Алтунина был у нас, и мы ему и его свите подробно, в течение часов четырех-пяти, растолковывали проблемы повышения устойчивости многих особо опасных объектов, в том числе и АЭС. Раздел по всем энергетическим объектам готовил и проводил ваш покорный слуга. По другим направлениям вели занятия, или, если хотите — называйте, ликбез, генерал Дутов Б. П., Цивилев М. П. и другие наши специалисты. Анатолий Петрович Александров внимательно все выслушал, и вот активизировалась наконец академическая наука, но опять только в теоретическом плане».

Помню, разговор на этот раз окончился очень грустно. Валерий Алексеевич сказал, что скоро прилетит на АЭС сам Александров и ему можно будет эти вопросы еще раз подбросить... «Но в нашей фирме не так-то просто что-либо пробить...»

До глубины души потряс его преждевременный уход из жизни. Трудно поверить, что в расцвете творческих сил академик Легасов в свои пятьдесят два года покончил с собой. В этой связи еще раз вспоминается огромный вклад Валерия Алексеевича в дело ликвидации последствий в первые же часы после аварии, проявленные им тогда мужество и самоотверженность.

В эти первые часы уже появились пострадавшие, которые нуждались в экстренной медицинской помощи. Эту помощь оказали местные медики, и особенно из города Припяти, которые включились в работу сразу же после аварии. Врачи распределяли подвергшихся поражению радиацией людей по степени его тяжести. Часть больных тут же отправляли в киевские больницы, а наиболее тяжелых — специальными рейсами на самолетах отправили в Москву, в клинику № 6. Следует отметить, что занаряженный автотранспорт в Москве был тщательно подготовлен, покрыт специальной пластиковой пленкой. Это связано с тем, что у всех больных была высокая степень радиоактивного загрязнения. Одежда пострадавших была в последующем вся уничтожена, а автобусы тщательно продезинфицированы.

При проведении анализа крови у больных было, прежде всего, выявлено отсутствие нейтронного облучения. Короче говоря, в крови не содержался такой изотоп, как натрий-24. Этот изотоп является показателем наличия нейтронного облучения. Значит, академик Легасов В.А. был прав, первым установив отсутствие нейтронного излучения из реактора.

И, мне кажется, совсем безнравственно академик АМН СССР Л. А. Ильин в своей статье «Диагноз после Чернобыля», опубликованной в газете «Советская Россия» (№ 26, от 31 января 1988 года), писал: «Мы, медики, первые установили отсутствие нейтронной радиации, то есть цепная реакция в реакторе была прекращена в момент аварии».

Валерий Алексеевич Легасов не в Москве, а в Чернобыле, проявив героизм и мужество, лично выехал к аварийному реактору и произвел необходимые измерения, установив отсутствие мощных нейтронных потоков, о чем я уже рассказывал.

Неоднозначно, на мой взгляд, представляется роль медиков в чернобыльских событиях. Они столкнулись с серьезным поражением пострадавших от радиационных ожогов. У некоторых пострадавших площадь поражения кожи достигала 90 процентов. Разработанный медицинский препарат «Лиоксанол» помогал в некоторой степени ослабить последствия ожогов. Но в период моего лечения в клинике № 6 я еще застал нескольких пораженных, у

которых при всех стараниях медиков не приживалась пересаженная кожа, то есть трансплантация была неэффективной.

Академик Ильин в защиту медиков в своей статье говорит о том, что для обследования и лечения пострадавших были привлечены ведущие специалисты Института биофизики, а также ряда медицинских учреждений. Это было вызвано отчасти и слабой подготовкой рядовых медиков, их неумением повсеместно оказывать помощь в подобных ситуациях. А ведь как-никак Леонид Андреевич Ильин является Председателем национальной комиссии по радиационной защите, директором Института биофизики.

Медицина оказалась не подготовленной и неспособной оказать действенную помощь ряду больных.

Вместе с тем впервые за послевоенное время была развернута огромная по масштабности сеть медицинской помощи и контроля в районах и областях, прилегающих к Чернобылю, которая охватила почти миллион человек, из них 216 тысяч только детей.

Но наши медики действовали по-разному. Несколько примеров. Однажды мы с Председателем Совета Министров Украинской ССР Ляшко А. П. приехали в Полесский район, куда было эвакуировано 39 тысяч человек. Так вот значительная часть этих переселенцев мигрировали из района еще дальше, в основном потому, что некоторые местные врачи «разъясняли» населению, что в Полесском районе проживать опасно, что совершенно не соответствовало действительности. Это был настоящий скандал. Местные советские и партийные органы тщательно во всем разбирались.

Или вот в Брагинском районе Могилевской области в центральной больнице вместо 50 по штату в апреле месяце 1988 года работал всего 21 человек. О какой диспансеризации населения могла идти речь? За два года из этого района уехали 34 специалиста. Половина попросту сбежала. Недаром первый секретарь Брагинского райкома КПСС товарищ Паньков дал низкую оценку местным медикам. В то же время из разных мест нашей страны медики изъявили желание поработать в этих условиях.

О чем бы мы ни говорили, какие бы планы ни строили, какие бы только аварии ни укрощали, что бы мы вообще ни делали, главная забота — здоровье людей. Ведь как досадно, когда встречаешься с равнодушием медиков по отношению к участникам ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Я лично получил много писем от жен бывших воинов и уже приводил одно из них.

А вот другой пример. Прилетел в служебную командировку в Ставрополь. Ко мне обратилась Лагудина М. Г., тоже жена солдата, которому ампутировали ступню левой ноги. После ампутации рана не заживала, ему дали инвалидность и назначили пенсию, а жене сказали, что нечего хлопотать, муж все равно скоро умрет. Солдат долгое время был в Чернобыле, полтора месяца стоял на посту дозиметрического контроля в поселке Лелево. Ясное дело: солдат получил определенную дозу облучения и это, возможно, спровоцировало незаживление раны. И вот, вместо того чтобы вникнуть в суть заболевания, отправить больного в клинику или вызвать нужных консультантов, такой дали ответ жене солдата, что та, бедная, вся в слезах, не может и слова вымолвить толком. Какова же цена такому бездушному отношению врачей к человеку, который потерял здоровье в Чернобыле? Да таких врачей нужно лишать диплома!

Не могу забыть до сих пор замечательного офицера Кучеренко Анатолия Васильевича, который длительное время занимался в группе подполковника Сотникова А. П. на дезактивации первого и второго энергоблоков. Насколько я знаю, особого переоблучения он не получил. Но вот никогда не болело сердце, а тут вдруг на тебе. Идет в поликлинику. Врачи ничего особенного не находят, но человек-то жалуется... Нужно же внимательно отнестись к жалобам и направить на исследование в госпиталь. Однако врачи его спокойно отпускают, а в ночь он

умирает от сердечно-сосудистой недостаточности. Ведь человека врачи явно могли спасти, если бы были просто внимательны, а не бездушны!

Я мог бы приводить примеры и далее. Но не в этом суть вопроса. Мы говорим о нравственности человека, его ответственности перед своей совестью, перед обществом, перед человеком, за жизнь которого он, врач, в ответе. Испытав, как говорится, на собственной шкуре все тяготы и лишения чернобыльской аварии, я очень настороженно отнесся к статье академика Ильина, особенно к его скоропалительному прогнозу насчет возвращения эвакуированного населения в родные места. Но вот в газете «Правда» от 22 апреля 1988 года появилась отличная, правдивая статья «Вокруг зоны», в которой говорится, что говорить, будто белорусам удалось взять «радиационного бога» за бороду — значит допускать грубейшую ошибку. Сделаны первые шаги и на Украине, и в Белоруссии. Ведь нам понадобилось действительно целых два года, чтобы овладеть азбукой борьбы с радиационным загрязнением окружающей человека среды. Очень быстро ушли йодистые соединения, но что делать с оставшимися? Сколько понадобится времени, чтобы добиться устойчивого улучшения условий труда и жизни вплоть до полной нормализации, никто пока ответить не может. К сожалению, у некоторой части руководителей (чем они дальше от аварии, тем их больше) сложилось ложное представление — будто бы все страшное уже позади и хоть завтра заселяй населенные пункты, лишь бы была работа и землю пахать можно. Совершенно прав автор статьи А. Симуров, который пишет, что ученые категоричны: опасны и вредны две крайности: первая — пренебрежение реальностью, с которой связано облучение при несоблюдении рекомендаций специалистов. Поскольку никто не умирает, решили многие, то можно употреблять молоко, мясо, рыбу, собирать грибы и ягоды в местах, где это не разрешено. Другая крайность — преувеличенное представление о риске, об угрозе проживания на ряде территорий в контролируемых зонах. Все это нужно тщательно исследовать, анализировать, и только тогда можно ставить вопрос о возможности восстановления жизнедеятельности населения...

Разные мнения приходится слышать, когда люди пытаются, как говорится, своим умом докопаться до первопричин чернобыльской трагедии. Нередко, к сожалению, высказывалось и такое: мол, распустились люди, ничего не боятся, Сталина бы на них...

В связи с этими высказываниями хотелось бы поразмышлять: способствует ли страх перед репрессиями повышению чувства ответственности? К кому применялись эти репрессии — к безответственным людям или к кому-то другому? Сколько хозяев должно быть в стране? Когда укреплялось и когда уничтожалось чувство хозяина в каждом труженике?

В поисках ответов на эти и подобные им вопросы мы обращаемся к истории — и не только официальной, но и к истории своей семьи, села, района, области. Ведь из таких «частных» историй и складывается общая история народа.

Вот и я, обращаясь к разным периодам нашей истории, хочу рассказать о том, что видел собственными глазами или слышал из уст самых близких мне людей.

Итак, период культа. Впервые о его жертвах я узнал не из книг. И не были они какими-то крупными политическими или военными деятелями. Это были два колхозных конюха из нашего села, отец и сын, наши дальние родственники. Несколько лет они добросовестно ухаживали за лошадьми, были лучшими колхозниками. Их ставили в пример, много раз вручали отрезы на костюмы, грамоты. И вот как-то в колхозе начался падеж скота. Долго не разбираясь, припомнили, что в родне у них были раскулаченные, хотя и без высылки, конюхам дали по десять лет и отправили на Соловки. Кромешный ад прошли отец и сын, не раз замерзали, руки у деда Ивана все были скрюченные, лицо обморожено. Но самое страшное, они рассказывали, что их чуть не заели вши. В баню водили редко, белье почти не меняли, мыла не было, золой стирали белье сами. А когда они вернулись из тюрьмы, то колхоза боялись, как огня палящего. И никакие уговоры моего отца, и никакая сила не могли их заставить вступить вновь в колхоз. Они

оставались единоличниками. Позже выяснилось, что причиной падежа скота стала эпидемия, прошедшая по всей области. Кто попроторнее, сумел уйти от ответственности, а простые и честные труженики пострадали. И подобные случаи были не единичными.

Это был период жесточайших репрессий в стране, беззакония и произвола, чинимого не без ведома Сталина. Насаждались страх и подозрительность, по малейшему доносу людей арестовывали, многие так и не возвратились в родные места.

Мне никогда не забыть одну интересную встречу с крупным металлургом страны, ведущим ученым и специалистом в области стали и сплавов. Эта встреча состоялась в декабре 1962 года в городе Саратове. Я уезжал защищать диплом инженера в Харьковский автомобильно-дорожный институт. Вечером зашел поужинать в привокзальный ресторан. Сел за столик и заказал ужин. Через несколько минут ко мне подошел пожилой человек лет шестидесяти и спросил, свободно ли место за столом. Я ответил, что свободно. Он тут же попросил официанта принять у него срочно заказ, так как спешил на поезд в Москву. Разговорились, и я узнал, что у него большое горе. Сегодня похоронил мать, а вот на поминки не остался, так как не пожелал сидеть за одним столом с близкими родственниками-подлецами, часть из которых в период репрессий отвернулась от него, как от врага народа. «А какой же я был враг народа? — сокрушался мой собеседник. — До войны работал преподавателем на кафедре института стали и сплавов в Москве, занимался научной работой, защитил докторскую диссертацию в 29 лет, разрабатывал новые сорта стали и сплавов. И как-то на кафедре обронил слово, что очень много ученых почему-то арестовывают и что даже будто бы самого Туполева тоже арестовали. Не успел, как говорится, и вякнуть, как ночью меня арестовали, а родная жена под страхом подтвердила мои «нездоровые разговоры» в семье по этому поводу. Мне дали десять лет и выслали в Норильск. Условия были жуткие. Многие не выдерживали и умирали от истощения или замерзали.

Мне, — продолжал он, — немного повезло: доверили машину — возить начальника лагеря. Это был деспот и садист. Я решил себя и его угробить. Как-то разогнал машину и направил ее на мощный чугунный столб. Ну, думаю, конец и тебе, мерзавец, да и своя жизнь уже опостылела. На мое удивление, передним бампером этот столб срезало, как бритвой. За преднамеренные мои действия добавили еще пять лет. Но тут я занялся изучением поведения металлов в условиях низкой температуры. В тюрьме написал много работ. Вы технологию металлов изучали в институте? — спрашивает он меня. «А как же!» — говорю. «А кто автор учебника?» Я отвечаю: «Болховитинов». — «Вот и будем знакомы. Я и есть тот самый автор учебника. А написан он в тюрьме.

Когда началась война, меня вдруг вызывает наш деспот в чине полковника и говорит: «Ну ты, ученый, собирайся в Москву».

Всю дорогу ломал голову, зачем я им понадобился? Шпокнуть и тут могли без суда и следствия... На вокзале меня встретил молодой капитан-танкист и сразу: «Вы товарищ Болховитинов?» Я отвечаю: «Да, вроде бы». «Очень хорошо», — говорит капитан и предлагает мне пройти к машине. Меня привезли в специальное КБ, где день и ночь мы занимались металлом, который шел на танки, пушки, пулеметы. Я даже Сталинскую премию получил. А когда обмывали эту премию, я не удержался и сказал: «А зря тогда меня посадили...» На следующий день я вновь был арестован. Было это в августе 1947 года.

Вот так-то, товарищ капитан, — сказал Александр Николаевич. — В итоге я отсидел почти десять лет. Всю жизнь сломали. А теперь, хоть и реабилитирован, и восстановлен в партии, по я никому не верю, даже партии, которая не смогла защитить своих лучших сынов от произвола и жесточайшей расправы».

Если бы я знал тогда, что когда-нибудь меня потянет писать, я уж что-что, а эту памятную встречу тут же бы зафиксировал на бумаге. А когда оказался в Москве в 1967 году, то нашел

Александра Николаевича, но только на кладбище...

Уже сидя в вагоне, я невольно сравнивал этих беззащитных людей из деревни и ученого из Москвы. Их судьбы оказались в тюрьмах совершенно одинаковыми. Мой отец куда только не обращался, в какие инстанции не стучал — бесполезно. Более того, ему в районном отделе милиции пригрозили: «Смотри, казак, хоть ты и буденовец, хоть и председатель комитета бедноты, но загремишь следом за ними, а у тебя как-никак семеро детей». Отец утихомирился.

Вот так политические проходимцы от имени Советской власти расправлялись с семьями тех, кто ее устанавливал, проливал за нее кровь.

Отец, к примеру, решил добровольно пойти в Красную Армию в 1919 году. В это время молодая Советская Республика была в опасности. Шкуро со своей бандой еще удерживал Воронеж. Ему на помощь спешил корпус генерала Мамонтова. Но по его пятам шла конница Буденного. Со станции Типовая началась настоящая погоня за Мамонтовым, который уходил вдоль железной дороги, разрушая на своем пути мосты, расстреливая рабочих-железнодорожников. По всей Воронежской губернии с великой радостью встречал буденовцев трудовой народ. Люди приглашали бойцов в свои дома, делились с ними хлебом и одеждой, отдавали для лошадей последние запасы сена. Тысячи людей просили принять их в конный корпус Буденного. Добровольцев было так много, что решили принимать лишь тех, кто имел собственную лошадь, седло и шашку. Остальных группировали в команды и отправляли на пополнение 8-й армии.

Отец попал в конный корпус, так как прибыл с лошадью и со всей амуницией. Не раз он рассказывал, как выступал Буденный перед молодым пополнением и говорил: «Корпус наш — это армия смелых, и первое условие, закон такой — идти вперед, не озираясь по сторонам. А бойцы у нас лихие, кони у них хорошие, а если у кого плохой — то умеи отбить лучшего коня у врага». И в назидание предупреждал: «Кто пойдет назад, кто будет разводить панику, тому мы рубим голову». И обращался с напутствием: «Знайте, кто не выдержит этого сурового боевого режима, тот не становись в наши ряды. Нам нужны герои, беззаветно преданные революции, готовые на подвиги и на смерть за власть Советов».

В середине октября 1919 года конный корпус Буденного сосредоточился под Воронежем, в районе Верхняя и Нижняя Кутаховка, Красный Холм, Выселки Хреновские, Тулитово. Сам штаб корпуса размещался в Ивановке. Отец, зная хорошо почти всю Воронежскую губернию, принимал непосредственное участие в разведке противника в полосе Графская, Ново-Усмань, Московское и в других местах. Обстановка очень быстро менялась. О действиях противника были противоречивые сведения. Поэтому на разведку возлагались очень ответственные задачи. Помню, отец со смехом рассказывал, как они стали свидетелями поразительной неразберихи в стане Шкуро и Мамонтова. Когда корпус Мамонтова прорвал оборону 12-й стрелковой дивизии и устремился к Воронежу, то генерал Шкуро принял мамонтовцев за красных и открыл по ним огонь, который длился несколько часов. Войска Мамонтова четыре раза бросались в атаку, но под огнем станковых пулеметов Шкуро откатывались назад. И только в пятой атаке мамонтовцы и шкуровцы наконец-то опознали друг друга. Вот уж смеху было в корпусе Буденного!

По получении распоряжения Реввоенсовета Южного фронта корпусу ставилась задача разбить конницу врага, которая шла на Орел и Елец. В соответствии с задачей корпус был сосредоточен северо-восточнее Воронежа с целью нанести удар по городу. Разведка, в составе которой был отец, установила связь с подчиненной корпусу кавгруппой 8-й армии.

После освобождения от белогвардейцев Воронежа отец оставался в рядах действующего конного корпуса, а позже в составе 1-й Конной армии принимал участие в освобождении Старого и Нового Оскола, что в 60 километрах от Гремячьего. Ведь надо же такому случиться, что в период Великой Отечественной войны он тоже сражался за Воронеж, где и был тяжело

ранен. Невероятно, как порою повторяется судьба!

Излечившись после тяжелого ранения, полученного в одном из сражений, отец вернулся в родное Гремячье. Советская власть была завоевана. Предстояла более сложная задача — удержать ее, то есть научиться быть хозяином страны. И задачу эту должен был решить каждый труженик.

Все годы до коллективизации были насыщены необычайно интересной, хотя и нелегкой, жизнью в нашей деревне. Росла и наша семья — у отца с матерью один за другим родились семеро детей.

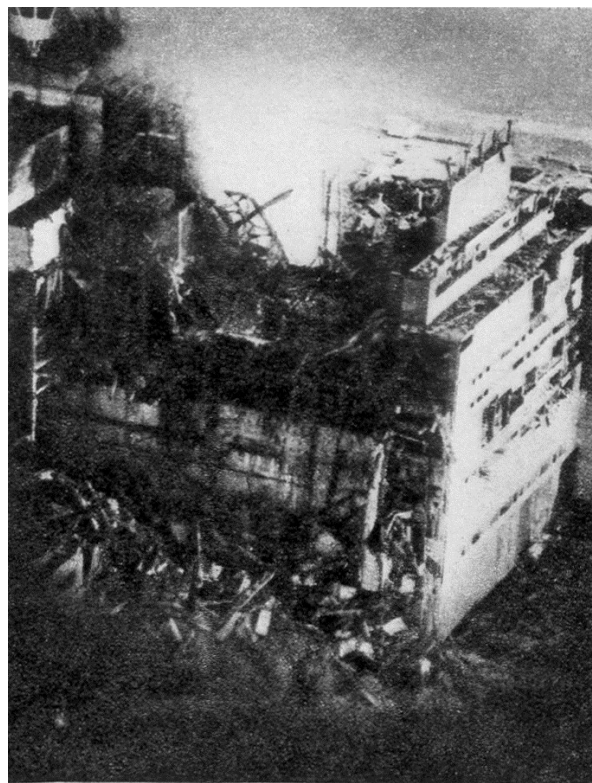
Решили в Гремячем построить первую школу, первую десятилетку. Кирпича для фундамента и цоколя нигде не находили. Кирпичного завода в районе не было, возить из Воронежа на телегах далеко. Отец в это время был во главе комитета бедноты. Председатель сельского Совета пригласил его и сказал: «Дмитрий, собери тех односельчан, у кого есть кирпичные дома». Отец вначале не понял, в чем дело. Но все же оповестил кого надо. Все собрались в сельсовете. Председатель сказал, что для строительства школы нужен кирпич, а кулаки ни на какие самые выгодные условия не идут, чтобы свои кирпичные дома отдать под школу. «У вас, у середняков, в каждой семье детвора, а где ее учить? Всем вот построим рубленные дома, а кирпичные, если вы согласны, пойдут под школу».

Отец, долго не раздумывая, первым согласился на разборку дома, понимая, что эта школа будет школой его детей. А к этому времени в семье их было уже пятеро. Примеру отца последовали другие односельчане. Решение отца моя мать без возражения одобрила, зато наша бабуля закатила истерику и голосила целый день на всю улицу: это ее дом и ни одного кирпича никому она не отдаст. И как только она не ругала отца! А больше всего хулила Советскую власть. Все причитала: «В ученые теперь лезут! Да кому это надо? Вон тебе земля — и работай». Правда, к вечеру старуха угомонилась, особенно когда ее первый, любимый, внук Ванюшка подошел к ней и ласково сказал: «Бабуля, в этой школе я самый первый буду учиться... Хочу быть летчиком, ты понимаешь? Будут учиться там и мои братья, и сестры. — И тут же добавил: — Когда выучусь и стану летчиком, то буду помогать нашей семье, а тебе, бабуля, куплю полусапожки и платье». Бабка от такой политбеседы внука вновь расплакалась, только теперь уже добрыми слезами. На том все страсти в доме и поутихли. Рубленный дом нам вскоре построили, а кирпичный стали аккуратно разбирать. И все же, когда разбирали дом, бабушка нет-нет да и втихомолку всхлипнет. Подойдет к рабочим и говорит: «А какой труд в нем был!.. А вы, варваки, все только разрушаете, царя на вас нет». Куски кирпича от старого дома еще и сейчас при перекопке земли в огороде попадают под лопатой и напоминают о доброте моих родителей, их вкладе в строительство школы, в которой позже учились трое старших братьев и сестра Мария. Нам остальным не довелось в этой школе учиться... Фашисты разрушили ее.

Школа получилась на славу. Какая же была радость в нашей деревне! Это был настоящий праздник — день ее открытия. По рассказам отца, был организован митинг, который длился целых два часа. Пришли все жители, кроме кулаков, с транспарантами, лозунгами, красными флагами. Отец рассказывал, что ему дали слово, а он толком не мог ничего сказать. Но сказал самое главное: «Спасибо Советской власти за то, что наши дети будут теперь учиться грамоте».

А в следующую ночь после открытия школы наша семья чуть не лишилась отца и старшего брата Ивана. Кулаки решили «проучить» активистов.

Так начиналась чернобыльская беда. Снимок
сделан 26 апреля 1986 года в 10:00

Опустел город энергетиков Припять: безлюдные улицы, дома, парки, брошенные
автомшины

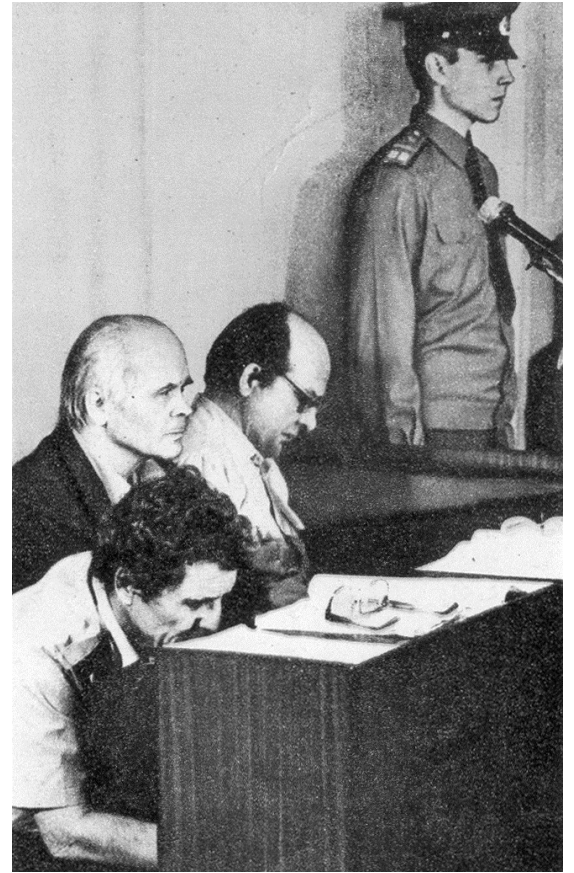
Незримый враг поразил значительные территории: леса, луга, сельскохозяйственные угодья

Эта сосна — свидетельница двух страшных трагедий: в Великую Отечественную войну фашисты вешали на ней партизан, сегодня в семистах метрах от нее находится аварийный энергоблок

Прометей принес людям огонь. В Чернобыле из-за неразумных, безответственных действий отдельных должностных лиц энергия огня вышла из-под их контроля, нанеся громадный ущерб и человеку, и природе. На снимке — надпись «Заражено» на скульптуре, изображающей Прометея

Преступники и пострадавшие: Брюханов, Фомин, Дятлов – на скамье подсудимых; жители покидают родные места.

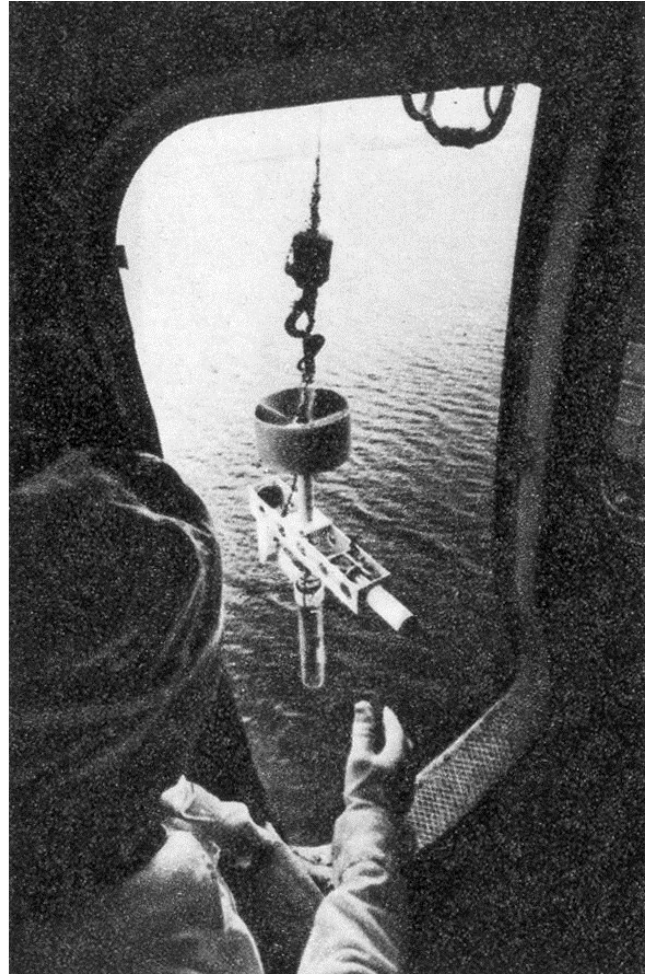

Одними из первых в схватку с коварным врагом вступили разведчики-дозиметристы. Дозиметрический контроль в городе Припяти и окрестностях

Люди и техника готовятся к сражению с радиацией: Герой Советского Союза генерал-майор авиации Н. Т. Антошкин с экипажем вертолета перед вылетом; путеукладчик БАТ-М подготовлен к работе в опасной зоне

Контроль радиоактивного заражения воздуха и воды в районе ЧАЭС.

Оценка радиационного состояния
наружных стен Чернобыльской АЭС

Дезактивация техники после
выполнения работ

Наступление на радиацию. На снимках – дезактивация зеленых насаждений и жилых домов

Инженерная машина разграждения в работе

Вывоз радиоактивного грунта с территории АЭС

Идет подготовка к главному сражению с атомом в зоне 3-го и 4-го энергоблоков. На снимке — подгонка средств защиты груди от излучения

Так выглядела защита органов дыхания, глаз, лица и головы воинов, работавших в особо опасных зонах ЧАЭС

Идут работы по сбросу радиоактивных веществ с площадок сооружений АЭС в развал 4 энергоблока

Генерал-майор Н. Д. Тараканов, полковник В. Я. Сопельняк, полковник А. А. Кузнецов

И. Е. Акимов — сын

Е. М. Акимов — отец

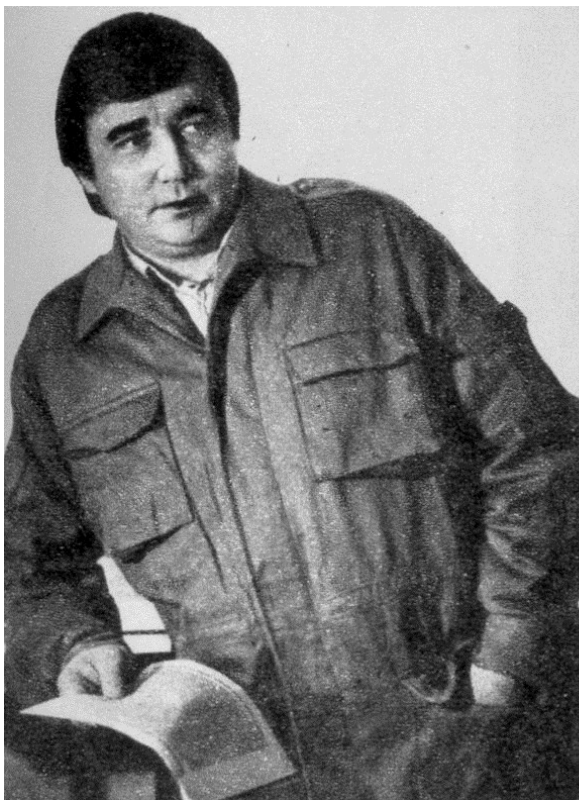

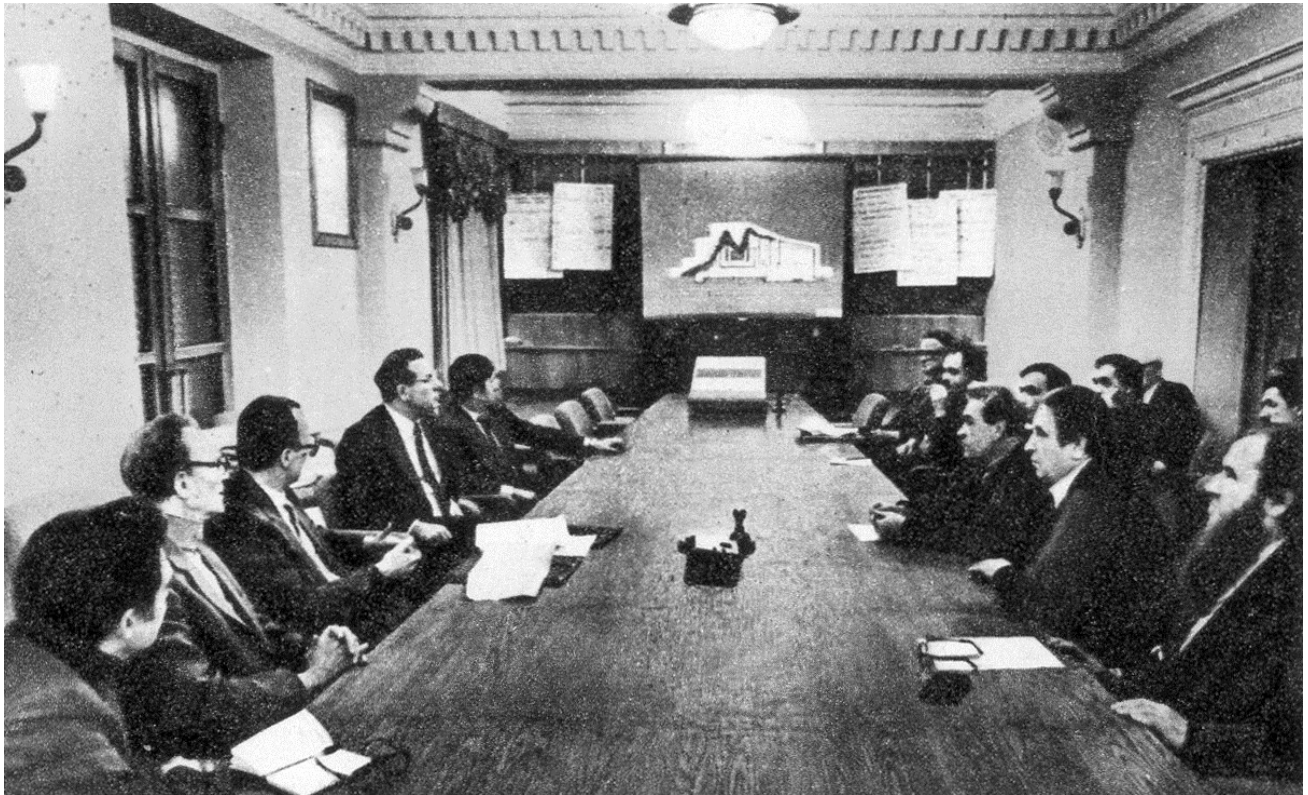

Разведчик-дозиметрист Г. П. Дмитров Заместитель командира отряда спецдозразведки
В. М. Стародумов

Заместитель главного инженера ЧАЭС Ю. Н. Самойленко

Полковник А. Д. Саушкин

Чернобыльская трагедия поставила серьезные проблемы перед «большой наукой». На с н и м к а х : совещание группы ведущих ученых страны по ликвидации последствий аварии; академик В. А. Легасов (слева)

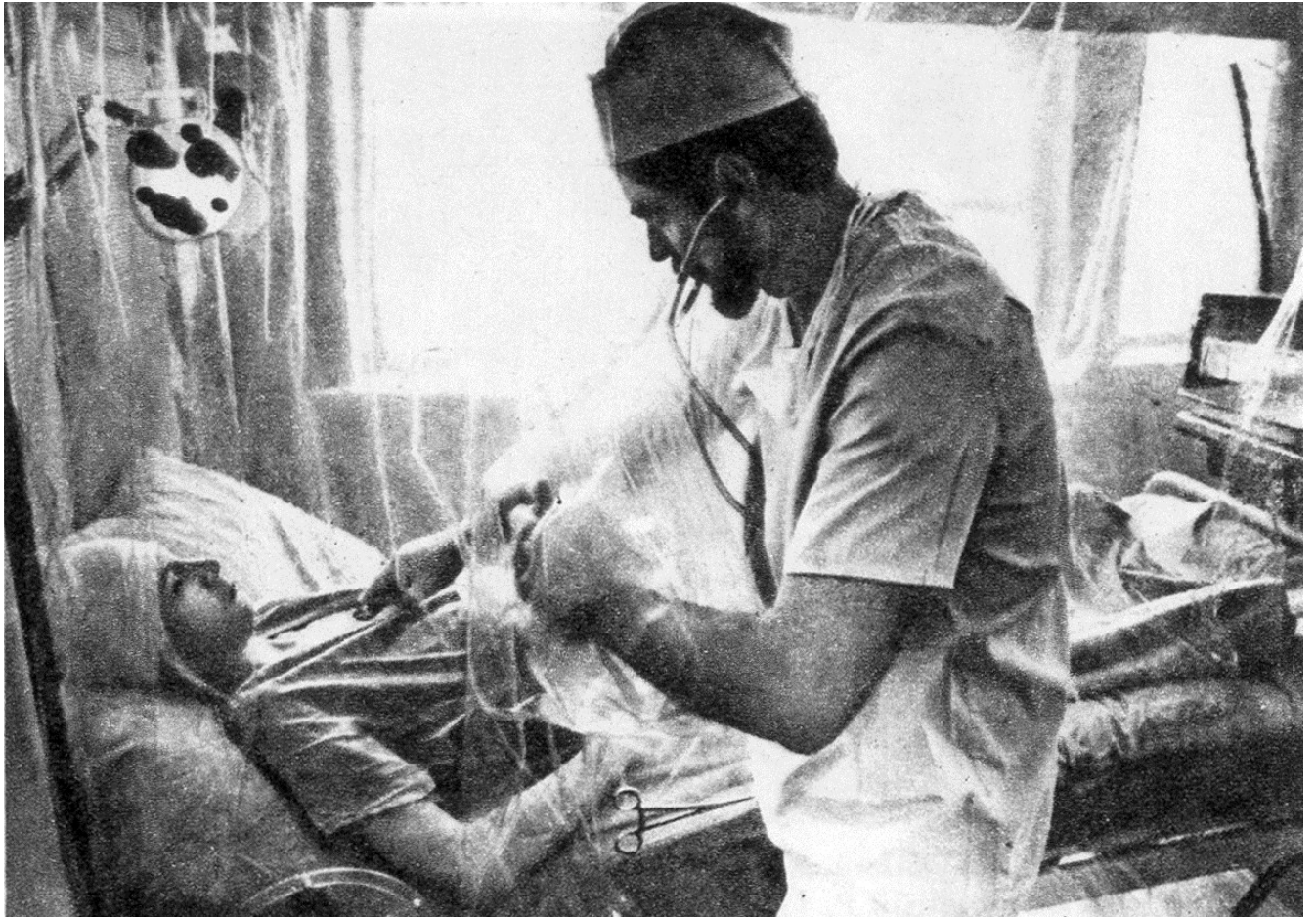

Сложение усилий медиков. Академик А. К. Гуськова и американский ученый Р. Гейл

Исследование редиса, выращенного в радиоактивно зараженной зоне

Обследование больных, получивших радиоактивное облучение, в 6-й клинической больнице г.Москвы

Этот мальчик родился на третий день после аварии в городе Припяти. В результате стресса, перенесенного матерью, роды прошли преждевременно. Заключение врачей: ребенок здоров

Случилось это в первых числах мая. Отец пахал землю. Колхозов еще в те годы не было. Землю пахал собственную, завоеванную своей кровью в гражданскую войну и полученную по справедливости от Советской власти «на имеющихся в наличии едоков», то есть членов семьи. Кулаков, которых в деревне было немало, злило не только то, что их земля теперь разделена поровну на всех, но и то, что отец и другие члены комбеда подали «дурной пример», отдав свои кирпичные дома под фундамент школы.

Поздно вечером старший брат Иван понес ужин отцу в поле и остался у него ночевать. Обычно отец ложился спать в телегу на солому и укрывался сохранившейся длинной буденовской шинелью. На этот раз он почувствовал что-то неладное, а тут еще поднялся сильный ветер. Решили переночевать в прошлогодней скирде соломы. Ловко обустроив себе «жилище», постелили попону, натянули одеяло. Еще не успели толком задремать, как раздалось несколько выстрелов в темноте. Отец догадался, в чем тут дело. Когда они с Иваном уходили ночевать в скирду, то шинель оставили полусвернутой на телеге, в которой тоже лежала солома. Кулаки, полагая, что отец с сыном спят здесь, решили их пристрелить. Изрешеченная пулями шинель отца до самой Великой Отечественной войны оставалась у нас висеть в чулане. С тех пор отец уже больше на ночлег не оставался в поле.

Заговорщики-кулаки в эту ночь несколько человек-активистов зверски убили, мужчин — из обреза, а женщину — шкворнем от телеги.

Убийц так в тот раз не нашли. Но они объявились с началом Великой Отечественной войны, с радостью встретили немцев, а потом прислужничали им. Вот тут их и покарала земляки. Не прошло и нескольких дней их предательской службы, как они были убиты без суда и следствия прямо дома. Возмездие справедливое.

Для многих односельчан была большая радость, когда началась коллективизация. Люди вступали в колхоз с охотой, сплывались теснее друг с другом для коллективного труда и для защиты от кулаков, которых все же побаивались. Мать и отец вступили в колхоз первыми. Мама работала звеньевой овощеводческой бригады, а отец — животноводом. Он очень любил лошадей, еще с детства, когда с отцом уходил в ночное за Дон пасти их, но особенно с гражданской войны.

Отец часто рассказывал, как не раз лошади спасали жизнь красноармейцам, когда в седле доставляли тяжелораненых в расположение своих частей. С отцом тоже было приключение, только уже после гражданской войны. В конце 30-х годов он возвращался поздно ночью из Воронежа на санях. Дорога была длинная, и от усталости отец задремал, а потом и вовсе уснул. Его Орлик (так звали коня) мало того что сам нашел дорогу до своего дома, но, подойдя к воротам, остановился и начал ржать. Когда дома все проснулись, мать выскочила во двор в испуге: что-то неладное. В эту ночь отец едва не замерз. С тех пор он больше жизни любил этих животных, а потому до начала Великой Отечественной войны так и работал животноводом в нашем колхозе «Ленинский путь».

Название колхозу было дано авторитетное, и все гордились этим. Колхоз быстро становился на ноги. Пахотной земли было много, хорошо пошло животноводство при наличии заливного донского луга, овощеводство, были образцовая колхозная насека и прекрасный сад. С каким энтузиазмом работали люди на полях, фермах, в саду и на других работах! Моя мать и отец, как и многие другие колхозники, уходили на работу рано утром и действительно шли как на праздник. Мама, часто вспоминая, говорила: «Как весело-то было в молодом коллективе работать!» И с горечью вспоминала тяжелую работу дома, в одиночестве да под надзором свекрови: «Ох и опостылела мне такая жизнь!»

С раннего детства в крестьянской семье прививалась любовь к труду, и в первую очередь к нехитрым крестьянским работам на земле. Буквально с семи лет каждый мог

«квалифицированно» вскапывать землю лопатой, зная, как ее надо держать и под каким углом, сколько брать земли в захват и на какую глубину копать, как переворачивать землю и т. д. Потом каждый из нас становился рядом со взрослым и часами вскапывал землю. Наиболее ответственными работами в огороде считались посадка картофеля, свеклы, лука, чеснока, капусты, моркови. После посадки и первых всходов наступала пора поливки, прополки, окучивания и прочего. Особой заботы и внимания требовал к себе сад. Дед Тихон давно умер, и вся эта работа легла на плечи отца и нас. Отец многое перенял в свое время от деда Тихона и учил нас тому же. Как, к примеру, привить, когда и каким способом лучше подрезать дерево.

Отец и мать много сил и здоровья отдавали колхозу, а ведь наш огород и некоторая живность являлись основным источником жизни для всей нашей большой семьи. Я много думал: были ли это настоящий энтузиазм и полное понимание того, что страна должна стать сильной и могучей, чтобы мы смогли дать отпор любому агрессору, или это был страх перед возможным наказанием?

За каждый заработанный трудовень оплата в колхозе была мизерной. И тем не менее попробуй опоздать, когда бригадир лично обходит дома и указывает, к какому часу нужно явиться на такую-то работу. Была и дисциплина, и организованность. Но были и страшные голодные годы, когда отец и мать просто не знали, как прокормить такую ораву едоков, если ни в огороде, ни в колхозе ничего не уродилось. Это случалось в годы засухи. Почти единственным источником жизни оставались тогда корова да Дон с лесом. Для коровы по кличке Нежка мы набирали целыми днями траву в Жировом лесу, куда уходили с мешками и серпами. Пастбища без дождя полностью выгорали, а в лес коров пускать не разрешалось.

В течение недели мать собирала молоко в корчажки, в печке топила его, потом под выходной день сливала в бидоны, и они с отцом на себе несли это молоко, по 20—30 литров, в Воронеж на базар, там его продавали и на вырученные деньги покупали хлеб. Помногу раз становились в длинные очереди за хлебом, набирали по нескольку буханок. И тут возникала главная трудность: этот хлеб нужно было вынести из города через милицейские заслоны (тогда так назывались специальные посты). Они вели строгую проверку и больше двух булок никому не позволяли выносить из города. Обычно отец и мать, набрав хлеба в мешки, сидели где-нибудь допоздна и только с наступлением ночи, когда бдительность на заслонах несколько ослабевала, им удавалось выскользнуть из города с ношей.

Помню, как-то мать однажды рассказывала и плакала, что даже ночью они иногда нарывались на заслон и никакие доводы, что дома, в Гремячем, восемь душ сидят голодные и ждут этот хлеб, никакие слова не пробирали этих службистов — хлеб просто отнимали, так как мать оказывала сопротивление. А отцу чаще удавалось улизнуть, так как выходили они из города разными маршрутами, в надежде, что хоть кто-то один прорвется и принесет хлеб нам. Какая же цена была этому хлебу! Подобная картина с хлебом, если еще не хуже, была и сразу же по освобождении Воронежской области от фашистов, да и после войны. Крошка хлеба не пропадала. Бывало, отец делит булку хлеба на все десять ртов. Причем независимо от возраста, чтобы ни у кого не было обиды, порция хлеба была для всех равная, а только оставшиеся крошки хлеба сметет отец аккуратно рукой на ладонь — и в рот. «Это, — говорит, — мне за труд хлебореза». Как же был дорог и вкусен хлеб, политый потом моих родителей!

Нет, мы стали забывать эти тяжелые времена. Не по себе становится, когда видишь в баках мусора куски хлеба. Какая же безнравственность — хлеб выбрасывать на помойку! Ну почему же в школе у нас не ввести специальные занятия или уроки о бережном отношении и к хлебу, и ко всему богатству страны? Ведь порою заходишь в подъезд дома, смотришь — дверь поломана, почтовые ящики покорежены; заходишь в лифт — такая же картина. И задумываешься: откуда это? Ответ один — от отсутствия подлинного воспитания детей в семье, школе, общественных организациях. И если сегодня подрастающее поколение испытает с

ранних лет, что такое труд в любом его проявлении, чего он стоит, это и будет называться перестройкой воспитания человеческих душ и нравственной перестройкой общества. Но об этом должны позаботиться и в семье, и в школе, и в вузе, и в пионерских и комсомольских организациях. Все мы должны кропотливо прививать детям эту любовь к труду, который будет их кормить всю жизнь, до самой старости, учить их бережно относиться ко всем ценностям.

Подытоживая свидетельства очевидцев событий в русской деревне 20—30-х годов, можно сказать, что они дают серьезное основание подвергнуть сомнению ряд сложившихся стереотипов. Прежде всего, сомнительно представление о русском крестьянине — а он составлял тогда большинство нашего народа — как о некоем тупом скопидоме, которому чужд коллективизм. Вспомните хотя бы историю строительства школы в нашем селе. Неверен, на мой взгляд, и расхожий теперь штамп о том, что крестьянин всей душой противится труду в коллективном хозяйстве и только силой страха можно заставить его это делать. Еще раз обращусь к воспоминаниям матери о том, с каким энтузиазмом работали они в первые годы на колхозных полях. Да и позже, как еще будет показано в этой книге, сама жизнь не раз заставляла крестьян объединяться, что давало весьма ощутимый эффект. Другое дело, когда колхозники почувствовали отчужденность от результатов своего труда, это не могло не подорвать у них чувства хозяина, которого не может заменить никакой страх.

* * *

Вот с такой раздвоенностью многих: с одной стороны, врожденное и не раз декларированное чувство хозяина страны, а с другой — почти полная отстраненность от этого хозяйствования — пришлось сталкиваться и в Чернобыле.

Вернемся в зону ЧАЭС, где работы развернулись не только на территории, но и на высоте — на зданиях и сооружениях.

Спустя некоторое время после аварии на кровли зданий наносился с помощью пожарных машин специальный раствор для локализации радиоактивного загрязнения и пылеподавления. Работа была сложная, трудоемкая и требовала больших физических сил. И все же после выполнения ее на кровлях отмечались значительные радиоактивные загрязнения и совсем слабый эффект по предотвращению пылепереноса.

Кроме того, на кровле, к примеру, деаэрационной этажерки имелись большие наплывы жидкого стекла и клея, удаление которых без повреждения кровли было невозможно. Подобные наплывы толщиной от одного до пяти миллиметров были зафиксированы и по краям крыши машзала. На отдельных участках образовалось вздутие рубероидного покрытия.

Для определения направления работ по дезактивации кровли было решено провести первый этап — дезактивировать кровлю машзала. Эти работы включали уборку мест скопления радиоактивно зараженного песка и сбор его в мешки. Работу выполняли солдаты вручную. Мешки с радиоактивным песком отправляли на захоронение в хранилище твердых отходов АЭС. Дело осложнялось наличием высоких уровней радиации, дальностью расстояния подноса тары к крану (до 400 метров) и ограниченной нагрузкой на кровлю машзала. Но солдаты, сержанты и офицеры понимали, что, пока радиоактивно зараженный песок вместе с другими материалами выброса не будет собран и удален, бессмысленно начинать работы по дезактивации первого и второго энергоблоков. Работа спорилась. Особенно отличились воины из частей гражданской обороны, которыми командовали офицеры Дубинин, Глех и Аксельрод. Победителями комсомольской вахты в честь Павла Корчагина стали воины части товарища Аксельрода. Они на всех видах работ показали себя настоящими патриотами, несгибаемой воли людьми.

В трудных условиях, при соблюдении режима радиационной безопасности, работы на

высоте были выполнены в установленный срок, что позволило приступить к дезактивации первого и второго энергоблоков вместе с их оборудованием. Поначалу качество дезактивационных работ внутри помещений АЭС было низким. Сказывалось отсутствие персонала станции, особенно при дезактивации оборудования (электротехнического и тепломеханического). Участие персонала было крайне необходимо в связи со сложностью оборудования и жесткой потребностью в квалифицированном знании и соблюдении соответствующих правил техники безопасности на АЭС в условиях аварии.

Использование персонала ЧАЭС при работах по дезактивации было осложнено тем, что значительная часть его была эвакуирована, кроме небольшой дежурной группы. Кроме того, персонал АЭС в подавляющем большинстве с методами и принципами дезактивации был незнаком. Этим делом никто ранее не занимался. Имеющиеся на атомных станциях подразделения — цехи дезактивации в обычных условиях выполняют, как правило, работы по содержанию санпропускников, стирке белья и уборке помещений общего пользования с относительно низкими уровнями радиоактивного загрязнения, что не требует специальных знаний и навыков по дезактивации. Ремонтный персонал АЭС в обычных условиях выполняет локальную дезактивацию в процессе уборки рабочих мест по окончании работ, что связано также с незначительными уровнями радиоактивного загрязнения.

Таким образом, для выполнения задач по дезактивационным работам на наиболее сложных участках АЭС необходимо было скоординировать привлекаемые силы, обеспечить взаимодействие, отобрать нужных специалистов.

На первом этапе дезактивации участвовало большое количество научных групп различных организаций, министерств и ведомств СССР, имеющих некоторый опыт проведения подобных работ. Персонал ЧАЭС на этом этапе практически не участвовал.

Эффективность проведенных дезактивационных работ данного этапа была низкой: мощности доз на дезактивируемой территории практически не снизились, снятый грунт был вывезен во временно сооруженный на территории АЭС «могильник», который не отвечал нормам по захоронению. Отсутствие контроля со стороны персонала АЭС привело к тому, что в результате работ по дезактивации территории были полностью разрушены железнодорожные подъездные пути в районе третьего и четвертого блоков АЭС, частично выведены из строя инженерные коммуникации, территория северной части третьего и четвертого блоков засыпана слоем сухого бетона, который в смеси с радиоактивным грунтом разносился по окрестностям ветром. Все это впоследствии привело к большим трудозатратам.

На втором этапе дезактивации общее руководство работами возлагалось на штаб с представителями Чернобыльской АЭС, управления строительства ЧАЭС, ряда министерств. Возглавил штаб главный инженер ЧАЭС товарищ Штемберг Н. А. Этот этап характеризовался участием большого количества научных групп различных институтов, деятельность которых значительно активизировалась. Практически появилась возможность получать консультации и предложения по любым предстоящим дезактивационным работам. Однако все эти научные группы не имели объединяющего органа, и в результате их разобщенности выбрать из предлагаемых методов оптимальный было весьма сложно. В деятельности научных групп, как правило, отсутствовал авторский надзор, то есть не было тщательного контроля за выполнением того или иного предписания. На период авторского надзора энтузиазм членов групп пропадал и они незаметно исчезали. Проконтролировать их работу со стороны руководства ЧАЭС или применить определенное воздействие было невозможно, так как они не были подчинены АЭС. Отрицательным фактором в деятельности научных групп было также и то, что предлагаемые ими методы не подкреплялись с их стороны сведениями о наличии необходимых материалов или возможностей по их производству в промышленности.

В этот период по просьбе руководства АЭС была усилена научная группа за счет

офицеров Советской Армии.

Учитывая фактическую разрозненность в научном обеспечении, было принято решение координировать все предложения других научных групп только через научную группу Министерства обороны. Научная группа размещалась в Чернобыле и постоянно взаимодействовала с представителями научно-исследовательских организаций других министерств и ведомств, принимавших участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Как правило, личный состав этой группы работал не более месяца, исходя из условий радиационной безопасности. По истечении месяца мы подбирали новых специалистов и проводили своевременную замену.

Наиболее заметный вклад и исключительную деловитость проявила группа под руководством полковника Дьяченко А.А. Сам он — неумная натура — всегда был в поиске наилучших средств и способов дезактивации, проводил оригинальные эксперименты, внедрял в практику результаты научных исследований. Его отличали также исключительная исполнительность и дисциплинированность. До Чернобыля я знал Анатолия Александровича только с положительной стороны. Но для того чтобы отстоять его кандидатуру на эту должность, я неоднократно брал его с собой в поездки и полеты над Чернобылем для предметного знакомства. Как-то в одну из таких поездок я взял с собой операторов полковника Кузнецова А.А., подполковника Клименко Ю.Н., ну и Дьяченко. Мы вылетели на вертолете в город Припять. Как только приземлились в Припяти, пересели на УАЗ-469. Нас ожидали офицеры Кучеренко А.В. и Тодосейчук С.И. Подполковник Кучеренко показал нам красивый, но совершенно пустой город. Полное безмолвие. Колючая проволока в несколько рядов опоясывает Припять по периметру. С двух сторон его установлены милицейские контрольно-пропускные пункты. Улицы, площади, парки, скверы совершенно пустынные. Население — около 40 тысяч человек — было вынуждено покинуть свой молодой и цветущий город. Эвакуация — это весьма неприятное мероприятие, а в условиях радиоактивного заражения — тем более.

Я невольно сопоставлял жуткую картину эвакуации жителей нашего огромного села Гремячье летом 1942 года и эвакуацию жителей из Припяти и Чернобыля в мае 1986 года.

В целом эвакуация населения из Чернобыля и Припяти прошла организованно. Этим процессом занимались партийные, советские и административные органы. Но все же были и упущения, и некоторые издержки. Во-первых, не оказалось заранее подготовленных списков на эвакуацию населения, и более двух тысяч милиционеров бегали по подъездам и срочно составляли их. Они же распределяли, куда посадить детей, куда — их родителей, стариков. Во-вторых, была допущена серьезная психологическая ошибка, когда в обращении к народу по поводу эвакуации сообщили (я считаю — обманули население), что эвакуация будет всего на два-три дня. Председатель исполкома города Припять без тени смущения говорил мне, что иначе была бы паника. Я ему: «Неужели советский человек такой паникер, что если ему скажут взять летние и зимние вещи, пока они еще радиоактивно не заражены, то он этого не поймет и потащит в автобус телевизор или шифоньер? За кого вы принимаете наших людей?» Председатель исполкома молчал, а что ему было говорить? «Ну, в крайнем случае, — говорю, — поставили бы контролеров».

Ничего подобного и многого другого не было сделано. Колонну машин собрали из 980 автобусов и 550 грузовиков. Она оказалась неуправляемой, поэтому значительная часть машин разъехалась не в те места, которые были для них спланированы. Собирали эти семьи в последующем очень долго. Так что гражданская оборона имела тут серьезные издержки в подготовке руководящего состава, формирований и населения. А на бумаге все было хорошо.

* * *

Вот и в Воронеже в сорок втором. Несмотря на то, что Воронежская областная партийная организация занималась подготовкой к проведению отселения жителей из прифронтовой зоны, весь Гремяченский район, его многочисленные села оказались оккупированными немцами и никакой организованной эвакуации не было. Более того, фашисты застали врасплох не только жителей района, но и весь состав партийных и советских органов, которые были сразу арестованы. Со связанными руками их прогнали через все село и на окраине Гремячего Лога расстреляли.

Мне до сих пор непонятно, как такая беспечность могла проявиться у нас в районе? Ведь шел уже второй год войны, ведь мы знали, какие жестокие бои под Воронежем.

Решения областного партийного актива, проходившего летом 1942 года, хотя и имели большое значение для подъема практической деятельности партийных, советских и хозяйственных органов, но все же носили формальный характер и особенно в части подготовки населения к эвакуации.

Гремячье, расположенное всего в 30 километрах от Воронежа, оказалось на оккупированной территории. Фашисты установили в нем свои порядки, чинили расправу над населением. Правда, они сполна получали в ответ. Активные действия жителей, связь их с партизанами вынудили фашистов срочно выгнать всех из Гремячего и ряда других прифронтовых сел, как говорится, в чистое поле, куда глаза глядят, а все дома и строения разломать на укрепление своей обороны.

За отведенные фашистами 15—20 минут много из дома не возьмешь — только лишь личные вещи да продукты питания. На наше счастье, у нас оказалась лошадь с телегой и полной упряжью. Дело в том, что брат Саша в день оккупации немцами нашего села был в ночном с колхозными лошадьми на лугу за Доном. Хотя и было ему всего четырнадцать лет, но он сообразил: весь табун оставил на правом берегу Дона, сам сел на повозку — и живо домой через паромную переправу! Лошадь, на которой он приехал, стала спасением для нашей семьи. Много и на телегу не нагрузишь, но все же основные вещи забрали. Это был наш прожиточный минимум на всю зиму, так как вещи мама потом меняла на продукты.

До сих пор в моей памяти стоит драматическая картина эвакуации в Гремячем. Не обошлось без жертв.

У нас жил старенький дедушка, который воевал еще в германскую. Был в плену у немцев. Знал немецкий. Когда фашисты стали выгонять всех из дома, он ругнул их: «Швайн!» (свинья). Тут же дед Тихон был застрелен.

Всех, кто не мог двигаться, сельчане не бросили: кого на подводу усадили, кого просто повели под руки. Немцы считали, что если кто остался, то «это партизан» для связи с фронтом, который проходил по Дону. Фашисты цепью отсекали все выходы в гору, они стояли па наших огородах и в садах, чтобы никого не пропустить в этом направлении от домов. По другую сторону дороги, за домами, тоже стояла цепь гитлеровцев, задача которых, видимо, состояла в том, чтобы никто не ушел к Дону, к паромной переправе и к своим за линию фронта. Другие фашисты по двое-трое входили в дома и выгоняли жителей па улицу. В деревне поднялся такой гвалт, что стало жутко. Через несколько минут огромная колонна сельчан тронулась в сопровождении немецких автоматчиков через Попову гору на Еманчу. Как только немцы отвели нас от Гремячего километров на десять — пятнадцать, они бросили нас, и мы уже сами стали думать, куда двигаться дальше, где остановиться.

Когда мы покинули Гремячье, вдруг наша бабушка всем нам и говорит: «Ну и пусть этот проклятый фашист покупается у нас в погребе». «Что ты мелешь, бабуля?» — спросил Сашок. «Как что? Забыли, что перед тем, как нас стали выкидывать из хаты, к нам забежал этот долговязый фриц? А куды он делся — вы знаете?» Теперь действительно все вспомнили того немца — бабушка сопровождала его в погреб. Дело в том, что немцы пронюхали, что в погре-

бах хранятся мясо, творог, сметана и прочие съестные продукты.

В период разлива Дона, когда он выходил из берегов, вода затапливала все огороды, сады и погреба. Как только вода спадала и Дон входил в свое русло, то в погребах долго еще оставалась ледяная вода — чуть ли не все лето. И вот в этот «холодильник» опускали деревянную бочку, она плавала, а в ней хранились продукты. Мясо же, обычно тушкой, подвешивали на веревке, и оно долго не портилось.

Непрошеного гостя бабушка Солоня проводила на погреб, открыла ему дверь, приподняла крышку над погребной ямой и говорит: «Ну, давай, гад, полезай, грабитель». Немец лег на живот, чтобы дотянуться рукой до веревки с мясом. Бабушка, не мешкая, схватила его за ноги, толкнула, и фриц бухнулся вниз, на глубину до трех метров. А она захлопнула крышку и мигом закрыла на замок. Через некоторое время началась эвакуация. О всем происшедшем бабушка сразу никому не сказала. В такой суматохе забыли про долговязого фрица. А когда она нам рассказала обо всем, то мы и не поверили. Но все равно расхохотались: думали, бабка разыгрывает нас. И вот уже после возвращения домой, но весне, погреб наш завалился, его стали ремонтировать. И какое же было удивление, когда на самом деле там оказался труп этого фрица, да еще, как говорится, при полном параде. Но бабушки уже не было в живых...

Колонна эвакуированных жителей села стала потихоньку разбредаться и разъезжаться, кому куда вздумается. Значительная часть людей решила остановиться на опушке Красного леса, где находились партизаны. Семьями начали рыть для жилья землянки. Мои братья вместе с мамой соорудили тоже большую землянку с хорошим накатом. В ней мы прожили до самых сильных заморозков, но зимовать в ней было невозможно, так как отсутствовала печка, сложить которую было не из чего. Вскоре и продукты питания подошли к концу, как мама их ни экономила. Ребята провели разведку во всей округе и обнаружили пшеничное поле, по его уже убирала сами немцы, привлекая жителей окрестных сел. Мать с Сашей глубокой ночью, как и многие другие, ходили, крадучись, на это поле и руками терли колоски пшеницы, ссыпая зерно в мешок. Такие тайные ночные рейды пополнили наши запасы, но вскоре немцы узнали об этих вылазках и поставили ночные патрули, которые в очередной рейд чуть не перестреляли наших родных и соседей.

Затем фашисты, озверев, совершили свой рейд по землянкам и отобрали всех лошадей, зерно — что у кого было. Мама успела закопать зерно рядом с землянкой, и у нас был сохранен целый мешок. Но самое большое постигшее нас горе — это то, что немцы отобрали у нас лошадь. Отчаянный мой брат Александр сказал маме, что он добудет лошадь любой ценой, иначе мы тут все погибнем. Несколько дней Саша и сосед наш по Гремячему Николай Хрипушин, а по подворью его дразнили Колька-колобень, обошли все в округе и «пронюхали» в одном месте целый табун лошадей, которые паслись в ночь и охранялись часовыми. От нас это было километров двадцать. Долго Саша и Николай втайне разрабатывали свою «операцию». Ребята очень крепко дружили, были одногодки и с детства имели большую привязанность к лошадям. И вот однажды ночью Саша и Николай исчезли из землянок, ничего никому не сказав. Их не было более двух суток. Мама не знала, что и делать, бегала повсюду и искала ребят. К исходу вторых суток являются эти разбойники в наш лагерь верхом на крупных лошадях. Мать так и обомлела. Сказала Саше, чтобы немедленно отвел лошадь в лес, иначе немцы всех нас перестреляют. Но Саша убедил маму, что те не догадаются, что лошадь похищена у них. Потом долго рассказывал нам, как подкарауливали охраняемый табун, выбирали и похищали лошадей, убирала у них немецкое клеймо. Если бы не эта лошадь, не знаю, как мы выжили бы. Чтобы сохранить лошадь, мы перебрались в Красный лес, куда немцы побаивались соваться, а тем временем мать стала ходить по окрестным селам, чтобы договориться о постое на зиму.

Когда мы жили в землянках, то очень многое пришлось пережить из-за нехватки вещей, домашней утвари, предметов первой необходимости. Особенно остро вскоре стал ощущаться

недостаток соли, мыла, обуви. И вот наиболее отчаянные жители стали потихоньку в ночное время проникать в свои дома под носом у немцев и выносить кое-какие уцелевшие личные вещи. Некоторым это удавалось, а многие попадались в руки фашистов и подвергались диким избиениям.

Мои средние братья Петя и Борис решили тоже испытать счастья, побывать в своем доме. Пете было в ту пору двенадцать лет, а Борису десять. Пошли в основном за солью и мылом. Без этого жить было нельзя. Мама и не знала об их плане: Петр сказал, что идут с Борисом в лес за топкой. Вечером они не вернулись... Мать в панике. Побежала просить соседей помочь ей найти пропавших детей. Все исходили, но мальчишки как в воду канули. Потом кто-то маме сказал, что видел их идущими по направлению к Гремячему. Она и вовсе расстроилась. И только на третьи сутки Борис и Петр вернулись. Вид их был ужасен: ободранные, в ссадинах и подтеках. Снимают с себя котомки и говорят: «А мыло и соль мы все же притащили».

Все шло хорошо, рассказывал Петр, они удачно проникли в свой дом, нашли соль и мыло, что закопала мама в землю, обошли всю усадьбу, потом загрузились, а из немцев никого не встретили. Тропинкой через свой сад пошли в гору. Добрались до Еманчи, обошли ее стороной, и вдруг Борис заметил, что из села к ним мчит фашист. Они поняли, что попались. Быстро сбросили с плеч в кусты свою небольшую поклажу и, как бы не замечая погони, спокойно двинули кустами дальше. Через несколько минут немец настиг их, с ходу огрел резиновой дубинкой и потащил в Еманчу. Подвел к дому и затолкал вовнутрь. В том доме оказалось полно детворы и стариков. Что собирались с ними делать — никто не знал. Однако на третьи сутки начались жуткие избиения. Через окно выпускали по два-три человека и что есть силы били по чем попало резиновыми дубинками. Все вещи, которые люди с собой несли, немцы отобрали.

Перенеся тяжкие побои, Петр и Борис едва передвигали ноги. Однако решили проверить свою поклажу: там ли еще, где они ее бросили? Нашли это место — все цело. Забрали соль и мыло и к закату солнца третьего дня своей знаменитой вылазки прибыли в наш лагерь.

Эта соль спасла нас от голода, так как мать зимой 1943 года меняла ее на картошку и хлеб. На один стакан соли можно было выменять ведро картошки или немного муки. Сегодня жутко вспоминать это время. Какой ценою поддерживалась наша жизнь!

Очень хорошо помню, как пекли хлеб. Единственная русская печь на весь лагерь — в Красном лесу, километров за пять от нас. Дом был немцами разобран, а печь осталась. В этой печи круглые сутки по очереди пекли хлеб. Но вскоре она не выдержала такой нагрузки и развалилась. Ребята ее восстановили в течение дня. И снова — жизнь...

С наступлением заморозков семьи стали сниматься и уходить в села на зимовку. Мы тоже спешно подготовились к отъезду, тем более постоянно жили в ожидании, что вот-вот немцы вновь отнимут лошадь. Курс взяли на село Селепяги, которое тоже было оккупировано, но население в нем проживало. Почти во всех домах уже подселились эвакуированные, или, как нас тогда называли, беженцы. И вот мама пошла по селу тоже в поисках хаты. Наконец-то и нас приютили. Тетя Варя, у которой было четверо своих детей, пустила нас в дом. В нем была единственная большая комната, полати, русская печь и сени. Вот и все хоромы. А нас было вместе с бабушкой и мамой восемь человек. Теперь в этой хате стало четырнадцать душ. На ночь на пол стелили все, что только было в доме из верхней одежды, в ход пошли прихваченные нами шубы и отцовский тулуп. Укутывались поизносившимися одеялами, которые мать без конца латала. На полотах спали все маленькие дети, и мне была предоставлена такая честь. В этом доме всегда было тепло: тетя Варя не жалела дров. Зима 1943 года была лютой, как вспоминают наша мама и бабушка. Младшие дети не выходили на улицу, так как не было ни зимней одежды, ни обуви. Мы подолгу ждали, когда кто-нибудь из старших явится в дом, чтобы сунуть ноги в валенки, накинуть какую-нибудь одежду и выскочить хотя бы в туалет.

Хозяин дома, где мы жили, дядя Сеня, сплел для нашей семьи три пары лаптей, но они предназначались Александру, Петру и Борису. До сих пор помню, как радовались братья этим лаптям и благодарили дядю Сеню. Бывало, сидят ребята на лавке и наматывают портянки на ноги, потом надевают теплые чулки и уж тогда — лапотки. Зимняя одежка хоть и хилая, но все же была у братьев. Так что они-то в основном и оказывали помощь по хозяйству в доме, где мы квартировали. А место малышей было или у окна, или на печке.

Зимой 1943 года морозы лютовали невероятные, а голод был еще страшнее. Мать с моими братьями ходили по заснеженным пшеничным полям Селепяг, разгребали снег, находили плохо обмолоченные копны или отдельные снопы, а то и просто торчащие колосья несрезанной пшеницы и по зернышку собирали замерзшими руками в свои котомки.

Как-то брат Саша со своим другом Николаем «пронюхали», что где-то на подступах к Селепягам, километрах в двадцати, велись ожесточенные бои и на поле сражения остались лежать убитые, замороженные лошади. Целой гурьбой пацаны с котомками и топорами направились в эти места. К вечеру дома уже была конина. Подолгу мать отваривала ее в большом чугуне, потом слегка обжаривала на огне в русской печи, и мы эту конину ели с удовольствием. Трудно описать всю тягость нашего положения в этот период. Но запах конины, причем не такой уж и противный, я порою, кажется, ощущаю и сейчас...

Наша милая, добрая мама с утра до поздней ночи хлопотала и изыскивала всяческие возможности хоть как-то нас накормить. Однажды объявили, что в Селепягах местный староста раздает запасы зерна бывшего колхоза эвакуированным. Мама взяла мешок и тоже пошла. Возвращается ни с чем и вся в слезах. Оказалось, этот выродок сказал ей: «Моли бога, что тебя и все твоё отродье я не выдаю немцам, а то, как узнают, что муж красноармеец, сын летчик, да и все вы колхозные активисты, висеть вам всем на перекладине». С тем мать и вернулась.

Зимой 1943 года шли ожесточенные бои за Воронеж. В феврале он был очищен от гитлеровцев. Наступление развивалось далее по освобождению сел Воронежской области. Тяжелые бои были и при освобождении нашего когда-то красивого села Гремячье. Оно не было сожжено, как, к примеру, Хатынь в Белоруссии, по практически ни одного дома из более чем тысячи не осталось. Все дома фашисты разобрали на строительство блиндажей, дзотов, дотов, командных пунктов, складов и прочих сооружений. Наши прекрасные сады были безжалостно вырублены для строительства заграждений в этих местах. А у подножия Гремяченской горы был отрыт глубокий противотанковый ров, который и теперь еще не затянулся.

Хорошо помню день освобождения и села Селепяги, где мы квартировали. Ночью в наш дом постучали какие-то незнакомцы. Мать первая вскочила и, как она нам потом рассказывала, с каким-то радостным предчувствием побежала открывать в сенях дверь. В маскхалатах стояли разведчики. На шапках их мать заметила красные звездочки. В слезах бросилась навстречу. Затеплилась надежда на конец наших мук. Разведчики вошли в дом. Встали дед Сеня и бабушка Варя. Гости попросили рассказать, где и в каком примерно количестве немцы в Селепягах. Им подробно рассказали и о Селепягах, и о соседних селах. И тут новость от них: наше Гремячье уже освобождено! Ровно через сутки начались бои на подступах к Селепягам, а потом уже и в самом селе. Вначале немцы оказывали сопротивление, а чуть погодя обратились в бегство. До сих пор в глазах стоит фашист, — по всей вероятности, имел какое-то офицерское звание, — он отстал от обоза или еще что с ним приключилось. Короче говоря, на себе тащил награбленные вещи, был тепло одет и ко всему прочему сжимал в руках две пары добротных черных валенок. Мы стояли у своего дома. Петя показал фрицу на свои лапти и дал понять ему: мол, одни валенки отдай, зачем столько тебе? Фашист погрозил кулаком и резко свернул у нашего дома в гору, за которой, как потом оказалось, у них был сборный пункт. Буквально через несколько минут в Селепягах появились советские передовые части. У нашего дома с колодцем они решили сделать небольшую остановку. Петя, недолго думая, подошел к командиру и показал

на удиравшего фашиста и сказал, что там, за горой, и другие немцы. Командир послал за мародером двух солдат на лошадях, и его вскоре притащили. Одновременно он дал команду штурмовать гору и дальше вдоль проселочной дороги очищать село от немчуры. И вот, когда этот фриц стоял под стражей у колодца нашего дома, собравшиеся опознали в нем того, кто ровно год назад проводил казнь нашего комсомольца-подпольщика Ивана Баутина из Гремячьего. Иван Баутин учился вместе с моим старшим братом Иваном. После окончания школы он остался работать в селе. А когда докатилась война до нашей территории, ушел в подполье. Тут же, у колодца, вынесли приговор гитлеровцу. Хорошо запомнилось, что его прежде всего обыскали, из карманов извлекли несколько гранат, их разрядил командир и бросил в огород дома, где мы жили. Фашист просил не расстреливать его, пытался даже показать какую-то семейную фотографию и церковный молитвенник, все твердил на ломаном русском, что у него там, в Германии, мать, отец, жена и дети. Но он забыл, что здесь, не на своей земле, вешал и убивал мирных жителей, не спрашивая при этом, кто у них остается на белом свете.

Командир батальона толкнул его в спину, лицом в сторону горы, попросил вежливо хозяйку убрать детей в дом, снял автомат и расстрелял врага. С распростертыми руками тот плюхнулся на мерзлую землю.

Пытавшиеся бежать вместе с немцами некоторые их прихвостни, предатели Родины, были тоже схвачены и расстреляны на месте, без суда и следствия. И очень справедливо. Я и сегодня порою задумываюсь над нашей ответной жестокостью в отношении завоевателей. Обосновались на чужой земле, установили свои порядки, применяли изощренные пытки и казни к нашим советским людям. Спрашивается — за что? Ведь мы у себя дома, а они пришли покорить нас на нашей же земле. Так получите все сполна, живодеры!

При освобождении Селепяг не обошлось и без жертв среди красноармейцев. И надо же было такому случиться, что один из солдат оказался родом из этой деревни. Он быстро отыскал свой дом, бросился к родителям. Те, обезумевшие от счастья, стали готовить угощение на стол. А солдат по старой, от детства, привычке опрометью бросился за огурцами в погреб. Родители не знали, что во время отступления один из фашистов укрылся в их погребе. Когда солдат вошел в него — раздался выстрел. Он был убит наповал... Какое это было несчастье! Плакала вся деревня — и родители, и односельчане. Фашиста вытащили из погреба и тут же у дома расстреляли. Память моя не сохранила, к сожалению, ни фамилии, ни имен членов этой семьи. Но было это в Селепягах.

Дорога на родное Гремячье теперь была свободна от фашистов. Но куда ехать, если дом наш уничтожен, как и сотни других? Где жить? Мама решила поехать с Сашей на лошади посмотреть на наше пепелище. Добрались до Гремячей горы, и сердце защемило от боли: в деревне ни кошки, ни собаки, ни души. Повальное разорение — ни домов, ни сараев, ни бань, ни школы, ну ровным счетом пустое место. И жуткая картина полностью уничтоженных садов. Деревья лежали мертвые. А когда мама и Саша спустились вниз с горы, то и вовсе все у них внутри оборвалось: наш огород был изрыт траншеями, противотанковыми рвами, а сад мертв. Сколько сил, здоровья, стараний было вложено во все это! Мать разрыдалась...

До восстановления собственного дома мы остановились у наших теток. В двух маленьких комнатках разместилось три семьи общей численностью четырнадцать человек. Но зато дома, у своих. А в тесноте — не в обиде. Наши тетки, верующие женщины, создали такую теплую обстановку, что все мы говорили: мы прямо в раю. Немцев не было. Ни шума, ни крику, ни опаски, что в любую минуту схватят фашисты. Только одно беспокоило старших братьев, Александра и Петра: прямо под окнами дома были похоронены два немца. Две могилы с крестами. Тетки запрещали трогать эти могилы, считали, что выкапывать их очень грешно. Однако, улучив момент в один из дней, когда тетя Лида и тетя Маша были где-то заняты

чтением молитв по усопшим, Саша, Петр, Борис и я в течение двух-трех часов разрыли эти могилы. К счастью, они были совсем не глубокие. Мы вытянули завернутые в плащ-палатки трупы, положили их на санки и повезли на окраину села, где валялись сотни других мертвых гитлеровцев. Мигом сбросили фрицев, вернулись домой, закопали, подправили могилки, даже кресты поставили. Лишь по весне тетки заметили нашу работу, не ругались, сказали только, что это грешно. Сашок не растерялся: «Ну и что? Взяли на душу свою этот грех. У них-то, у этих захватчиков, греха на миллион таких, как мы, хватит...»

Наступал апрель 1943 года. Жители Гремячьего возвращались в свои родные места всеми семьями. На своих подворьях они забивали длинные колья и, донским хворостом переплетая их с двух сторон, на скорую руку сооружали нехитрые сараи, обмазывали их глиной.

Таковы были временные жилища. Все опять начиналось с нуля.

Как-то на рассвете открылась дверь нашего маленького дома, и на пороге появился отец на двух костылях, в шинели, а за плечами небольшой солдатский вещмешок. Все бросились к нему на шею. Плакали. Долго не могли угомониться. Помогли раздеться, усадили на табуретку. Из наград у него были орден Красной Звезды, две медали «За боевые заслуги» и какие-то еще две, теперь уж не помню. Отца, считали все взрослые, было не узнать. Ему шел сорок шестой год, а выглядел он на все шестьдесят. Волосы совершенно седые, лицо осунувшееся, правая нога полусогнутая. Он понуро сидел на табуретке, все понимал, хотя ему никто не говорил, что с ним сотворила война. Потом промолвил: «Ну ничего, дети, не такое переживали. Теперь мы почти все в сборе, вот только где наш Ванюшка, жив ли он?» Вестей от Вани никаких не было, да и как их можно было получить, если Воронежская область была оккупирована немцами?

Отец долго был весь какой-то в себе, потом спросил: «А где же наша бабушка?» Мама стала по порядку рассказывать, как бабушка ругалась с немцами, особенно когда они в доме, во всех сараях, чулане, сундуках искали партизан. Остановив наше щебетание, она тихо сказала отцу, что бабушка осталась до наступления тепла в Селепягах, так как прихворнула, — не рискнули ее везти по морозу. Теперь, пожалуй, и можно ехать за ней. Отец сказал, что на днях поедет за ней с Саней.

Вскоре за длинный стол села завтракать, так сказать, первая очередь от целых трех семей. Только на этот раз был нарушен установившийся порядок: вначале кормили детей. Но все равно детвора и не в свою очередь облепила стол. Я забрался отцу на колени. За завтраком он очень скупо рассказывал про себя, где воевал и что с ним приключилось.

Рядовым солдатом сражался он, как и в гражданскую войну, за свой родной город Воронеж. В районе Подгорного шли ожесточенные бои. Полегло нашего брата немало. Атака за атакой захлебывались, особенно когда шли в лобовую. Понапрасну полегло тоже немало... Отец был связным у комбата. Должность, как выразился, собачья: все время на побегушках. Нужно стремглав мчать от роты к роте, то по траншее, то по открытой, простреливаемой фашистами местности, доводя соответствующие распоряжения командования до рот. Однажды во время таких перебежек его засек фашистский снайпер. Отец нырнул в какую-то воронку переждать. Несколько минут посидел, потом снял каску, надел ее на малую пехотную лопату и поднял — каска была мгновенно пробита насквозь. Через несколько минут он повторил эксперимент, подержал более минуты — и никаких выстрелов. Значит, фашист поставил на нем крест. Отцу нужно было во что бы то ни стало добраться до последней роты и передать приказ о подготовке к очередной атаке в назначенный час. Выбрался из воронки и помчался по открытой местности, но, не добегая метров трехсот до позиции третьей роты, вдруг, совершенно не ощущая никакой боли, кубарем покатился по земле. Подумал, что подвернул ногу. А когда посмотрел, увидел — через черные обмотки хлещет кровь, правая нога повисла как плеть. Через некоторое время его заметили, подползли два санитары, оттащили в траншею. Отец вручил пакет с распоряжением комбата, и тут сестричка, ловко размотав обмотку, на скорую руку обработала рану. Рана

оказалась серьезная: была перебита кость. Уложили отца на носилки и отнесли на машину для вывоза в медсанбат, который находился в Жировом лесу. В медсанбате военный хирург хотел ампутировать ногу, но отец не дал. Через двое суток всех тяжелораненых положили в грузовые машины и повезли в Мичуринск. Пока везли, дважды попадали под обстрел фашистской авиации. Из всей колонны в Мичуринск добралась только половина машин. В Мичуринске всем еще раз обработали раны, а отцу вновь предложили отнять ногу выше колена. Отец опять наотрез отказался. Тогда его тут же уложили на операционный стол и в течение нескольких часов извлекали все кусочки раздробленной кости ноги. Боли дикие, говорил отец, чуть богу душу не отдал. Его хотели было два солдата-санитара держать, но он попросил оставить его. После операции хирург похвалил отца, сказал: «Ну, казак, пожалуй, ногу мы тебе оставим». И действительно, хоть ходил отец потом на костылях, но нога была своя, как он говорил, совсем живая.

Наступали самые голодные дни 1943 года. Спасала мерзлая картошка с нашего огорода, которую мы сажали еще до прихода немцев, а потом так и не вырыли. Так вот эту мерзлую картошку размораживали, клали под пресс, а мать ухитрялась ее как-то жарить, и это блюдо мы называли «скоконцы», что означало быстрое их соскакивание с раскаленной сковороды. Они никогда не пригорали. Кроме того, из этой мерзлой картошки получали крахмал. Подспорьем был и небольшой паек отца — инвалида войны. Когда наступила настоящая весна, начали вскапывать огород, а сажать-то почти нечего. А мать умудрилась как-то сберечь несколько ведер картошки для посадки. Потом ходили еще по окрестным селам, где не было эвакуации, и буквально выпрашивали хоть немного клубней. Лучше всего это получалось у Бори. Он заходил в дома и кратко рассказывал, что у нас в Гремячем ни кола ни двора, что семья восемь человек и что теперь мы вернулись на пепелище, но даже картошки нет посадить огород и нам попросту грозит всем голодная смерть. Люди откликались на эту беду, и Борис часто кроме картошки приносил куски хлеба. Выкладывал все па стол и говорил маме: «Ну, мать, дела-а, я удержался и в рот крохи не взял». Эти врезавшиеся в память слова вызвали у меня горючие слезы много лет спустя, когда я стоял у его гроба после его трагической смерти на сорок седьмом году жизни.

Так вот, после таких очень удачных походов Бориса в семье прозвали «нижедвор», а когда уже в хорошие, сытные, времена он кого-либо донимал, называли его более оскорбительно — побирушка. Он затихал, садился на бревно и плакал, причитая: «Ведь я вас всех, дармоедов, кормил». И как он был прав, наш братишка!..

Как только были окончены весенние посадочные работы, отец и братья решили соорудить временку, или, как ее тогда еще называли, мазанку. Под руководством отца мои старшие братья начали строить такую мазанку из хвороста. Это было наше первое жилище, куда мы перебрались от маминых сестер: все же ходить с горы на усадьбу было далеко. А позже, этим же летом, из срезанных немцами фруктовых деревьев построили себе к осени дом. Радость была невероятная. Мы снова имели собственную крышу над головой, да к тому же дом-пятистенок, состоящий из двух комнат и русской печки! Дом был крыт соломой.

За лето в Гремячем почти на всех усадьбах появились мазанки или вот такие же домики, крытые соломой. Возрождение села началось. Добротные же дома стали появляться только спустя десять — пятнадцать лет. А все наши домики тоже назывались временками, так как из фруктовых деревьев строения долго не выдерживали, гнили.

Этим же летом начал возрождаться и наш колхоз «Ленинский путь». У кого были лошади — отдавали в колхоз. Несмотря на то, что отец ходил на костылях и лошадь была крайне нужна семье, он настоял на том, чтобы Саша свел в общий табун любимого Орлика, к которому мы привязались всею душой. Вскоре образовалось правление, в состав которого был избран отец. С первых дней пришлось Гремяченскому сельскому Совету столкнуться с необычными труд-

ностями. Нужно было учесть все оставшееся население, помочь ему продовольствием и одеждой, соорудить временные жилища, возобновить работу школ, лечебных заведений, создать парторганизацию и мобилизовать колхозников, в основном женщин, стариков и инвалидов войны, на возрождение колхоза, направить все силы на уборку огромного количества трупов, которыми были усеяны поля, овраги, огороды, луга.

Не только в нашем Гремяченском районе, но и во всех разрушенных городах и населенных пунктах страны начались тяжелейшие, кропотливые восстановительные работы.

Страшному разрушению подвергся и родной город Воронеж. Он лежал после изгнания фашистов в руинах.

Веками строился наш город, с именем которого связана история Российского государства, особенно в период великих преобразований Петра Великого. На протяжении целых четырех веков Воронеж решал общегосударственные созидательные и военно-стратегические задачи. Возник он как город-крепость для защиты южных границ Руси, а при Петре I стал колыбелью русского флота. Официально история Воронежа отражена в документах с XVI века. Но есть свидетельства недр земли, камня и человеческого слова о более глубоком его прошлом. Так, в черте нынешнего города и его ближайших окрестностях открыли остатки древнеславянских поселений. Установлено, что славяне жили здесь еще десять веков назад. О еще более седой старине говорят раскопки одной из первых стоянок первобытного человека в селе Костенки, что совсем рядом с нашим Гремячим. Люди в основном селились по правому, высокому, берегу реки Воронеж. В дремучих лесах водились медведь, кабан, лось, волк, а в реках Воронеж, Усманка, Ворона жили в большом количестве, да и теперь водятся бобры.

Смотришь сейчас на эти места, и сердце обливается кровью от нерачительного нашего отношения к природе. Под Воронежем ныне построили химический завод, чуть дальше завершается строительство тепловой атомной станции. И возникает вопрос: что ж ты, человек, творение природы, такие безумные создаешь проекты, отравляешь сам себе жизнь? А всем этим заправляют руководители самых высоких рангов.

Петр I много раз приезжал в Воронеж и подолгу жил в городе. Он очень интересовался богатствами края и его достопримечательностями. Лично обследовал район Липецка, Борисоглебска, раскопки Костенок. Его интересовала железная руда и минеральные воды, редкие звери и птицы, вековые деревья и доисторические животные.

Несмотря на вырубку ценного леса для строительства судов, Петр I заботился о сбережении наиболее важных массивов: он объявил заповедными местами Шиловский лес (в котором сегодня ведется строительство тепловой атомной станции), Хреновский бор и Телермановскую рощу. И никаких там не было норм проектирования, мероприятий по гражданской обороне, проектных институтов, разных обществ в защиту природы, а был один только светлый государственный ум Петра Великого. Ведь он и жить-то не собирался в этом Воронеже, а повелел-таки сохранять природу в ее первозданном виде для всей державы. А что творим мы теперь? Как бережем природу? Ни уроки аварий и катастроф в стране, ни примеры рачительности царя Петра Великого не меняют отношения к природе наших ответственных должностных лиц.

Не забыть мне в связи с этим борьбу за запрещение строительства тепловой атомной электростанции в заповедном Шиловском лесу. Как только началось строительство тепловой АЭС и стали губить лес почти что рядом с Воронежем, вопреки существующим нормам проектирования, вопреки инженерно-техническим мероприятиям гражданской обороны, — меня с комиссией командировал в Воронеж начальник Гражданской обороны СССР генерал армии Алтунин А. Т., чтобы на месте разобраться и подготовить докладную записку в Совет Министров СССР по данному вопросу. Мы действительно тогда много потрудились, вложили все свои знания при рассмотрении вопроса об опасности тепловой АЭС для населения города и

окружающей среды, а также о сохранении заповедного Шиловского леса. Подготовили выводы и предложения о запрещении строительства этого объекта и доложили Алтунину. Александр Терентьевич много усилий отдал тогда борьбе за запрещение этого строительства рядом с Воронежем. Он, душевный, добрый от природы человек, высокообразованный генерал, глубоко любил и понимал природу, умел ценить ее и в соответствии со своими служебными обязанностями вел непримиримую борьбу за соблюдение норм строительства и как начальник Гражданской обороны страны, и как член ЦК КПСС, и как депутат Верховного Совета СССР. Но и он в этой борьбе не смог пробить глухую стену непонимания со стороны заскорузлой и застойной бюрократии, преодолеть ведомственность министерств и пренебрежительное отношение государственных деятелей к природе и безопасности жителей Воронежа.

После неудачных сражений во многих инстанциях Александр Терентьевич вызвал меня и сказал: «Ну, земляк, не смог я выиграть эту битву, уж слишком велика сила у людей, которые живут только одним днем. На войне было легче». На том все и кончилось. Теперь тепловая АЭС угрожает не только Шиловскому лесу, но и здоровью жителей города Воронежа и окрестных сел...

Наверное, многим неизвестно, что Петр I ставил опыты по акклиматизации в Воронеже «заморских» фруктовых деревьев и винограда. Так, на дальней Чижовке, где был построен загородный дом царя и разбит сад, Петр насадил «венгерских лоз винограда». Ф. Апраксин по указанию Петра раздавал крестьянам семена аниса. В дальнейшем Воронежская губерния выращивала анис не только для продажи внутри страны, но и для заграничного рынка. А теперь даже в Воронежской области мои земляки не знают про эти опыты.

Неподалеку от города Павловска, за рекою Осередь, был устроен государев зверинец, где содержались различные звери. А в 1716 году Петр приказал воронежскому губернатору наловить разных редких птиц и поймать пять или шесть диких быков для петербургского зверинца. Занимался Петр и улучшением дорог. В 1701 году по его указу была исправлена почтовая дорога Воронеж — Елец — Москва (теперь Задонское шоссе). По обочинам ее посадили деревья и установили верстовые столбы. И когда теперь мчатся автолюбители на юг между лесами, поди и не знают люди, чьих это рук творение.

Охватывая мысленным взором ту эпоху, Виссарион Григорьевич Белинский писал: «Из ничтожного духом народа и не мог бы выйти такой исполин, как Петр, только в таком народе мог явиться такой царь, и только такой царь мог преобразовать такой народ».

В царствование Екатерины II город Воронеж кормил хлебом и самые северные области, и весь Юг. Ежегодно с воронежских пристаней отправляли 150 тысяч четвертей хлеба, 150 тысяч пудов сала, 100 тысяч пудов шерсти.

Императрица Екатерина II стремилась всемерно усилить Русское государство, возвысить его в глазах Европы. Она претендовала на роль продолжателя дел Петра Великого, лелея надежду прослыть радетельницей просвещения и прогресса. К своей цели Екатерина шла путем реформ. В 1775 году по ее указу в стране проводилось новое административно-территориальное деление. Россия была разделена на 41 губернию, губернии объединялись по две-три в наместничества. Наместники назначались из видных сановников и пользовались правом надзора над всем нижестоящим аппаратом управления и даже над судом. В их распоряжении находились и войска. Наместники несли ответственность перед самой царицей. Воронежское наместничество было создано в 1779 году и соответствовало территории губернии. Главное, что заботило всех воронежских наместников, — несколько облагородить вид города: Воронеж жестоко пострадал от пожара, случившегося 10 августа 1773 года. Сгорело 249 домов, 158 торговых лавок, 12 казенных соляных амбаров и городской магистрат. План перестройки города был разработан под руководством русского зодчего И. Старова. Этот план 11 марта 1774 года лично утвердила Екатерина II, и он был полностью осуществлен. В городе

впервые появились аптека, больница и почта. Особой «жалованной грамотой» Екатерина II предписала городам «учредить и иметь школы». Специальная комиссия начала открывать их в двадцати пяти губерниях, в том числе и в Воронежском наместничестве. Часть средств давала казна.

За годы Советской власти наш город еще больше преобразился, вырос в крупный промышленный центр. Здесь производят самолеты, экскаваторы, прессы и многое другое. В период Великой Отечественной войны город несколько раз переходил из рук в руки, а потом лежал весь в руинах.

Перед своим отступлением из Воронежа немцы разрушили заводские корпуса, взорвали лучшие общественные здания: государственный университет, вокзал, здание обкома и облисполкома, Дворец пионеров. Разрушены были Митрофаниевский монастырь и его колокольня, искалечено прекрасное здание филармонии (бывшее дворянское собрание), разбита колоннада старинного дома Тулинова. Но, кроме того, Воронеж буквально лежал на минном поле. За четыре месяца саперы обнаружили на его улицах 58 тысяч противопехотных и противотанковых мин. 10 тысяч мин они подорвали на месте, остальные обезвредили и отправили на фронт.

Комиссия государственного контроля, работавшая по выяснению ущерба, нанесенного Воронежу фашистами, установила, что в городе сожжено 18 тысяч домов — 92 процента его жилого фонда. Только материальный ущерб оценен в 5 миллиардов рублей.

Через 25 дней после освобождения Воронежа областная газета «Коммуна» отмечала: «Все больше и больше оживает город, наши села. Начали функционировать бытовые и культурные учреждения. В магазинах налажена выдача хлеба, швейная артель имени 20-летия Октября бесперебойно возобновила прием заказов».

В невероятных условиях лишений и огромных трудностей постепенно возрождалась жизнь и в истерзанном родном Гремяченском районе и его центре — селе Гремячье. Жители сооружали мазанки или домики, о которых я уже упоминал. На каждую мазанку шла в ход глина, которую замешивали вместе с соломой и месили босыми ногами. Но эту глину нужно было выкопать на берегу Дона и вручную, на тачках, привезти домой. Это — сотни поездок. И вот дети, старики, женщины, словно муравьи, день и ночь с тачками курсировали от Дона до села. Зачастую семьи объединялись дворами. Соорудят такую мазанку одним — переходят к другим. А месить и «мазать» это плетеное сооружение довольно трудно, да еще обессиленному от недоедания человеку. Бывали случаи трагические даже в этот мирный период. Дело в том, что хорошую глину приходилось искать очень глубоко — образовывалась штольня, из которой ведрами выносили ее. И вот однажды штольня обвалилась, придавило женщину. Когда ее откопали, она уже была мертва. Муж ее погиб на фронте, и четверо детей остались круглыми сиротами. Позже они были устроены в детский дом.

В первые же дни и недели с небывалой силой и яркостью раскрылись такие замечательные качества советских людей, как любовь к Отчизне, своему родному селу или городу, трудовая доблесть, готовность преодолеть любые трудности и отдать все силы общенародному делу.

Как только на крестьянских усадьбах появились эти самые мазанки, сразу же все ринулись на строительство колхозных сооружений. Строились правление колхоза, овчарни, конюшни и прочее, и все тем же самым допотопным способом. Всех мастеровых собрали для делания телег, шитья сбруй для лошадей, восстановления семилетней и средней школ, магазинов, госбанка, зданий райкома и райисполкома, больницы и прочего.

Восстановление жизнедеятельности в городах и селах — это не только трудовой подвиг, тяжелые испытания и лишения, это и проявление прекрасной дружбы советских людей, которые оказывали всегда всяческую помощь друг другу. У кого сохранились, например,

коровы, те все молоко делили поровну с соседями.

История не знала еще такого сплочения, всенародного единства, такого великого и всеобщего патриотического движения, какое явили миру народы нашей страны в дни Великой Отечественной войны. Где же тот индивидуализм, нежелание крестьянина трудиться «на общество», о котором твердили досужие публицисты?!

Весьма заметным событием в нашей стране в период восстановления городов и сельских районов было развертывание мощного патриотического движения среди трудящихся по сбору оборудования, строительных материалов, денежных средств. Рабочие предприятий становились на трудовые вахты для производства и передачи сверхплановой продукции освобожденным районам, колхозники засевали сверх плана сотни гектаров, урожай с которых отправлялся туда же. Со всех концов страны в восстанавливаемые города и населенные пункты потянулись эшелоны с топливом, строительными материалами, машинами, медикаментами, продовольствием и хозяйственными изделиями.

* * *

Примерно подобная картина была и в период ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС. Со всей страны везли лучший металл, оборудование, технику, транспортные средства, продукты питания, приезжали добровольцами специалисты атомных станций, такие, как Акимовы, отец и сын, Юра Самойленко, Саша Юрченко, Геннадий Дмитров, офицеры Сотников А. П., Саушкин А. Д., покойный ныне подполковник Кучеренко А. В.

С Анатолием Васильевичем Кучеренко мне приходилось работать и в Москве, и на Чернобыле. Исключительно толковый военный инженер, он окончил Военно-инженерную академию имени В. В. Куйбышева, до «операции» на крыше третьего энергоблока ЧАЭС работал много в группе подполковника Сотникова А. П. Мы с ним и капитаном Тодосейчуком вместе с профессором Огородниковым проводили сложные эксперименты по проверке качества и надежности системы фильтровентиляции, обследовали сотни домов в городе Припять. Получили хорошие результаты. Тут же, в полевых условиях, разработали несколько полезных изобретений. Кучеренко остался в моей памяти как исполнительный, выдержанный и эрудированный офицер. У него была уже готова кандидатская диссертация к защите, но, увы, защита не состоялась. Он умер совершенно неожиданно: остановилось сердце.

Я часто брал этого молчаливого и трудолюбивого офицера в состав своей рабочей группы. Обычно группа подолгу обследовала город, жилища, состояние загрязненности домашних вещей, уровни радиации в каждой квартире. И часто результаты нас расстраивали. Особенно все мы переживали за судьбу молодого цветущего города Припять, Чернобыля и тех населенных пунктов, которые без боя и всякого сопротивления были сданы невидимому врагу — радиации...

Не могу забыть особенно Брагинский район. Вроде бы и от Чернобыля далековато, а ведь как этот невидимый враг поразил ряд его поселков!

По моей просьбе вертолет Ми-8 аккуратно сел у поселка Солнечный. Вдоль дороги стояли прекрасные дома, школа, магазин, Дворец культуры. Невдалеке виднелся животноводческий комплекс. И ни одной человеческой души, как и в Припяти, редко только встретишь милиционера да химика-разведчика с прибором ДП-5. Затрудняюсь сказать, когда сюда вернется человек. Тут высеялся и стронций, и цезий, период полураспада которых до тридцати лет. А восстанавливать населенные пункты и города надо. Наука должна не топтаться на месте, а искать, как сократить этот срок восстановления.

А вот поселок Гдень, где мы частенько задерживались всей группой. Гдень не так уж и далеко от Чернобыльской АЭС, но ему досталось меньше. После длительной дезактивации

местности, жилых домов, школ, учреждений население вернулось в свои родные дома, которых насчитывалось около 250. Сам поселок преобразился: проложена асфальтированная дорога, построен водопровод, фельдшерско-акушерский пункт, Дом механизатора. Кроме того, в этом поселке отремонтированы все школы, Дом культуры. Заменены шиферные крыши домов, дезактивированы колодцы, школьные дворы и личные усадьбы. Но тут уж энтузиастами дела стали сами вернувшиеся жители. Они работали вместе с солдатами.

Я очень обрадовался, когда прочел в газете «Правда» от 22 апреля 1988 года информацию по Брагинскому району, поселку Гдень и другим знакомым местам. Они стали, поверьте, какими-то родными, будто ты принимал участие в их освобождении, а мы всего-навсего их только обследовали, облетали и исходили. И особенно приятно было читать, что уже в Гдене сыграно две свадьбы. Обстановка явно стабилизировалась.

Период ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, в населенных пунктах, городах, в колхозах и совхозах напоминал период восстановления народного хозяйства в военные и особенно в послевоенные годы. Теперь можно без преувеличения сказать, что забота о быстрейшей ликвидации последствий аварии была на первом месте в ЦК КПСС и Совете Министров СССР, в ЦК Компартий и Советах Министров Украины, Белоруссии и Российской Федерации. В те тревожные дни 1986 года все жили одной болью с населением пострадавших районов. Практически два года с напряжением сил работали воины Советской Армии и рабочие, гражданские специалисты и руководители разных рангов. А ведь сколько было и еще пока сохраняется болезненных вопросов! Но самые главные проблемы разрешены: в сжатые сроки возведено и принято в эксплуатацию уникальное защитное укрытие для поврежденного реактора, создана и постоянно функционирует система контроля за состоянием этого реактора и надежностью работы укрытия, введены в эксплуатацию три оставшихся энергоблока АЭС.

Большое внимание было уделено размещению и трудоустройству эвакуированного населения. Как уже не раз сообщалось, вследствие аварии только на Украине была произведена эвакуация из 75 населенных пунктов Киевской и Житомирской областей с численностью населения около 110 тысяч человек.

За эти два года построен 101 населенный пункт с 10 953 домами усадебного типа с надворными постройками. Многие из них мы посетили с бывшим Предсовмином Украины Ляшко А. П. Об этом я вкратце уже рассказывал. Вновь построены и введены в эксплуатацию медицинские учреждения, предприятия торговли и быта, общественного питания, школы, дошкольные учреждения, узлы связи, здания сельских Советов и другие объекты.

В ряде населенных пунктов Киевской, Житомирской и Черниговской областей, которые прилегают к зоне Чернобыльской АЭС, проведены большие строительные работы. Там осуществлялась газификация домов, заменялись крыши, строились водопроводы и сооружались объекты соцкультбыта. Все находящиеся на Украине эвакуированные семьи были обеспечены благоустроенными квартирами или отдельными домами. Для работников Чернобыльской АЭС и строителей в Киеве было выделено 7500 квартир и более тысячи мест в общежитиях, в Чернигове — 500 квартир.

Эвакуированному населению выплачены все виды компенсаций и соответствующие пособия. Сразу же после аварии совместно с воинами Советской Армии специалистами была создана система тщательного контроля радиоактивности среды в днепровских водопроводах, а также на всех реках, в водоемах, в подземных водоисточниках и колодцах в 30-километровой зоне и прилегающих к ней районах. В республике была создана радиологическая служба, оснащенная современным оборудованием и транспортом.

Неимоверные усилия солдат, сержантов и офицеров Советской Армии, гражданских специалистов позволили выполнить огромный объем дезактивационных работ. Уровни ра-

диахии на территории АЭС и в ее помещениях снижены до значений, обеспечивающих полную безопасность работы обслуживающего персонала.

На границе 30-километровой зоны построены комплексные пункты перевалки грузов, дезактивации техники и санитарной обработки людей. Созданы и функционируют пункты контроля и дезактивации транспортных средств на автомобильных дорогах и в других местах. Развернуты также санитарно-обмывочные пункты, станции обеззараживания, где подвергается специальной обработке различная одежда.

На всей территории 30-километровой зоны и прилегающих к ней районов систематически осуществляются радиационный контроль и разведка силами формирований гражданской обороны и другими службами.

Радиометрический контроль был введен и на всех рынках населенных пунктов областей, подвергшихся радиоактивному загрязнению. Этим делом занято много лабораторий, отделов и постов.

Такое положение создалось на территории ряда населенных пунктов Могилевской и Гомельской областей Белорусской ССР, где нам пришлось длительное время заниматься и обследованием, и дезактивационными работами. Из этих областей покинуло насиженные места тоже немало — 24 тысячи 700 человек из 107 населенных пунктов. Для них построено 9 тысяч 700 домов усадебного типа. Неоднократно проводилась воинами армии дезактивация 412 деревень, построено 400 объектов социально-бытового и культурного назначения, сооружены сотни километров дорог с твердым покрытием, вновь пущен водопровод, канализация, пробурена масса скважин. На сотнях тысяч гектаров выполнены углубленная вспашка, известкование, внесение минеральных удобрений, залужение и перезалужение земель. Все эти мероприятия в значительной степени снизили уровни радиации — невидимый враг стал слабее.

Как и в период послевоенного восстановления разрушенных сел и городов, встала острейшая проблема обеспечения населения продуктами питания, только теперь эта проблема оказалась еще острей, потому что нужны были «чистые продукты», защита человека от внутреннего облучения. Только в Белоруссии и на Украине была изыскана возможность дополнительного выделения и поставок сотен тысяч тонн мясных и молочных продуктов, крупы и макаронных изделий, а также многих промтоваров. Во всех школах зоны было организовано трех- или четырехразовое бесплатное питание. Партийные и советские органы стали более взыскательно спрашивать с представителей науки, органов здравоохранения. Пошли, в частности, на создание научных и медицинских подразделений. Сформировали специальные банки медико-биологических данных на сотни тысяч человек. В пострадавших областях республики разработали изотопные карты. Хорошо были изучены лучевые нагрузки на население и рассчитан прогноз его здоровья.

Повсеместно во всех селах и городах, где осталось проживать население, шел нелегкий процесс восстановления нормальной жизни и деятельности населения. В этом огромная заслуга нашей партии и правительства, партийных и советских органов на местах, воинов Советской Армии и гражданских специалистов. В этой тяжелой повседневной работе люди, как и в годы восстановления в послевоенный период, незаметно совершали свой трудовой подвиг.

* * *

Лето 1943 года выдалось засушливым. Дождей было совсем мало, и урожай ожидали плохой. Но надо было выжить. В селе разразился страшный голод. Некоторые люди опухли от голода, непомерно употребляли воду и умирали. Трудно поверить, но это факт: первый председатель колхоза «Ленинский путь» Четкин И. П., исключительно честный и скромный

коммунист-фронтовик, в середине лета 1943 года тоже умер от голода.

Мы питались всем, что только попадалось под руку. Собирали лебеду, сушили ее и толкли в ступе, получая муку, которая была съедобна, но запах от нее крепче, чем от табака. В Жировом лесу собирали желуди, которые также сушили, толкли и добавляли в хлеб. Очистки от картошки мать высушивала на противнях в русской печи, и они тоже толклись в ступе, чтобы получить «муку» и добавить в хлеб, если его еще можно было так назвать. Муки почти не было, ее заменил жмых. Этого жмыха тоже было мало, его выдавали по спискам вместо муки и также толкли в деревянной ступе. Кроме того, в замес суррогатного теста мать отмеряла ведро картошки, протертой на специальных металлических терках, пробитых гвоздями. Небольшое количество зерна молотось на так называемых домашних мельницах. Они представляли собой доску, в которую врезался вертикальный деревянный столбик, обитый железом с отверстиями рваными краями наружу. На столбик надевался металлический цилиндр с отверстиями внутрь. К этому устройству приделывалась сверху по центру ручка для вращения. И вот на такой миниатюрной и примитивной мельнице намалывалось немного муки, которую добавляли «для запаха» в замес теста.

В пищу шли донские ракушки, которые мы или отлавливали черпаками прямо с лодки, или чаще, ныряя, доставали руками со дна Дона. За день обычно ловили по пять — семь ведер ракушек, которые мама отваривала в большом чугуне в русской печи. После варки ракушки раскрывались, и из них мы извлекали содержимое. Мама его поджаривала на сковородке, и мы ели с аппетитом.

Летом 1943 года все школьники готовились к учебному году, первому после оккупации, во временно приспособленных школах. В начальных классах обучение планировалось в частных домах. В старших классах, с пятого по седьмой, — в отремонтированной семилетней школе, с восьмого по десятый — в отремонтированной кирпичной школе. В первый класс родители записывали своих детей у учительницы младших классов. Меня записал мой брат Петр. Учительницей начального класса была Черных Анастасия Тихоновна. Школа располагалась у деда Сени, у которого была просторная горница и кухня. В горнице стояли столы, а не парты. Никаких учебников для занятий в первом классе не было. Грамоте учились только со слов Анастасии Тихоновны, которая великолепно владела методикой обучения. Тетради для письменных работ у нас были самодельные. Родители где-то покупали бумажные мешки, которые мы аккуратно разрезали на листы, примерно по размеру тетради, и сшивали их нитками. Потом линовали и проводили косые линии. Это были тетради по чистописанию. Но как же мы старались учиться, впитывали как губки все, что Анастасия Тихоновна нам преподавала!

В школу ходили натошак. С собой мать давала кусочек жмыха. Бывало, положишь этот кусочек в рот и сосешь, словно леденец. А как мы одевались, жутко вспомнить. Брюки у меня и моих старших братьев были сшиты из военной плащ-палатки и вечно шуршали, когда идешь. Обувь — резиновые галоши, склеенные из автомобильной камеры. Носили мы их и весной, и летом, и до самой глубокой осени.

После первого класса мы могли свободно читать, писать, считать. Сразу же после окончания первого учебного года мы, мальчишки, все лето пасли своих коров. Местом для выпаса были тогда привольные донские степи за горой. Пока пасли, часто ходили по складам с немецкими боеприпасами, овладели техникой разборки снарядов и извлечения пороха из них. Порох ссыпали в кучу и поджигали, а мешочки собирали и приносили домой своим мамам для хозяйственных нужд. Мама как-то умудрилась из этих шелковых кусочков шить наволочки, простыни и даже рубашки нам. Но все ее изделия состояли из отдельных клочков диаметром 15— 20 сантиметров. Трудность шитья заключалась в том, что все эти «трофеи» были круглые по форме и не так-то просто было их подогнать один к другому.

Когда мы разряжали снаряды, бывали и трагические случаи. Как-то в большой

Андреевской ерушке, где жители брали мел на побелку домов, уселись одиннадцать ребятишек в возрасте от одиннадцати лет и старше вокруг большого снаряда со стабилизатором от немецкой реактивной установки «Ванюша». Я подошел к ним и увидел, что они неправильно разбирают снаряд. Они поочередно колотили его молотками. Я был хоть и меньше по возрасту, но сказал им, что не так надо его разбирать. Меня эта компания попросту прогнала. Вмешалась моя старшая сестра Мария. Ее тоже не послушали. И вот только мы выбежали из этой ерушки, как раздался оглушительный взрыв, поднялся столб дыма. Все одиннадцать мальчиков погибли.

Однажды мы и сами отчубучили. Набрали большое количество запалов, пороха и детонирующего шнура. Этого добра было в немецких блиндажах полным-полно. Так вот часть этих боеприпасов мы заложили в дупло старой груши: решили проверить, как таким зарядом можно снести дерево. Когда заряд рванул, то дерево, конечно, срезало, подняло вверх, а потом уж рядышком опустило на землю. Осколками от взрыва нас прилично посекло. Вначале мы решили снять рубахи и обмыться от крови в ручье. Но кровь не останавливалась, и пришлось идти домой и сознаться в содеянном. Помощь нам была оказана, все были выкрашены йодом и нагоняй получили солидный.

Вот и такие беды навлекали на себя и на других мальчиков в годы войны. По своей ребячьей самоуверенности, глупости, незнанию.

Совсем другое дело — взрыв в Чернобыле, эта общенародная беда, с последствиями которой мы имели дело теперь, в частности, в городе Припять.

* * *

Около двух часов мы ездили по этому городу. Дозиметристы добросовестно вели замеры назначенных мною объектов, зданий, сооружений, школ, жилых домов, учреждений, подвалов и прочего. Результаты свидетельствовали о том, что внутри всех сооружений уровни радиации были во много раз ниже, чем снаружи. Это лишний раз подтверждало, что руководство партийных и советских органов, которое не решалось сразу после аварии ввести соответствующий режим поведения населения до начала эвакуации, допустило серьезные просчеты. Вполне очевидно, что жителям нужно было сидеть дома, загерметизировав соответственно оконные и дверные проемы.

Чуть позже мы поехали к работникам милиции, которые контролировали работу охранной сигнализации ряда оставшихся важных объектов и учреждений Припяти. В помещениях, где разместились эти славные хлопцы, дозиметристы провели замеры. Они были удручающими в тех комнатах, которые окнами выходили на АЭС. Я тут же приказал немедленно перейти в подвальные сооружения, где уровни радиации были безопасные. Полковнику Дьяченко и подполковнику Кучеренко сказал, что нужно установить контроль за уровнем радиации в местах, где несут службу милиционеры. Почему получилось так, что после эвакуации населения никому не было дано указаний установить контроль за облучением тех, кого здесь оставили на службе, в том числе от МВД УССР?

Со следующего дня был установлен жесткий контроль по многим точкам в городе Припять. У личного состава вневедомственной охраны появились свои ДП-5В.

Из Припяти после выполнения неотложных дел мы всей группой выехали в пострадавший от радиации лес. До аварии на блоке это был чудесный зеленый сосновый бор, который простирался почти от самой ЧАЭС в направлении города Припять и далее. В результате мощного воздействия радиоактивного облучения лес погиб и стал рыжим. Картина была мрачная.

Мы остановились в лесу и вышли из машины. Я говорю подполковнику Клименко Ю. Н.

(кстати, это тоже был мой ученик, выпускник Московского высшего военного училища дорожных и инженерных войск): «А ну, Юра, бери прибор и замеряй уровни радиации». Уровни были высокие. Несколько минут мы постояли, посмотрели на этот удручающий вид. Я говорю Дьяченко: «Вот так-то, наука, лес теперь не возродить, а вот как его ликвидировать — давай готовь предложения». Лес стоял таким уже не один месяц, и по его поводу вместо деловых предложений поступали только одни соболезнования. Позже решили лес уничтожить. И каких только рекомендаций не предлагалось наукой на этот счет! Сделано было все гораздо проще: солдаты срезали его, изрубили и «захоронили». Вот и вся наука.

Из рыжего леса в тот раз мы поехали на АЭС со стороны развернутого зева четвертого энергоблока. Только что начался монтаж металлических сварных конструкций самого каркаса «саркофага». Тут же, метрах в ста, только с северной стороны, работала группа солдат на восстановлении подъездной железной дороги. Работали они по расчетному времени, но настолько торопливо и непроизводительно, что пришлось подъехать к ним и несколько минут поговорить. Более того, мы показали замеренные только что уровни радиации. Оказалось все очень просто: они были в состоянии стресса от незнания уровней радиации, да еще вдобавок и командир их был призван только что из народного хозяйства и тоже чувствовал себя не лучшим образом, как-то неуверенно. Когда солдаты увидели нас, то сразу приободрились, работать стали более энергично и без особой опаски.

За три месяца участия в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС я много раз убеждался, как важно, чтобы рядом с солдатом был настоящий командир.

Мы пришли к выводу, что на все виды работ нужны практические рекомендации, тогда солдаты паниковать не будут. А вот с командирами нужно отдельно поработать. Позже на все виды работ на АЭС своевременно разрабатывались конкретные инструкции, рекомендации, памятки. Их потом накопилась тьма. Все это способствовало наилучшей организации тяжелых и порою опасных работ, существенно повышало производительность труда и уверенность солдат в безопасности обстановки на период выполнения задания. Повсеместно устанавливался жесткий контроль за временем работы и получаемой дозой.

Перед самым назначением Дьяченко на АЭС я спрашивал его: «Ну как, Анатолий Александрович, самоотводов не будет, на АЭС не передумали?» Ответ был короткий, уставной: «Никак нет, спасибо за доверие». Несомненно, доверие он оправдал. Более того, когда председатель Правительственной комиссии Ведерников Г. Г. добился разрешения еще на полсрока возглавить комиссию и поработать в Чернобыле, то Дьяченко и вся его группа офицеров также добровольно остались работать на этот срок. Не скрою: были злопыхатели, которые совершенно по-другому истолковали проявление лучших, патриотических качеств Анатолия Александровича и его подчиненных.

Казалось бы, на Чернобыле должны быть только кристально чистые офицеры, а нет — и тут встречались совершенно безнравственные, а порою просто завистливые люди. Таких были единицы, которые, как огня палящего, боялись радиации и ни разу не ступали на территорию Чернобыльской АЭС. Только щадя их самолюбие, я не называю фамилии этих офицеров. Более того, отдельные из них умудрились незаслуженно получить правительственные награды. Но этих трусов я крепко запомнил. Среди них, к сожалению, оказались и некоторые близкие мне товарищи и сослуживцы.

С 15 июля 1986 года на АЭС начал энергично работать специально созданный штаб по ликвидации последствий аварии во главе с главным инженером Штембергом Н. А., его заместителем стал Самойленко Ю. Н. Этот штаб занимался непосредственно организацией и проведением всех дезактивационных работ на ЧАЭС. В штаб были включены ученые, военные инженеры, специалисты АЭС, отряд спецдозразведки Союзатомэнерго, созданный из гражданских специалистов, изъявивших желание добровольно выполнять опасные функции

разведчиков в полях высоких ионизационных излучений. Командиром этого отряда был Юрченко А. С. Отряд разведчиков впервые столкнулся с такими уровнями радиации, что приборы зашкаливало. При ведении дозиметрической разведки одновременно выполнялась инженерная оценка состояния объектов и определялись маршруты выхода, подхода, возможные варианты работ в этих зонах. Короче говоря, как на войне, разведчики были глаза и уши командира. От качества и точности информации зависела жизнь людей, которым предстояло работать в этих зонах. Работали разведчики на совесть, пренебрегая опасностью. Я всю жизнь буду с особой теплотой вспоминать Юрченко Александра Серафимовича из города Фрунзе (теперь он живет в Киеве), Дмитрова Геннадия Петровича из Обнинска, Стародумова Валерия Михайловича и многих других.

При штабе было создано ремонтное производство по изготовлению необходимых оснастки и приспособлений для дезактивации. Во главе этого производства стоял талантливый инженер Голубев В. В.

Основная нагрузка по дезактивации, где бы она ни проводилась, ложилась на плечи солдат, сержантов и офицеров Советской Армии. Об этом наши журналисты очень немного написали. Причина одна: в места работ нужно было ходить и видеть этот адский труд. А что, боялись? Возможно, и нет, но ходили мало.

Поначалу не все было ладно и в наших рядах. Качество дезактивационных работ продолжало быть низким, не все командиры подразделений могли обеспечить успех на работах. Влияли некомпетентность и скованность из-за этой проклятой радиации. Однажды, оставшись совершенно неудовлетворенным ходом работ по дезактивации на первом и втором блоках, я сказал Ю. Н. Самойленко, что завтра проведем с ним один эксперимент. Я привезу военного инженера подполковника Сотникова Александра Петровича, начальника научной группы полковника Дьяченко Анатолия Александровича (он уже к этому времени довольно крепко овладел задачами, которые ему ставились Правительственной комиссией), молодого и храброго разведчика старшего лейтенанта Кунцевича А. А. — сына известного ученого действительного члена Академии наук СССР Кунцевича А. В. «Ну и, естественно, ты, Юра, да я. Согласен?» — спрашиваю. Юрий Николаевич тут же ответил: «Ну какие разговоры, товарищ генерал! Буду очень рад, если ваша идея поможет делу, а то ведь в самом деле молодые командиры ни научить, ни потребовать, ни проконтролировать толком не могут».

Теперь уже не помню, с каких работ я снял Сотникова, пригласил его в кабинет и долго ему рассказывал о слабой организации работ по дезактивации помещений первого и второго энергоблоков, внутреннего оборудования, особенно вентиляционных устройств, турбогенераторов, машинного зала. «Тут нужен, — говорю Сотникову, — и командир, и организатор работ, так как с администрацией ЧАЭС надо ежедневно воевать, чтобы вырвать материалы, технику и прочее». Сотников внимательно слушал. Он исключительно дисциплинированный офицер, даже, мне порой казалось, чересчур. Ну, например, прошу его: «Александр Петрович, не могли бы посмотреть на днях телевизор, что-то заказ телевизионщики долго не выполняют?» Он обязательно встанет и скажет: «Есть!» Я ему и говорю: «Ведь я прошу вас». Он снова: «Есть, так точно! Будет сделано!»

Да, уникален этот человек во всех отношениях. Он просто чертовски талантлив. Я точно не помню, но, по-моему, говорили, что Леонардо да Винчи владел 64 профессиями. Мне кажется. Сотников владеет не меньшим числом. Он может отремонтировать или заново собрать любой телевизор, починить часы, магнитофон, радиоприемник, проигрыватель, любой электрический прибор, заново провести электропроводку, отремонтировать сантехнику, разобраться в неисправностях и починить автомобиль любой системы и прочее. Я просто не знаю, чего бы он не смог сделать.

Как-то генерал армии Алтунин А. Т. говорит: «Магнитофон в мастерской не берут в

ремонт, ты не знаешь, куда бы обратиться? Уж больно я к нему привык». Я отвечаю: «Давайте заберу эту штуку, один есть тут у меня умелец, пусть посмотрит». На следующее утро мы вместе с Сотниковым были в кабинете Алтунина. Александр Петрович запустил магнитофон, и он, точно новый, воспроизводил любимые записи Александра Терентьевича. Алтунин подошел к Александру Петровичу и говорит: «Ну и Кулибин!» А тот: «Извините, товарищ генерал армии, я подполковник Сотников». «Да знаю я, что ты и есть Сотников, а я тебе говорю, что ты наш Кулибин, слышал о таком?» Сотников отвечает: «Так точно!» Александр Терентьевич рассмеялся и говорит: «Ну что ты заладил «так точно, так точно»! Ты что, в пехоте, что ли, служил?» Сотников отвечает: «Никак нет!» «Ну ладно, — говорит Александр Терентьевич. — спасибо тебе, товарищ Сотников. Вот к тебе еще будет просьба: как у тебя по ремонту часов?» Сотников отвечает: «Все в порядке, ремонтирую». «Очень хорошо, — говорит Алтунин. — А то даже часовых дел мастера отказались и посоветовали выбросить на свалку, но мне те часы очень дороги. Посмотришь, а?» — «Есть, товарищ генерал армии».

Прошло несколько дней, и часы были в полном порядке...

И вот мы с группой офицеров прилетели на Чернобыльскую АЭС. Переоделись в спецодежду и пошли прямо на работы в первый и второй энергоблоки, где дезактивация шла, как на грех, очень плохо. Технология работ совершенно не продумана, средства механизации самые примитивные. Произошла полная разгерметизация энергоблоков, в которых выбиты были еще взрывом стекла, деформированы ворота. Люди снуют по всем залам, хотя там высокий уровень радиации, солдаты больше бродят, чем работают, а командиров подразделений вообще нет на местах. Я говорю Самойленко: «Ну что у тебя за порядок?» Юрий Николаевич отвечает: «А как я могу со всем этим справиться? Да у меня в подчинении всего несколько человек». «Тогда вот что, — обращаюсь к Александру Петровичу, — ты, мой дорогой, «порядок» этот увидел воочию. С группой остаешься на АЭС, разрабатываешь план мероприятий по дезактивации первого и второго блоков. В нем прежде всего должны быть заложены мероприятия по герметизации». Тут я остановился и подозвал подполковника Рагулина, который со своей небольшой группой офицеров осуществлял контроль за уровнями радиации в этих блоках, и поручил ему подготовить справку и предложения руководству АЭС только по герметизации.

Несколько дней подполковник Сотников «внедрялся» в эту тяжелую работу. Он непосредственно планировал все операции, выдавал задания командирам, требовал от администрации АЭС полного обеспечения солдат спецодеждой, приспособлениями, соответствующими растворами, пленками, ветошью и прочим. Работа закипела.

Проходит несколько дней, и помощник председателя Правительственной комиссии Острейко Игорь Анатольевич разыскивает меня и передает распоряжение председателя комиссии Ведерникова, чтобы немедленно отобрать примерно с десятков подобных Сотникову офицеров и доставить их на ЧАЭС. Мне стало ясно, что мой эксперимент удался, а Александр Петрович не подвел. За несколько суток он разобрался со всей технологией дезактивации, нашел «узкие» места, и особенно в слабой организации работы солдат, плохом обеспечении материалами и подручными средствами. Всему подполковник Сотников придал плановый характер. Были предъявлены требования к руководству АЭС по герметизации энергоблоков. Стали регулярно проводиться планерки, на которых подводились итоги работ и ставились конкретные задачи на следующий день. Правда, высокая требовательность Сотникова и его напористость не всем командирам нравились, особенно недовольна была группа подполковника Карпова, бездеятельного офицера. Он-то и наушничал генералу Ваулину и полковнику Невмовенко на Александра Петровича. Но Сотникова я отстоял, и Карпова заменили. По нашему требованию администрацией АЭС была в первую очередь выполнена герметизация энергоблоков. Срочно стеклили фрамуги, меняли и выправляли наружные ворота,

наладили пропускной режим.

Особую сложность и трудоемкость при проведении дезактивации представляли вентиляционные системы энергоблоков. Работа проводилась в тесных помещениях с применением сильнодействующих ядовитых веществ. Использовались средства малой механизации. Это осуществлялось только благодаря изобретательности Александра Петровича Сотникова, который по ходу работ чертил эскизы, заказывал приспособления на заводе.

Многие ученые старались выдать свои рекомендации по дезактивации, но эффективность их была, как правило, низкой.

Работы по дезактивации первого и второго энергоблоков под руководством Сотникова были выполнены успешно, что позволило провести своевременный пробный и основной пуски этих блоков. Было это в середине сентября 1986 года. Сотников был поощрен Правительственной комиссией.

Глава 4

КОГДА НЕ СПРАВИЛИСЬ РОБОТЫ

Самые опасные и ответственные работы по дезактивации предстояло выполнить на кровлях третьего энергоблока, где было сконцентрировано значительное количество высокоактивных материалов, выброшенных при аварии на четвертом блоке. Это были куски графитовой кладки реактора, тепловыделяющие сборки, циркониевые трубки и прочее. Мощности доз от отдельно лежащих предметов были слишком высокие и весьма опасные для жизни человека.

И вот вся эта нагроможденная масса с 26 апреля и по 17 сентября лежала на кровлях третьего энергоблока, трубных площадках главной вентиляционной трубы, развеивалась ветрами, омывалась дождями в ожидании, пока наконец дойдет черед и до ее удаления. Все ждали и надеялись на робототехнику. Дождались. Вертолетами несколько роботов были доставлены в особо опасные зоны, но они не сработали. Аккумуляторы сели, а электроника отказала.

Несколько ранее был подготовлен «Проект производства работ по очистке кровель главного корпуса и зданий второй очереди». Этот проект был разработан одним московским институтом. Он предусматривал применение двух кранов «Демаг» (производство ФРГ, стоимость — 4,5 миллиона рублей), очистку кровель клеевыми захватами, использование гидромониторов и насосного оборудования с давлением 8—10 атмосфер, использование гидравлических манипуляторов «Фористерн-770» (производство Финляндии). Кроме того, нужно было построить специальные бетонные дороги к месту работ «Демагов».

Однако до разработки проекта и его выдачи в производство дозиметрическая и инженерная разведка (кроме съемок с вертолета) кровель третьего блока практически не выполнялась. Были первые выходы Юрченко в зону «Н», где прибор ДП-5 зашкаливал. И на этом разведка приостановилась. Проектом предусматривалось с помощью дозиметра, закрепленного на крюк крана, определить уровни радиоактивности в доступных местах.

С целью сведения к минимуму транспортно-технологических операций по удалению высокоактивных материалов с кровель третьего энергоблока, а также исключения строительства специальных могильников высокоактивные источники решено было сбросить в развал аварийного блока, поэтому работы по дезактивации кровель третьего энергоблока должны были быть опережающими по отношению к возведению «саркофага». Однако строительство его являлось, безусловно, главной задачей, а использование кранов «Демаг» на дезактивации кровель привело бы к задержке возведения «саркофага». Этому проекту не суждено было осу-

ществиться.

Необходим был альтернативный вариант, позволяющий устранить указанные противоречия в части строительства «саркофага» и дезактивации кровель третьего энергоблока. С этой целью была проведена предварительная инженерная и дозиметрическая разведка кровель третьего энергоблока. Эту разведку, уже более детальную, провели дозиметристы из отряда спецдозразведки товарища Юрченко. Кровли были условно разграничены на зоны и соответственно обозначены «Н», «М», «К» и т. д. Границами зон были различные высотные отметки и стены надстроек. Так же была выполнена предварительная дозиметрическая и инженерная разведка помещений, находящихся под кровлями третьего энергоблока.

Исходя из выводов, сделанных по результатам разведки кровель третьего энергоблока, штабом ликвидации последствий аварии на ЧАЭС был предложен проект дезактивации кровель, основанный на комплексном использовании крана «Демаг», который должен быть установлен в северной части энергоблока, гидромониторов, дистанционно управляемых механизмов и полудистанционных ручных приспособлений. Предусматривалась также установка крана «Либхер» для подачи оборудования на кровли.

Проект был одобрен Правительственной комиссией, но тоже не был реализован ввиду занятости «Демагов».

В процессе работы по дезактивации постоянно велась дозиметрическая и инженерная разведка, были определены мощности экспозиционных доз в ранее не разведанных полях.

В этот же период для дозиметрической разведки были попытки использовать дистанционно управляемые механизмы (ДУМ), разработанные одним из НИИ, на которые устанавливались дозиметрические приборы. Результаты замеров уровней радиации с помощью ДУМ оказались при пере проверке дозиметристами завышенными более чем в 10 раз. Кроме того, эти ДУМ, перенесенные вертолетом в зону действий, ввиду малой устойчивости при движении заваливались набок. Бэрзатраты (мера облучения) на оказание помощи ДУМ-«разведчикам» людьми составили внушительные цифры. От применения ДУМ-«разведчиков» пришлось отказаться. Дальнейшую разведку по кровлям проводили люди — отважные разведчики-добровольцы.

Справедливости ради следует напомнить, что сразу после аварии на Чернобыльской АЭС было дано задание на разработку и создание дистанционно управляемых механизмов ряду специализированных предприятий Москвы, Ленинграда, Белоярска и другим. Разработка ДУМ проводилась по техническим заданиям, которые, как правило, были подготовлены без участия специалистов, занимающихся непосредственно дезактивацией на ЧАЭС, без знания условий работ. Поэтому большинство разработанных «магических роботов» оказались непригодными. Лучшим «роботом» оказался в век технического прогресса опять советский солдат.

В операции, которой мне пришлось руководить в особо опасных зонах третьего энергоблока, я так ни разу и не видел робота в работе, кроме извлеченного из графита робота, «сгоревшего» в рентгеновских лучах и ставшего помехой при выполнении работ в зоне «М».

Тем временем работы по захоронению аварийного четвертого энергоблока были близки к завершению. В конце сентября «саркофаг» — это образное слово стало для всех привычным — предстояло перекрыть металлическими трубами большого диаметра. Непростая сама по себе задача осложнялась тем, что на крышах сооружений, на трубных площадках лежали тонны высокорadioактивных веществ, выброшенных в момент аварии, о чем уже шла речь. Их во что бы то ни стало надо было собрать и сбросить в «зев» разрушенного реактора, упрятать под надежную крышу. Если этого не сделать, удаление веществ в безопасные места затянется на месяцы.

Но как подступиться к зонам, где уровни радиации оставались опасными для жизни? Попытки применить гидромониторы, другие механические приспособления, как уже

говорилось, оказались безуспешными. В полях с высокими уровнями радиации «магические» и другие нашумевшие в прессе роботы выходили из строя. Кроме того, места разброса радиоактивных продуктов, прилегающие к вентиляционной трубе главного корпуса, трубные площадки были труднодоступными: высота сооружений составляла от 71 до 140 метров. Словом, без активного участия людей задачу не решить. К такому выводу приходили многие специалисты, члены Правительственной комиссии и особенно энергичный заместитель главного инженера по строительству Акимов Евгений Михайлович, вместе с которым работал его сын Игорь. Игорь был корректировщиком на вертолете, обрабатывающим пылеподавляющим раствором крыши первого и третьего энергоблоков. Этому юноше пришлось писать с десятков заявлений, чтобы и его направили к отцу для участия в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Это, пожалуй, был самый молодой специалист-инженер, и он достойно представлял молодежь. Его отличали, как и отца, хорошая профессиональная подготовка и солдатская смекалка, которая нужна была на каждом шагу. Порою Игорь казался слабым в физическом отношении, но на деле это было не так. Игорь исключительно вынослив и мужествен. Раньше нас — а это, значит, в 24 часа — с АЭС не уходил.

16 сентября 1986 года в соответствии с полученной шифровкой из Чернобыля за подписью генерал-лейтенанта Плышевского Б.А. и указанием генерала Ваулина Ю.М. я вылетел на вертолете в Чернобыль для участия в заседании Правительственной комиссии по обсуждению хода дезактивации крыши третьего энергоблока и трубных площадок главной вентиляционной трубы ЧАЭС. Я прибыл к 16.00 к генералу Плышевскому и доложил ему. Мы тут же отправились на заседание Правительственной комиссии, которое проводил Щербина Б. Е.

Заседание проходило в служебном кабинете председателя. Докладчиком по основному вопросу был Самойленко Ю. Н. Он подошел к рельефной карте, на которой была нанесена вся радиационная обстановка с помощью красных флажков и условных знаков, и четко доложил о состоянии дел, акцентируя внимание на оставшихся особо опасных зонах. Юрий Николаевич сообщил, что все попытки удалить высокорadioактивные вещества с помощью роботов и другой техники ни к чему не привели. Остается один единственный вариант — выполнение опасных работ вручную воинами Советской Армии, с применением простейших средств механизации. Все погрузилось в тягостное молчание. Каждый понимал, насколько это опасная работа для ее участников. Это — во-первых, а во-вторых, до чего же мы дожили в век технического прогресса, что в трудную минуту не оказалось ни технических средств, ни способов выполнения подобных работ. Борис Евдокимович Щербина еще раз перебрал все возможные варианты, и ни один из них не был реальным. Затем председатель комиссии обратился к Плышевскому и сказал: «Я буду подписывать правительственное решение на привлечение воинов Советской Армии». Борис Алексеевич Плышевский сказал только одно: «Войскам нужно распоряжение Министра обороны». Щербина на это ответил, что он лично переговорит с Министром обороны, а мы должны готовиться к операции.

Меня до сих пор гложет сомнение: почему на этом заседании отсутствовали представители химвойск? Возможно, председатель посчитал, что все равно проку не будет? Не знаю. На этом совещании присутствовали только бывший первый заместитель министра здравоохранения Воробьев и кто-то еще из ученых, кого я не знал.

И все же решение было принято однозначно. Оно действительно принималось нелегко. Но другого не было. Этим же решением, пунктом четвертым, на меня возлагалась ответственность за научно-практическое руководство этой операцией. Меня некоторые военачальники спрашивали: а зачем вам, уважаемый Николай Дмитриевич, нужно было лезть в это пекло? Я отвечал, что даже если бы Щербина Б. Е. и не подписал такого решения персонально по моей кандидатуре, то я все равно, в соответствии со своими обязанностями и своей совестью, непременно принял бы участие в операции. А тут тем более — я выполнял

решение Правительственной комиссии. На этом же заседании мною было предложено подготовить и провести обстоятельный эксперимент в порядке подготовки к операции. Предложение было одобрено.

Поздно вечером по возвращении меня ждали генерал-майор Ваулин Ю. М., офицеры Невмовенко А. М., Кауров Г. А., Кузнецов А. А. На коротком совещании я вкратце доложил результаты поездки. Мне нужно было подобрать кандидатов для проведения эксперимента. Добровольцев набралось много, но из них были отобраны всего лишь пять человек. Это полковник Кузнецов А. А., полковник Петров И. П., подполковник Салеев А. А., фотокорреспондент Шеин В. А., подполковник Саушкин А. Д. На месте должны были принять участие гражданские специалисты от АЭС.

17 сентября вертолет доставил нас к месту проведения эксперимента. Его решили провести на площадке «Н». Особая роль в эксперименте отводилась кандидату медицинских наук подполковнику медицинской службы Салееву Александру Алексеевичу. Он лично на себе должен был проверить возможность работы в опасной зоне. Были приняты все меры радиационной безопасности. Салееву предстояло действовать, используя специальные усиленные средства защиты. На него подогнали свинцовую защиту на грудь, спину, голову, гонады, органы дыхания, зрения. В специальные бахилы уложили просвинцованные стельки, на руки надели перчатки и просвинцованные рукавицы. На грудь и спину дополнительно одели просвинцованные фартуки. Все это, как показал потом эксперимент, в 1,6 раза снижало воздействие радиации. Кроме того, на него повесили около десяти различных датчиков и дозиметров. Был тщательно рассчитан маршрут движения. Надо было выйти через пролом в стене на площадку, осмотреть ее, аварийный реактор и сбросить в развал 5—6 лопат радиоактивного графита и по сигналу вернуться назад. Эту программу подполковник медицинской службы Салеев выполнил за 1 минуту 13 секунд. Мы, затаив дыхание, следили за его действиями. Мы стояли в проеме, сделанном взрывом в стене, и, так как не было защиты, то находились в зоне 30 секунд.

Как только Салеев вернулся, внимание всех было привлечено к прямопоказывающему дозиметру. За минуту с небольшим Александр Алексеевич получил небольшую дозу облучения, но датчики отправили в лабораторию, и только после расшифровки можно было окончательно сделать выводы. Через пару часов мы получили сведения из лаборатории, они особенно не отличались от уже известных нам. Акт по результатам эксперимента и свои выводы доложили членам Правительственной комиссии. Комиссия рассмотрела представленный акт, разработанные нами документы (инструкции, памятки и прочее) для офицеров, сержантов и солдат и одобрила их.

В инструкциях и рекомендациях были заложены требования к добровольцам, привлеченным к работам. Они должны были обладать психологической устойчивостью, умением быстро мобилизовать психику и физические силы для выполнения порученного задания в предельно сжатые сроки, при минимальных дозовых затратах. Это и определило основные принципы отбора и подготовки воинов для выполнения работы: во-первых, добровольное желание выполнить работу в сверхэкстремальных условиях; во-вторых, наряду с первичным отбором по медицинским показаниям необходим был дополнительный тестовый отбор исполнительных, аккуратных, спокойных и выдержанных по характеру, наблюдательных людей; в-третьих, участник должен быть физически развит, подвижен и ловок.

Принцип добровольности играл огромную роль. Например, в отряде спецдозразведки, набранном только из добровольцев — гражданских специалистов, не было ни одного случая небрежного отношения к порученному делу.

Отбор, выполненный с помощью специалистов, с целью выявления совокупности перечисленных свойств личности позволил значительно повысить качество всех видов работ в

условиях высоких радиационных полей, сократить дозовые нагрузки.

Однако за весь период работы штаба по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС с июня 1986 года и по ноябрь 1986 года Минздрав СССР никаких рекомендаций не выдавал и обследований работающих с точки зрения психофизического состояния не проводил. Даже контроль физиологического состояния был поставлен примитивно.

Членам отряда спецдозразведки за 4 месяца работы в условиях высоких и сверхвысоких полей и больших дозовых нагрузок делали анализ крови только один раз. Аналогичное состояние дел с медицинским обеспечением наблюдалось и в других подразделениях, кроме управления строительства и Министерства обороны.

Большое значение придавалось полигонным занятиям. В сентябре 1986 года на территории строящихся пятого и шестого энергоблоков был создан полигон с имитацией зон и содержащихся в них кусков графита, тепловыделяющих сборок, циркониевых трубок и прочего.

Имитировались также разрушенные элементы конструкций, проломы для выхода в зону, маршруты движения. Занятия проводили командиры подразделений под руководством генерала Сидорова В. П. и инженера-физика из спецотряда дозразведки Дмитрова Г. П. На полигонных занятиях личному составу ставилась задача: закрепить знания правил техники безопасности и радиационной безопасности, изучить средства индивидуальной защиты и правила пользования ими, ознакомиться с инженерной обстановкой в зоне работы, отработать приемы взаимопомощи военнослужащих в одной смене, изучить и отработать маршруты движения.

Эффективность полигонных занятий была оценена при проведении работ в зоне «Н». Группа военнослужащих, прошедших эти занятия, в сравнении с теми, кто их не прошел, действовала более организованно, хладнокровно и результативно. Отсюда следует вывод, что при работе в сверхэкстремальных условиях полигонные тренировки и занятия необходимы, так как являются высокоэффективным средством формирования психологической устойчивости.

На примере отряда спецразведки за период работы с июня по октябрь 1986 года следует отметить, что высокий профессиональный уровень при отсутствии таких черт характера, как исполнительность, аккуратность, наблюдательность, не позволяли достичь приемлемых результатов в психологической подготовке у некоторых разведчиков-добровольцев.

Поэтому имело смысл оценивать уровень профессиональной подготовки только у кандидатов, прошедших предварительный отбор.

Почти все военнослужащие не имели опыта работы с открытыми радиоактивными веществами, дозиметрическую аппаратуру и приемы работы с ней изучали по программам гражданской обороны в школе, вузе, в период службы в Советской Армии, на занятиях при переподготовке в вузах, но знания не у всех были хорошие, и потому не каждый был готов выполнить задачу. Однако волевые черты характера, физическая и политико-моральная подготовленность позволили при отсутствии должной специальной теоретической подготовки освоить требуемый объем знаний и успешно выполнять в сверхэкстремальных условиях поставленные задачи.

Можно было сделать вывод: высокий уровень профессиональной подготовки специалиста без соответствующих нравственных качеств не является гарантией успешной работы в сверхэкстремальных условиях.

Важную роль играла физическая подготовленность специалистов. К работам допускались воины нормального телосложения, без излишней полноты, подвижные, расчетливые в движениях, физически сильные. Возрастной предел — 30—45 лет.

За период работы на ЧАЭС у людей, физически развитых, не наблюдалось психических срывов, случаев невыполнения поставленных задач, наблюдалось меньшее время адаптации к условиям работы.

С 18 сентября добровольцы приступили к тренировкам на натурном макете, воспроизводящем обстановку в зоне «Н».

В момент взрыва реактора четвертого энергоблока перекрытие из железобетонных плит центрального зала было разрушено и разбросано в разные стороны, в том числе на зоны «Н» и «М». Конструктивные узлы реактора, разрушенные тепловыделяющие сборки (ТВС), циркониевые трубки, графитовые блоки кладки реактора были разбросаны по крышам зоны «Н», «М» и трубным площадкам. Кроме того, на крышах зон «Н» и «М» под выброшенными целыми и полуразрушенными железобетонными плитами весом от 1 до 3—4 тонн оказались куски того же радиоактивно зараженного графита, тепловыделяющих сборок и других продуктов выброса.

Ориентировочные объемы работ на указанных площадках мы определили в ходе воздушной разведки. Полученные снимки позволили более точно подготовить программу работ, избрать приемы и способы их выполнения.

Для выхода в зону «Н» было прорезано отверстие в воздуховоде диаметром 100 сантиметров, позже отверстие было расширено до размеров 2 на 1,5 метра.

Подготовка к предстоящей операции была развернута полным ходом. Солдаты вручную готовили средства индивидуальной защиты. Так, для защиты спинного мозга вырезали из свинца толщиной 3 миллиметра экран типа лат рыцаря, делали свинцовые плавки в виде банджа, для защиты затылочной части головы — свинцовый экран наподобие армейской каски, для защиты кожи лица и глаз от бета-излучения — щиток из оргстекла толщиной 5 миллиметров, для защиты ног — свинцовые стельки в бахилы или сапоги, для защиты органов дыхания подгонялись респираторы типа «Астра-2», «РМ-2», для защиты тела (груди и спины) — фартуки из просвинцованной резины, для защиты рук — просвинцованные рукавицы и перчатки. Вес такого снаряжения составлял до 20—25 килограммов.

В таких доспехах солдат больше походил на робота, нежели на человека. Вся эта защита позволяла снизить воздействие уровня радиации на человека в 1,6 раза, но значительно сковывала его движения.

Одновременно кипела работа на заводе у Виктора Васильевича Голубева, где также срочно изготавливали металлические захваты, щипцы с длинными ручками, скребки, багры, ломы, кувалды, носилки и другие приспособления. И все это тоже готовилось в пожарном порядке. Особое внимание было уделено организации управления людьми в особо опасных зонах. Для этих целей на высоте был оборудован специальный командный пункт (КП), на котором были установлены телемониторы, коротковолновая радиостанция для связи с АЭС и оперативной группой Министерства обороны. Здесь же находились крупномасштабные фотографии особо опасных зон, схемы основных и запасных маршрутов в зоны, отдельные предметы из свинца, имитирующие ТВЭЛ (тепловыделяющие элементы), ТВС, графит и прочие продукты выброса из реактора четвертого энергоблока.

В особо опасных зонах были выставлены телевизионные камеры ПТУ-59 с пультом управления по трем осям и регулировкой фокуса трансфокаторами. Камера позволяла вести обзор и крупным планом рассматривать отдельные предметы. На этом КП проводился инструктаж командиров, ставились конкретные задачи каждому военнослужащему.

Кроме того были оборудованы специальные точки по подгонке индивидуальных средств защиты, выдаче и установке индивидуальных дозиметров. Здесь производились снятие и проверка показаний бэрозатрат в рентгенах, учет выполненных работ, проверка готовности к выходу в зону. На отметке 70 метров был оборудован пост маршрутного офицера, где было сосредоточено управление электросиреной, хронометрировалось время работ. Это был в своем роде старт.

Для повышения ответственности за подготовку и проведение работ в особо опасных

зонах для командиров частей и подразделений, их заместителей, а также всего командно-начальствующего состава были разработаны и определены конкретные функциональные обязанности и временная организационно-штатная структура команд, групп и других формирований. Так, например, на командира части возлагалась персональная ответственность за отбор и индивидуальную подготовку воинов-добровольцев, за контроль дозы облучения, неукоснительное соблюдение специальной инструкции солдатами, сержантами и офицерами при работе в особо опасных зонах, и, наконец, командир нес ответственность за умелое и твердое управление своими подчиненными.

Особые обязанности возлагались на выводного и маршрутного офицеров. Так, выводной офицер нес персональную ответственность за точность соблюдения времени работ, установленного руководителем операции в соответствии с расчетами поста дозиметрического контроля. Он лично подавал команду «Вперед!» и запускал секундомер, он же давал команду на прекращение работ в зоне и включал электросирену. В руках этого офицера была жизнь воинов. Малейшая неточность или ошибка могли иметь трагические последствия. Неменьшая ответственность возлагалась и на маршрутных офицеров, которых дозиметристы Юрченко А. С., Дмитров Г. П., Стародумов В. М. водили по сложным лабиринтам в особо опасные зоны для тренировки. И только после подготовки маршрутный офицер мог уверенно выводить команду или группу солдат в зону работ. Обычно маршрутный офицер выводил 10—15 команд солдат, и его дозовая нагрузка становилась предельной.

Из зоны команда или группа воинов возвращалась самостоятельно под руководством старшего.

В это время я комплектовал штаб руководства операций. В штаб вошли подполковники Сотников А.П., Саушкин А.Д., Кочетков В.С., Кульчицкий Э.М., майор Тетерин И.В., заместитель главного инженера ЧАЭС Галуцак В.С., неизменные наши разведчики Юрченко А.С., Дмитров Г.П., Стародумов В.М., капитан Макушкин С.И.

В основном все подготовительные работы были завершены. И все же это была скоропалительная подготовка. Поспешность принятых решений объясняется тем, что в Правительственной комиссии первоначально действительно сложились убеждения в реальности разрабатываемых наукой проектов удаления высокорadioактивных веществ с помощью роботов и другой специальной техники. Но из всего этого вышел, как говорится, пшик. А вот предстоящий вариант работ никем не прорабатывался, а потому даже и средства малой механизации, так же как и защита, были нами разработаны в вынужденно короткий срок и на скорую руку. Уважая Самойленко Ю. Н. за его смекалку, недюжинный ум, силу воли, инженерную эрудицию, я все же видел в нем склонности к поспешности, желания как можно быстрее покончить с этой опасной работой силами войск.

Министр обороны СССР назначил специальную комиссию для проверки условий выполнения работ, готовности соответствующей базы и войск. Председателем комиссии был назначен генерал армии Герасимов И.А., который в первые, самые тяжелые дни чернобыльской эпопеи руководил участвующими в ней войсками. В составе комиссии были представители всех видов и родов войск. От химвойск прибыл контр-адмирал Владимиров В. А. Были тут и представители Генштаба, Главного политического управления, инженерных войск, тыла и т. д. После встречи с председателем Правительственной комиссии Щербиной Б. Е. мы все поехали на аэродром. Сели в вертолет и полетели на осмотр района работ. В вертолете генерал Плышевский Б. Л. попросил меня сесть против председателя комиссии и более детально пояснить инженерную и радиационную обстановку. Как сейчас помню, генерал армии Герасимов улыбнулся в свои пышные пшеничные усы и сказал: «Генерал, эту картину я уже видел в мае месяце». Но все же мы зависли на вертолете сперва над третьим блоком, потом рядом с главной вентиляционной трубой, затем рядом с аварийным реактором, куда предстояло

сбрасывать все то, что из него было выброшено взрывом. Объем работ вырисовывался более чем в сотню тонн, и все это предстояло собрать, перенести и сбросить в развал реактора вручную. Тут я действительно дал пояснения председателю комиссии.

Комиссия вернулась в Чернобыль, где на совещании вновь обсудили предстоящую операцию. На этом совещании были только одни военные. Докладывал я коротко, ибо уже надоело говорить об одном и том же. Выступлений почти не было. Единственно было предложение контр-адмирала Владимирова В.А. по увеличению дозовой нагрузки. Он обосновал его, и предложение было утверждено председателем комиссии. Считаю и теперь, что увеличение дозы в значительной мере способствовало более эффективной и производительной работе воинов, так как сокращалась доля холостых потерь времени на выходы и возвращения из зоны. Затем я представил все разработанные нами документы на утверждение генералу армии Герасимову И.А. Документы были согласованы с соответствующими начальниками. Он их размашистым росчерком утвердил.

Тут же в присутствии всех членов комиссии Герасимов доложил Министру обороны о готовности к работам, всей обстановке и твердо сказал, что, кроме армии, никто не сможет выполнить эту работу. Было получено «добро», и, крепко пожав мне руку, генерал армии сказал: «Желаю вам успехов». Больше мы с ним уже не встречались.

Через полчаса я был на командном пункте третьего энергоблока, где с нетерпением меня ждали солдаты, сержанты и офицеры. Они в полном смысле этого слова рвались в бой. Было это 19 сентября пополудни. И были это воины-химики во главе со своим комбатом майором В. Бибой. Они уже успели переодеться в спецзащиту, и мои помощники их проинструктировали. Я же рассказал им не только о чрезвычайной важности, но и об опасности предстоящей работы, о результатах проведенного накануне эксперимента. Было доведено решение Министра обороны на выполнение этих работ воинами Советской Армии. Попросил всех, кто нездоров, плохо себя чувствует, выйти из строя. Строй не шелохнулся. Так было каждый день — на протяжении всей операции. Назову поименно первую пятерку, начавшую сложную работу в зоне «Н». Это командир батальона майор В. Биба, командир отделения сержант В. Канарейкин, рядовые Н. Дудин, С. Новожилов и В. Шанин.

Вместе с командой «Вперед!» запустили секундомер. Воины вышли в зону и, пользуясь захватами, скребками, лопатами, начали сбрасывать в развал реактора куски графита, осколки ТВЭЛ.

Мы внимательно следили за их работой по телемонитору. Показалось, что минута длится очень долго. Но вот протяжно завывала электросирена. Все бросились на отметку «7001», чтобы поздравить комбата и его подчиненных. Дмитриев Г. П. проверил дозиметры — за установленную дозу никто не вышел. Первая смена разделась, и каждый солдат докладывал о выполненной работе, а офицер записывал в журнал учета. Потом всех участников майор Биба построил. Я объявил им благодарность и каждому вручил Почетную грамоту.

В зону отправилась очередная группа воинов. К концу дня было сброшено три с лишним тонны радиоактивных продуктов. Это была первая победа воинов-химиков!

На следующий день мы подкорректировали первоначальные планы — с учетом приобретенного опыта. Работать стали группами по 6—10 человек. К вечеру было удалено из зоны «Н» почти 7 тонн графита. Рекорд дня установила группа воинов под руководством политработника майора А. Филиппова, убравшая 1490 килограммов опасного материала.

Лейтенант С.Музыкин, младший сержант А.Иванов, рядовые Е.Кривцов, В.Белокопытов.... Это фамилии воинов, особо отличившихся 22 сентября. Они и многие их сослуживцы сбросили в развал реактора более чем по 50 килограммов графита каждый. Через сутки зона «Н» была очищена полностью. На очереди — первая и вторая трубные площадки, зона «М», что у основания трубы, где после аварийного выброса скопились десятки тонн

радиоактивных отходов, представляющих особую опасность.

Новая задача была потрудней первой: увеличилась высота подъема, усложнился маршрут движения — надо было преодолевать настоящий лабиринт. Воины со «старта», где стоял офицер с секундомером, поднимались по пожарной лестнице через проделанный взрывом проход на площадку «Л», короткими перебежками преодолевали по настилу зону «М», чтобы затем быстро подняться по металлической лестнице на первую трубную площадку. Тут кроме отваги и мужества нужны были сила и выносливость.

В разгар этой операции к нам прибыли заместитель председателя Правительственной комиссии Семенов Юрий Кузьмич и сопровождающие его лица, уж не помню точно кто. Все они внимательно смотрели на организацию работ, штурм трубных площадок. Были просто поражены мужеством и героизмом солдат, сержантов и офицеров, хорошей организацией. В это время последние группы воинской части гражданской обороны перевыполняли установленные нормы. Я попросил Юрия Кузьмича вручить отличившимся грамоты и объявить благодарность. Он перед строем поблагодарил всех солдат, вручил правительственные грамоты и объявил свое решение о награждении всех их денежными премиями.

Затем мы вместе с Самойленко сопроводили его в зону «Н», где уже были выполнены работы. Юрий Кузьмич одобрил их качество и после этого покинул наш командный пункт.

По ходу выполнения работ в особо опасных зонах были и такие случаи, когда мы становились в тупик и были на грани того, чтобы бросить эти работы, так как они казались невыполнимыми, а переоблучать людей было бы преступно. Мне постоянно твердил Самойленко, что мы неправильно рассчитываем дозу, так как, мол, спецодежда вполнину ослабляет ее. В подобных случаях я, может быть, и грубо, но осаживал его. Ведь мы снимали показания с дозиметра, установленного под защитой, а одежду не принимали во внимание. У нас был резерв.

Как-то дозиметристы-разведчики А. Юрченко, В. Стародумов, Г. Дмитров установили, что на одном из участков зоны работа допустима лишь в течение 40—50 секунд, не более. Прошли первые 15 смен, и мы поняли: производительность крайне низка, надо менять принцип работы. Решили в первую очередь отыскать наиболее опасные высокоактивные элементы и именно их удалить. Наткнулись на целую сборку с ядерным горючим весом до 350 килограммов. Первые группы, имея в распоряжении по 40 секунд, ничего с ней поделать не смогли, но все же раскачали. Захваты, специальные крюки и багры не помогли. По радиации связываюсь с АЭС, где находился Самойленко, говорю ему: «Доложи в Правительственную комиссию, что я работы прекращаю из-за высоких уровней радиации». Он мне отвечает, что это невозможно. Я обругал его на чем свет стоит и говорю: «Тогда собирай кого хочешь, приходи сюда и продолжай выполнять эту операцию». Он мне снова: «Это тоже невозможно. Николай Дмитриевич, товарищ генерал, ну придумайте что-нибудь!»

Кстати сказать, за все время операции Юрий Николаевич у меня на командном пункте был не больше пяти раз. Он обычно говорил, что давно уже на АЭС и прилично наглотался этой радиации. Я охотно верил ему и даже как-то заботился, чтобы он не переоблучился. Но когда мы проходили СИЧ (спектрометр излучения человека), то оказался в списках первым я, потом Черноусенко В. М., Дмитров Г. П., Юрченко А. С., Стародумов В. М., младший Акимов И. Е., подполковник Сотников А. П., а уж потом Самойленко Ю. Н. и Голубев В. В. А спустя время он вновь уехал работать на АЭС, где и по сей день спокойно трудится. Я часто вспоминаю Юру добрым словом. И то, что он меньше облучился, тоже хорошо. Что не валялся по больницам — еще лучше. Как говорят в народе, судьба есть судьба, и от нее никуда не уйдешь.

Правда, Юра часто говорил мне: «Дорогой Николай Дмитриевич, не слушай ты врачей и употребляй спирт, что мы и делаем». Я по-доброму ему отвечал: «Юра, если бы не были рядом солдаты, то наверняка бы «врезал». Но мне их жизнь дороже».

Так вот после бурных переговоров с Самойленко я заказал два десятка свинцовых лент, которыми решили обернуть восемь точек на этой сборке. Несколько выходов групп — и сборка «забинтована». Теперь за нее можно приняться основательнее. Группу возглавил офицер запаса, главный инженер одного из свердловских предприятий Стародумов. На инструктаже у телемонитора каждому солдату было объяснено, за какое место «забинтованной» свинцом сборки ему браться, когда прилагать усилия и по какой команде.

Группа воинов из части гражданской обороны: сержант А. Старовыборный, ефрейтор Н.Зуев, рядовые О. Абдулаев, В. Войков, А. Рыбаков, В. Семин, Г. Семенов и И. Щербатов во главе со Стародумовым пошли на штурм. Находящиеся па КП офицеры и гражданские специалисты оставили телемонитор и выдвинулись к проему в стене, чтобы видеть результат работы невооруженным глазом. Все получилось так, как и замышлялось. Через несколько секунд по команде Стародумова: «Раз-два — взя-а-ли!» — сборка с ядерным горючим, создававшая сильное радиационное поле, с грохотом полетела в развал реактора. Грохнула так, что экран телемонитора засверкал. Группу воинов встречали как героев. Устроили пятиминутное чествование перед строем. Всем объявил благодарность, вручил специальные Чернобыльские грамоты и предложил командиру представить всех участников к государственным наградам.

Уровни радиации в зоне сразу упали настолько, что появилась возможность работать полторы минуты. Дело пошло более споро. По нашим заявкам изготовили дополнительные приспособления: захваты с трехметровыми удлинителями, щипцы с Г-образными ручками для двух человек, специальные крюки, скребки, носилки с ножками... Все это хотя и примитивно, но в какой-то мере облегчало и ускоряло работы, уменьшало дозы облучения.

Борьба шла с невидимым, но коварным и опасным противником на первой трубной площадке. Эта операция длилась чуть меньше трех суток. И все же основная масса графита и других продуктов выброса находилась на площадке зоны «М» — у основания главной вентиляционной трубы. Работать там легче — снизилась высота, упростились маршруты движения, но уровни радиации выше. Продолжительность работы смены оставалась прежней — от одной до полутора минут.

Целых четверо суток мы бились на этой площадке. Солдаты честно трудились. Это были воины подразделений химической защиты, гражданской обороны, инженерно-саперных и других. Десятки тонн продуктов выброса, в том числе большое количество разрушенных сборок, были сброшены в «зев» аварийного четвертого реактора из этой зоны.

В опасной и сложной операции особая роль отводилась мужественным разведчикам-добровольцам, о которых я уже упоминал. Они вели разведку в высоких полях ионизирующего излучения. Командиром отряда спецдозразведки, как я уже говорил, был Юрченко Александр Серафимович. Мне никогда не забыть этого великолепного советского человека, грамотного инженера, исключительно ответственного, мужественного и добросовестного командира отряда, который сам подавал пример. Заботу проявлял он и о подчиненных, и о старших начальниках. Прежде чем мы уходили вместе с разведчиками в особо опасную зону из административного корпуса ЧАЭС, Александр Серафимович тщательно проверял нашу экипировку. Мы надевали чистое белье, спецодежду, подгоняли шлемы-маски, одевали «лепестки» (респираторы), на обувь натягивали специальные бахилы, которые по возвращении сбрасывались, так как за время работ и бахилы, и даже обувь становились радиоактивно зараженными. Затем мы следовали за ним по длинным лабиринтам через всю АЭС, выдвигаясь на свой командный пункт. Времени на переход затрачивали около 30—40 минут в один конец. Правда, иногда Юра Самойленко игнорировал этот маршрут, и мы забирались по наружной металлической лестнице на крышу первого энергоблока и по крышам добирались до своего КП. В этом случае время на маршрут сокращалось на 15—20 минут.

Так вот Александр Серафимович, сопровождая меня несколько раз, оттренировал меня так, что позже я на КП уже ходил один, без проводников. В период проведения операции он часто напоминал мне о необходимости одевать «лепесток» для защиты органов дыхания. Я обычно отвечал ему: «Саша, а как с солдатами я буду говорить в этом «наморднике»?» И зачастую приходилось этим пренебрегать. А жаль...

Позже, будучи на больничной койке в течение полугода, когда кашель буквально душил меня, я вспоминал Сашу Юрченко... Да и теперь еще этот кашель часто напоминает мне о его назиданиях. Ни о чем я, однако, не жалею: зато солдаты видели генерала, а я видел их лица.

Помню, была одна небольшая заминка при штурме зоны «М». Вдруг военный врач-радиолог подбегает ко мне и докладывает: «Товарищ генерал! Солдат потерял сознание». Ну, думаю, это то, чего я боялся, где-то он прихватил приличную дозу облучения. Солдату экстренно оказали помощь, привели в сознание и сняли с него всю защиту. Потом я подошел к нему, сел рядом и стал расспрашивать: «Ну, давай рассказывай, где ты работал и что конкретно сбрасывал. Покажи на телемониторе». Смотрю, солдат покраснел и говорит мне: «Извините, товарищ генерал, я еще в зоне не был, а был на вашем КП и смотрел по телемонитору, как работают солдаты у реактора, и мне стало плохо». Солдата никто не ругал, его тут же отправили в административно-бытовой корпус, где после работы собирались все подразделения. Ясное дело, что психика солдата подвела, хотя и лет ему было за тридцать. Фамилию теперь не помню, да и не к чему. Но после этого группы воинов стали работать как-то хуже.

Вдруг пришел Юра Самойленко и пренебрежительно отозвался о работе солдат. Я ему и говорю: «А ты сам-то пробовал?» Вдруг он без защиты рванул в зону «М» и стал показывать, как надо работать и что конкретно убирать. Правда, был он недолго, секунд 20—30, но все же хватанул. Вернулся бледный. Я тут же приказал ему идти к врачу.

Дня два или три, я помню, он ходил и весь дрожал, как я лихорадке. Этот жест был лишним, так как солдаты, сержанты и офицеры в основной массе были настолько хорошо настроены, что эту небольшую заминку не составило труда ликвидировать и без его жеста. Солдаты — народ понятливый.

Только мы с ним объяснились, как к нам прибыли генерал-лейтенант Плышевский и генерал-майор Когтин. Около двух часов они внимательно наблюдали за всей нашей тяжелой и кропотливой работой. Борис Алексеевич часто меня и Самойленко упрекал: «Ну когда вы закончите, когда перестанете сотнями просить солдат, ведь мы почти всех перебрали?» Вот тут я ему и говорю: «Смотрите, Борис Алексеевич, на эти завалы графита и всякой дряни, которую солдат вручную разбирает и сбрасывает в эту пропасть. А работает он, солдат, считанные секунды. Так что же вы хотите? Оставайтесь здесь и руководите».

Разговор был крутой и совсем нелицеприятный. Зато после не было недоразумений на тему, сколько нужно солдат и когда мы окончили операцию.

Более того Борис Алексеевич понял все наши трудности и даже попытался стать в роль инструктора, тщательно инструктируя очередную смену. Убедительно просил солдат поработать во всю силу. Затем они вместе с генералом Когтиным выступили перед воинами, вручили наиболее отличившимся Почетные грамоты и тепло поблагодарили всех участников операции. У меня остались самые добрые воспоминания об этих руководителях.

Каждый день, когда я рано утром уезжал на операцию, генерал-лейтенант Плышевский неизменно угощал меня чаем с облепихой, поздно вечером он дожидался моего возвращения с докладом о работе за день. А когда я почувствовал себя совсем неважно и попросил заменить меня, то тут Борис Алексеевич, очень хорошо помню, крепко обнял меня (он огромного роста мужчина) и сказал: «Ну, потерпи, я не могу тебя никем заменить».

Несколько слов о еще одной заминке. Операция была в разгаре, и вдруг сбой... В правом углу зоны «М», что под венттрубой, появились чрезмерно высокие поля. Почти все разведчики

были «выбиты», то есть перебрали дозу облучения. Я сел и задумался. Потом подозвал командира части и говорю: «Подбери толковых офицеров-добровольцев для разведки в зоне «М». Но тут подходит ко мне Саша Юрченко и говорит: «Пойду сам». Я категорически возразил ему, сказав, что уже дал команду подобрать офицеров. Саша мне ответил, что офицер, тем более не обстрелянный, не принесет нужных нам данных, да и вряд ли доберется до этого места. И вот он один пошел в разведку. Он выполнил задание блестяще, но я знаю, во что ему обошелся и на этот раз выход в зону. Вернулся Саша, сели мы за стол, и он по памяти набросал картограмму инженерной и радиационной обстановки.

После этого были внесены коррективы в производство работ по времени и дозам облучения. Эту картограмму я бережно храню дома. А когда он приехал в Москву с семьей в гости, я показал его творение. Вот такие они, замечательные советские люди — патриоты Родины.

А однажды во время операции Александр Серафимович подошел ко мне и говорит: «Николай Дмитриевич, тут один политрабработник ходит среди солдат и ведет нездоровые разговоры о том, что после выполнения задания в особо опасной зоне могут быть серьезные последствия у солдат, офицеров... В общем, мне кажется, — продолжал Саша, — он разлагает солдат». Я ему говорю: «Пригласите ко мне этого офицера». Он пригласил. Мы отошли в сторону, и я попросил Сашу воспроизвести разговор. Все подтвердилось, офицер не отпирался. Но, как оказалось, он по своему недомыслию действительно неумело и неумно разъяснял меры безопасности, чем фактически запугивал солдат. Я попросил генерала Когтина его заменить. Его заменили. Фамилию, вполне понятно, я не называю. Мне было очень неприятно, что среди офицеров, а тем более политрабработников, были и такие. Но, как говорят, в семье не без урода.

Откровенно говоря, я очень устал к концу операции. Мне дважды генерал Когтин менял политрабработников. Каждый день по 8—10 часов находиться на КП, где уровни радиации тебя не балуют. Нет, дорогой мой читатель, поверь, я не хочу перед тобой блеснуть своим героизмом, но скажу правду, что лучше бы один раз, как и каждый солдат, сходить в эту тяжелую атаку, чем отвечать за жизнь солдат, быть постоянно в стрессовой ситуации и осуществлять руководство всей этой операцией. Кроме того, солдат, сержант и офицер были в лучшем положении и в том смысле, что каждый пришел, получил задачу, выполнил ее и ушел вместе со своими сослуживцами в подразделение. У каждого воина был только один, один-единственный выход в особо опасную зону и на несколько секунд.

Если бы руководители замечательных пожарных, погибших от переоблучения, тот же Телятников, хотя бы элементарно провел расчет пребывания на тушении пожара и проводил бы замену расчетов, все они бы остались живыми героями. В этом меня никогда и никто не переубедит. А таких споров у меня возникало много, и даже в клинике №6, где лежал длительное время на лечении вместе с еще живыми.

...Под статью командиру отряда спецразведки были отважные разведчики Стародумов В. М., Дмитров Г. П., Голотонов А. В., Саверский С. Ю., Смирнов В. А., Хромяк Н. Т., Романцов А. А., Лавренко В. А., Гуреев А. Н., Ионин И. Н., Лапочкин А. И. и другие.

Геннадий Петрович Дмитров прибыл на ЧАЭС из города Обнинска добровольцем. Длительное время проработал в этом отряде. В период проведения операции был почти ежедневно со мной на третьем блоке. И неоднократно выходил в разведку в особо опасные зоны. Он эрудирован, обаятелен, весьма тактичен и скромнен. Солдаты его уважали и часто называли «полковником», а еще чаще — Петровичем. С ним мы всегда возвращались поздно ночью с третьего блока, зачастую с фонариком, а то и на ощупь по всем этим длинным лабиринтам. Один раз вернулись на АЭС, а санпропускник уже закрыт. Вся наша чистая одежда под замком. Обувь мы сбросили еще раньше. И вот, усталые, разбитые и совершенно голодные, стоим и не знаем, что же делать. Был двенадцатый час ночи. Говорю ему: «Геннадий Петрович, ты тут

ветеран, давай иди к дежурному и решай задачу, ты же разведчик. Иначе поедем вот в таком неприглядном виде в оперативную группу в Чернобыль, а мне же еще докладывать Плышевскому...» Геннадий Петрович ответил бойко: «Есть, товарищ генерал!» — и пошел в одних носках к дежурному по АЭС. Через полчаса мы уже мылись, но перекусить не удалось. Все было закрыто.

Особенность с приемом пищи была такова: отправлялись рано утром, а возвращались поздно ночью — на обед почти не ходили, так как на уход с КП третьего блока, посещение санпропускника, прием пищи и возвращение тратилось около двух часов. А на КП пить, курить, а тем более есть было запрещено. Надеюсь, читателю ясно почему? И вот я единственный раз пошел на обед в столовую АЭС, а когда вернулся на КП, то оказалось, что было серьезное происшествие, которое чуть не имело трагические последствия.

Уходя с блока в тот раз, я оставил за себя близких своих помощников — заместителя главного инженера ЧАЭС Галуцака В. С., прибывшего на замену Самойленко Ю. Н., и подполковника Сотникова А. П. Они, как правило, проводили очень добросовестно инструктаж. От толкового и четкого инструктажа зависел успех выполнения той или иной работы. Это понимали и командиры, и солдаты.

Так вот, вернувшись с обеда, я пошел на КП и стал смотреть по телемонитору работу очередной смены. Протяжно завывала сирена, солдаты тут же побросали свой инструмент на местах работ, хотя им нужно было вынести его из зоны и положить, где брали, то есть на определенной площадке, и бросились бежать наутек к отверстию в трубной площадке, чтобы затем через него спуститься вниз. Однако они проскочили мимо этого отверстия, не заметив его — или с перепугу, или оттого, что был недоходчивый инструктаж, — рванули вокруг трубы и только со второго захода едва нашли выход.

Я приказал командиру части привести всю смену, проверил их личные дозиметры. Оказалось, к счастью, все в норме. Затем сделал разбор допущенных ошибок в присутствии очередной смены. В замедленном темпе провел подробный инструктаж и поставил каждому солдату конкретную задачу, способ выполнения, указал, кому и какой взять инструмент с собой, где его взять, показал по телемонитору место нахождения его и порядок следования в район работ и возвращения.

Мои помощники — Галуцак и Сотников внимательно выслушали этот урок и, несомненно, поняли свою ошибку. Смотрю на них — ребята переживают, однако не обошлось и без серьезного внушения. Тут же я отправил их на обед и сказал: «Хорошенько отдохните и будьте более внимательны при инструктаже». По всей вероятности, они прилично устали. Сам больше с тех пор на обед не ходил.

Продолжая свой рассказ о разведчике Геннадии Петровиче Дмитрове, мне очень хотелось бы подчеркнуть его честность и нетерпимость к обману. Как-то он, весь бледный, подбегает ко мне, подводит одного солдата и говорит: «Николай Дмитриевич, вот этот солдат мухлюет с дозами облучения. Он кроме нашего дозиметра, установленного на груди под защиту, добыл где-то еще дозиметр и положил его в карман, а на контроль представил не наш, а свой дозиметр. Что делать?» Солдат действительно проявил нечестность, но он выполнил свой долг, он работал в опасной зоне. Я пригласил командира подразделения и попросил разобраться по совести. Как уж там его наказали, я не знаю, но до сведения участников операции этот факт был доведен. Ведь все были добровольцы, и мы всем предоставляли возможность перед выходом на выполнение задания еще раз подумать и решить, идти им или не идти в зону.

Осуществляя руководство этой сложной и опасной операцией, в которой проявились самые лучшие качества наших воинов — и смекалка, и физическая выносливость, и мужество, и безграничная любовь к Родине, я невольно обращался снова и снова к периоду Великой

Отечественной войны, к ее героям, их подвигу, их неувыдаемой славе. В эти трудные минуты Чернобыля я в который раз вспоминал брата и отца.

* * *

...Шел июль 1944 года. С фронта вернулся на костылях старший брат Иван. Ему было всего 23 года, а он стал инвалидом первой группы. Прибыл с войны в звании капитана, с орденами и медалями. Сколько его ни лечили в госпиталях, но припадки эпилепсии долго не покидали его. Он получил контузию от тяжелого ранения в голову, не считая ранения легких, правого предплечья. Когда мы ходили купаться на Дон и он раздевался, я видел — живого места, как говорят, на нем не было. Но самое страшное было в нашей семье, когда случались эти припадки с Ваней. Он, как правило, терял сознание, падал где попало и непременно кричал каждый раз одно и то же: «Сережа! Прикрой! Я иду за «мессером»!» В такие моменты, кто оказывался рядом с ним, держали Ваню за голову, чтобы он не ударился в этих конвульсиях, за ноги, а мы с Борей держали каждый по одной его руке. Припадки длились 15—20 минут. Когда это случалось с братом, то кто-то из нас опрометью искал маму и сообщал об очередном приступе у Ивана. Мать неслась в хату, делала ему примочки из трав, мы поднимали голову, а она большой деревянной ложкой пыталась влить лекарство ему в рот. Удавалось ей это не сразу, так как зубы у брата были стиснуты и он все время пытался биться головой. Наша милая мама исходила вся слезами, а порою просто рыдала, но только в темном чуланчике, в полном одиночестве.

В эти жуткие минуты мы не знали, что же нам делать, чаще тоже плакали, не в силах облегчить неимоверные муки брата.

Потом Иван приходил в себя и долго сидел, рассказывая о своем последнем воздушном бое в районе Брянска. Эскадрилья Ванюшки бесстрашно сражалась с фашистскими воздушными стервятниками. По его рассказу, бой завершился удачно. Но один из немецких асов приотстал, и Иван решил нагнать его. В это время у него на хвосте оказался вместо ведомого — Сережи фашистский «Фокке-Вульф-190». Иван настиг немецкого аса и сбил его, но и сам был подбит.

Тяжелораненый брат выбросился на парашюте. Местность, на которую он приземлился, была занята немцами, но он упал в лес. После приземления Иван оказал себе посильную медицинскую помощь, главное — были бинты, которыми крепко забинтовал голову и грудь. В лесу никаких признаков людей не было. Он двинулся к линии фронта. Выходил из окружения около двух недель, испытывая тяжелейшие головные боли. За все время ему пришлось только дважды подстрелить дичь и в земле, по деревенскому обычаю, эту дичь зажарить.

До линии фронта Ивану оставалось совсем немного.

Как-то под вечер он пробрался к речке. Дело было глубокой морозной осенью, и по воде плыло «сало» — так назывались первые льдины, когда они, еще не став, плывут по рекам. И вдруг к нему идут трое немцев с автоматами. Патроны в пистолете все закончились, но Иван решил во что бы то ни стало вырваться от них. Все его документы были под стельками в сапогах. Одежда была добыта гражданская, по все же фрицы, когда посмотрели на забинтованную голову и офицерские сапоги, определили, что им попался советский офицер.

Один из фашистов предлагал другим не церемониться и тут же его расстрелять, а два других настаивали доставить его в штаб. Иван прекрасно понимал, о чем шла речь. В нашей школе и до войны, и после войны преподавание немецкого языка было очень хорошо поставлено. Пока они спорили, Иван, улучив момент, бросился с крутого берега в ледяную воду. Была не то чтобы сплошная темнота, но густые сумерки. Немцы, как только он бросился в воду, открыли по нему беспорядочный огонь. Иван периодически выныривал из воды, набирал воздух и снова погружался в воду. Фашисты не успевали взять его на прицел. Короче говоря,

брат переплыл речку и пошел в ближайшее село, где светились огоньки. Было несколько домиков. Это были уже свои. Иван было обрадовался, но радость была преждевременной. Он постучал в один, другой... последний домик, но так никто и не открыл дверей, не пустил его. На окраине села Иван заметил стог сена и пошел к нему. Он проделал себе нору и, весь обледеневший, забился в это сено, кое-как заделал за собой отверстие и вскоре заснул. Сколько спал, он не помнит, проснулся — снова пасмурно. Это было утро.

Брат долго не мог понять, взять в толк: ну почему его не пустили в хату? Казалось бы, ведь это уже на нашей территории. Жили там советские люди, которые слышали стрельбу и, видно, сообразили, что кто-то убежал от немцев и прячется. Позже он все же через райвоенкомат докопался, что это были выселки для кулаков и жили там действительно люди, но только не советские. Это была кулацкая мразь. Куда она потом подевалась, никто не знает, после войны там уж никто больше не проживал.

Иван добрался в полном изнеможении до своих. Вскоре его отправили в госпиталь в город Бийск Алтайского края, где он пролежал более полугода. Медсестра Тамара, которая за ним ухаживала, вышла за него замуж и приехала к нам в Гремячье.

За последний воздушный бой брат был награжден орденом Отечественной войны I степени, который, однако, его «нашел» только после войны, в Магадане. Из всех заслуженных наград он больше всего любил этот орден и постоянно носил его на любом пиджаке, будь то рабочий или выходной. Даже и сейчас не могу понять, с чем это связано: ведь у него были и более высокие награды Родины. То ли это ему постоянно напоминало о небе, в котором он так любил бывать, то ли в память о последнем жестоком сражении с фашистами, то ли в память о своем ведомом Сергее, но любил он этот орден больше других и гордился им.

Брата неоднократно лечили в военном госпитале города Воронежа. Но положительных результатов почти не было. Тогда мама решила лечить от этого недуга своими народными средствами. Все мы принимали участие в сборе различных трав в лесу, на лугу, на горе и даже в своем большом саду. Мать готовила из них всякие снадобья и поила Ивана. Заваривала эти травы в деревянной бочке, и подолгу в этом отваре парился брат, потом пил козье молоко с медом, укутывался в тулуп и спал. Очень и очень медленно отступала хворь.

Несмотря на полный покой, приступы у брата все еще не прекращались. Они появлялись внезапно, порою без особого его возбуждения, даже тогда, когда он был в хорошем настроении. Помню, из Бийска приехала наконец его жена Тамара с маленькой дочуркой. (Они почему-то не смогли приехать сразу вместе с Иваном.) Положительные эмоции от встречи с женой и дочкой, казалось бы, должны были благотворно повлиять на его состояние. Однако в первые же минуты произошел тяжелый приступ.

Пожила Тамара с дочкой у нас около месяца, потом собралась и, вся в слезах, уехала к своим родителям в Бийск. Мы так и не знаем, почему уехала Тамара. По ее поведению мы понимали, что она не хотела уезжать. И мы только догадывались, что Иван убедил ее в неизлечимости своей болезни и безнадежности своего положения: ей просто лучше с ним расстаться. Но это только наши догадки.

Люди в селе, особенно соседи, были очень добрые и сочувствовали нам. Однако, как говорят, в семье не без урода. Кто-то брата в запале гнева обозвал «припадошным». У него прямо на улице случился самый тяжелый приступ, и мы думали, что на этот раз он не выживет. Собравшиеся соседи плакали вместе с нами. Его очень все любили в деревне за доброту, отзывчивость, готовность помочь человеку в любую минуту.

После первого ранения в 1942 году он лечился в Иркутске, потом прибыл в краткосрочный отпуск в апреле месяце. Правая рука почти не действовала, он даже не мог застегнуть пуговицы на брюках и орудовал левой рукой. А апрель месяц у нас — время разлива Дона. И на этот раз Дон настолько разлился, что многих это половодье застигло врасплох. Иван,

с одной фактически рукой, сел на лодку, весло держал левой рукой, а правую только прижимал к туловищу и поплыл в Немытку спасать людей. Я уж не помню, сколько он вывез семей, но когда под вечер он вернулся домой, то левая рука была вся в кровяных мозолях. Мать очень его журила, а он все отшучивался: «Мама, мужиков, кроме меня, нет, а ты ругаешься».

В школе он отлично учился и великолепно писал маслом на клеенке. Помню, как мать иногда поругивала его за то, что всю клеенку на столе порезал на картины. Особенно хорошо писал брат пейзажи с натуры. Его картины висели в школе, дома и у близких людей. Учителя в нем души не чаяли, и, когда после первого ранения он был в отпуске, почти вся деревня перебивалась у нас. Ведь как-никак, а первый летчик из деревни был Иван.

После отпуска Иван уехал в свою часть и вновь воевал, пока не был сбит в последнем бою.

И вот он снова дома, только не узнать Ивана... Но мама не отступалась от лечения. Она часами возилась с ним, внушала: «Скоро, сынок, все недуги я из тебя выгоню». Но это «скоро» длилось около двух лет.

По выздоровлении Иван пошел на работу в среднюю школу, где преподавал военное дело, рисование и черчение. В школе он проработал до 1951 года. Тем временем почти вся наша семья продолжала учиться: Петя, Мария, Борис, Нина и я. Я уже учился во втором классе, и по-прежнему нашей школой был частный дом, но только теперь в другом месте. Совсем недалеко от Дона отремонтировали нам хату, и мы чувствовали себя в ней более уютно, нежели у деда Сени. Однако дом был сырой, так как в период половодья его под крышу заливало водой и эта сырость за лето едва исчезала. После спада воды учиться в этом доме не совсем приятно. Постоянно стояла сырость, да еще мешали оголтелые крысы, которые вылезали из нор в глиняном полу и нахально бегали по классу. При виде их девчата дико орала. Мы решили от крыс избавиться довольно простым способом. Подготовили палки, определили несколько человек, кто этими палками будет бить крыс, а кто будет закрывать норы в тот момент, когда они побегут в свое логово во время «облавы». Несколько таких «операций» мы провели успешно и почти всех крыс перебили. Правда, наши девчонки уж больно громко кричали от страха, забирались на парты, но из класса не уходили, смотрели, как мы их защищаем от крыс. Им было это по душе. Урок, а то и два срывались. Но все это было под руководством нашей учительницы Анастасии Тихоновны, которая боялась, но на парту не залезала, а сидела на стуле, поджав под себя ноги. После «облавы» на крыс Анастасия Тихоновна нас хвалила.

Зимой в классе было очень холодно, и мы обычно сидели и занимались в теплой одежде, а в левой руке, в варежке, привычно держали чернильницу и изредка дышали на нее, чтобы чернила не замерзли.

Учениками мы были очень сплоченными, все как один тянулись к знаниям с непреодолимой силой. Мы непременно мечтали выучиться на учителей, врачей, инженеров, стать офицерами — эта мечта была у абсолютного большинства мальчиков. Даже в эти детские, еще совсем незрелые годы мы были полны мечтаний и делились ими друг с другом.

Сейчас, вспоминая время моей учебы, думаю вот о чем. Мы учились в необорудованных помещениях, без тетрадей и учебников. Но было у нас огромное желание учиться, а у учителей столь же большое и бескорыстное желание научить. И так училось целое поколение. Теперь другое время, другая детвора. Есть прекрасно оборудованные классы (пусть и не всегда с компьютерами), есть тетради и канцпринадлежности, имеются и учебники, хоть и не всегда лучшим образом составленные. Но вот беда — все более заметной становится утеря у ребят интереса к знаниям. Мало того, и учителей-то, похоже, все меньше интересуют результаты собственного труда. Все реже проверяются тетради, реже проводится предметный, заинтересованный разбор школьных сочинений, нечасто слышится восторженный возглас учителя математики по поводу успешно решенной его учеником задачи. Кто-то что-то пишет,

кто-то молча ставит оценку. Школа становится бухгалтерией. А хочешь знать больше — иди к платному репетитору. Но ведь это не каждому доступно, да и ведет репетиторство к социальному расслоению общества.

Спрашивается: чье поколение в большей мере страдает от недостатка знаний, а следовательно, от некомпетентности? Видимо, недоучены и те, и другие. Но причины разные... А представители какого поколения проектировали несработавшие в Чернобыле роботы и манипуляторы? Да и вообще, кто повинен в отставании отечественной науки и техники по ряду важнейших позиций? Думается, и молодые, и пожилые.

Вот потому-то столь остро стоят проблемы реформы образования в стране. Но пока ученые мужи ломают голову над ними, каждый из нас — молодой или пожилой — должен критически взглянуть на себя, оценить свою недоученность и постоянно работать над ее ликвидацией. И вопрос это — нравственный, в полной мере проявившийся и в Чернобыле.

* * *

27 сентября был очень памятный для меня день. В это утро мои коллеги по операции на АЭС в шутку говорили: «Ну наконец-то чернобыльского генерала снимают с трубы». Но это была только маленькая передышка. Дело в том, что 26 сентября прилетел из Москвы генерал армии Варенников В.И. Мне уже поздно вечером сообщили, что на следующее утро он будет меня заслушивать по ходу нашей операции и по другим вопросам. В эту ночь я хорошо отоспался. У меня была большая комната в одном из общежитий в Чернобыле. Никаких шпаргалок для доклада я не готовил — вся информация держалась в голове. Только мысленно систематизировал основные вопросы. Генерала армии Варенникова я уже знал немного, так как он неоднократно приезжал к нам и мы не раз отчитывались за свою работу. Мне очень нравился этот высокообразованный, эрудированный и весьма интеллигентный человек. Если честно говорить, то, на мой взгляд, он эталон военачальника: исключительно принципиален в оценке деловитости генерала или офицера, не терпит пустых докладов и фраз, внешне спокоен, подтянут.

Однажды в очередной приезд он очень скрупулезно проверял войска по секторам. За мной был тоже закреплен сектор, в котором я отвечал за научно-практическое обеспечение всех видов работ, ну и, естественно, владел обстановкой в данном секторе. И вот, когда началось заслушивание начальника оперативной группы сектора, то тот как-то растерялся и неважно доложил. Оказалось позднее, что он был тяжело болен. А бывший командующий войсками Прикарпатского военного округа генерал армии Беликов все держал его на секторе и не давал замену: сиди, мол, еще 25 рентген не набрал.

Тогда Валентин Иванович спокойно спрашивает меня: «Ну, что скажет наука? Вы курируете этот сектор?» Я встал и доложил всю обстановку, объемы работ, успехи и что в секторе не ладится. После моего выступления совершенно в спокойных тонах генерал армии Варенников провел разбор. Он никого не унижил, не оскорбил, а очень вежливо, но жестко дал оценку офицерам и штабу и потребовал овладеть обстановкой. Было это в поселке Диброво, как сейчас помню.

Чуть позже генерал армии Варенников поставил нам срочную задачу — проинспектировать военные строительные отряды, которые были прикомандированы к Минэнерго, вели строительство в Зеленом Мысе и выполняли работы на АЭС. Отмечалось низкое состояние дисциплины. Нам предстояло не просто проинспектировать, а встретиться с солдатами, сержантами, офицерами, выявить причины, определить их занятость.

Мы вместе с генералом Евдокимовым, полковником Невмовенко и другими офицерами вылетели на вертолетах прямо к ним в палаточный городок, недалеко от Чернобыля. Они

дислоцировались в поселках Страхолесье, Зеленый Мыс. Времени было в обрез. В течение дня мы проверили организацию и производство работ, жизнь и быт личного состава, морально-политическое состояние, поговорили со многими воинами по душам, пообедали вместе с ними. Четко просматривалось одно — слабая занятость личного состава и отсутствие работы с ним.

Ночью мне поручили обобщить акт проверки и доложить генералу армии. Просидел до утра. К 9.00 машинистка успела отпечатать этот документ. Утром 27 сентября состоялось совещание в Чернобыле. До совещания генерал армии Варенников долго расспрашивал меня о работах на АЭС, особенно его интересовало состояние строительства «саркофага», его фильтро-вентиляционной системы, результаты работ по дезактивации первого и второго энергоблоков, состояние третьего блока и что сейчас на нем делается, как выполняются указания начальника Генштаба по работам на деаэрационной этажерке третьего блока. На все его вопросы, на мой взгляд, я дал нужные пояснения. В этой же комнате сидел доктор технических наук генерал-майор Дорофеев Юрий Павлович — представитель начальника инженерных войск. Он когда-то писал кафедральный отзыв на мою диссертацию. И вот я не понял генерала армии, почему меня пытаются по этим вопросам. Позже, уже на официальном совещании, он заслушал доклад о ходе операции по удалению высокорadioактивных веществ с крыши третьего блока и трубных площадок. Голос я почти совсем потерял, с хрипом докладывал о мужестве наших солдат, сержантов и офицеров, о выполненных объемах работ, о том, что еще осталось сделать. Генерал армии Варенников сказал, что он только что вернулся из Афганистана, где нелегко воинам-интернационалистам выполнять свой долг. «Но и у вас, — далее сказал он, — тут ничуть не легче». Потом поблагодарил меня за доклад, пожелал успехов в завершении этой операции и отпустил с совещания вновь на трубу.

Через час я вернулся в свои «пенаты», где ждали меня мои помощники и работа. И только позже я узнал от своих близких товарищей Каурова и Невмovenко, что на совещании офицеров генерал армии Варенников дал высокую оценку моему докладу и сказал, чтобы мне оказали всяческую помощь в подготовке доклада высшему руководству нашей страны, которое в первых числах октября посетит Чернобыль. Однако приезд не состоялся, и мой доклад тоже, о чем многие сожалели, так как большинство людей ждали и готовились к этому приезду.

В соответствии с разработанной технологией производства дезактивационных работ в особо опасных зонах с высокими уровнями радиации на крышах третьего блока и на трубных площадках, как ранее было изложено, работы начались с первой трубной площадки во избежание дополнительного воздействия ионизирующего излучения сверху на воинов, работающих в зоне «М». После выполненных работ уровни радиации на первой трубной площадке значительно снизились. Кроме того, при выполнении работ с первой трубной площадки неизбежно в зону «М» попадала некоторая часть тех радиоактивных продуктов, которые сбрасывались в реактор четвертого энергоблока, и уже при работах в зоне «М» она удалялась.

После выполнения работ в зоне «М» и на первой трубной площадке уровни радиации были в десятки раз ниже, и далее дело несколько упрощалось. Однако работы на высоте требовали физически подготовленных и мужественных людей. Немаловажную роль играл возраст. На этот раз генерал Плышевский запретил мне выполнять эти работы с солдатами.

В соответствии с решением Правительственной комиссии работы по дезактивации второй, третьей, четвертой и пятой трубных площадок были поручены курсантам Харьковского и Львовского пожарно-технических училищ МВД СССР. Курсанты были подобраны в добровольном порядке, имеющие отличные спортивные результаты по пожарно-прикладному виду спорта, успешно преодолевающие высоту на легких пожарных лестницах. Мне было очень жаль подвергать их жизнь опасности. Но решение есть решение.

30 сентября курсанты прибыли на ЧАЭС для получения задания. В 17.00 того же дня мы с

Юрой Самойленко провели эксперимент по расчету времени на подъем до второй, третьей, четвертой и пятой площадок и возвращение обратно на исходный рубеж. Одновременно ставилась задача провести инженерную и радиационную разведку, то есть определить на каждой площадке ориентировочный объем и вид работ, а также провести замеры уровней радиоактивного заражения.

Всю эту программу успешно выполнил курсант Сорокин Виктор Борисович за 15 минут, проявив мужество, смекалку и находчивость бывшего солдата, воина-интернационалиста.

Сорокин был экипирован полегче, так как мы уже располагали данными, что уровни радиации на этих площадках менее опасные, чем в зонах «Н», «М» и на первой трубной площадке. На некоторых высотных площадках не удержались и побывали разведчики Юрченко А. С., Дмитров Г. П. и два капитана из воинских частей.

Курсанта Сорокина снарядили коротковолновой радиостанцией для связи с нами, прибором ДП-5, карандашом и блокнотом. Его также хорошо проинструктировали, по телемонитору более детально просмотрели с ним сложный маршрут выдвижения на первую трубную площадку. Подвели мы с Юрой Самойленко Сорокина на «старт», где офицер дал команду: «Вперед!» — и запустил секундомер. Сорокин, словно кошка, мгновенно выскочил по пожарной лестнице и через отверстие прошел на крышу третьего энергоблока; будто на соревнованиях, преодолевая полосу препятствий, рванул через зону «К» в зону «М». Подбежал к трубе и вновь по металлической лестнице поднялся на первую, уже чистую площадку, нашел на этой площадке металлическую лестницу — она была со стороны аварийного реактора — и так же быстро поднялся на вторую, затем на третью площадки. Мы по телемонитору наблюдали за ним. Потом он вышел из поля зрения камеры, и тут же прервалась с ним радиосвязь. Мы почуяли что-то неладное. Побежали с Юрой Самойленко по пожарной лестнице (это уже было нам не впервой) на крышу третьего блока. Смотрим наверх — а курсант Сорокин штурмует уже пятую трубную площадку! Тут мы успокоились: просто, радиостанция в полях ионизирующих излучений вышла из строя. Через двенадцать минут Сорокин уже был внизу и мы его обнимали. Посадили за стол, положили теперь чистый лист бумаги и сказали ему: «Ну, Витя, напрягай свои извилины и выкладывай данные разведки на бумагу». Он совершенно спокойно нарисовал радиационную и инженерную обстановку по каждой площадке, причем проставил точные цифры, которые держал в памяти, он наверняка и теперь их помнит. Потом добавил, что человек тридцать—сорок вполне этот объем работ выполнят.

В соответствии с этими расчетами мы распределили курсантов по площадкам и ориентировочно спланировали время работ в соответствии с наличием на них уровней радиации.

1 октября 1986 года в 9.00 прибыли курсанты. В строю было немногим более тридцати человек. До них были доведены результаты эксперимента Сорокина и поставлена задача на выполнение работ на трубных площадках. Особое внимание было обращено на соблюдение мер безопасности.

Первыми открыли работы курсанты Харьковского пожарно-технического училища МВД СССР Горбенко В. С. и Кушаков П. К. Они быстро достигли пятой площадки и полностью очистили ее, а уже по возвращении дополнительно решили поработать на второй площадке, пока не зазвучала электросирена и не вернула их на исходный рубеж. Общее время работ этой группы составило 22 минуты. Это замечательные ребята, мужественные патриоты.

Для дезактивации четвертой трубной площадки была подготовлена и направлена группа из двух человек — курсанты Фролов А. И. и Зубарев В. Л. Времени на очистку этой площадки было затрачено 20 минут. Они так же качественно и быстро выполнили задачу.

На третью площадку были направлены одна за другой команды с интервалом в 15 минут. Это курсанты из Харьковского училища — Косогоров В.Г., Коцюба А.В., Лобов Ю.Г., Луконец В.В.

и из Львовского училища — Блашко И. Д., Светицкий А. В.

Общее время, затраченное на дезактивацию третьей площадки, составило 1,5 часа. Работы тоже были выполнены четко и аккуратно.

Дезактивацию второй площадки выполняла команда курсантов Львовского училища. Это курсанты Придиус Н. С., Саулен Ю. В., Дремлюга А. П., Колачун Ю. С., Климчук С. Н., Ильюн В. С. и два курсанта Харьковского училища — Мишкевич В. С. и Гошев А. В. Работу по дезактивации завершили майор Судницын М.В. и курсант Авраменко В.Н. Все трубные площадки, несмотря на значительную высоту, были очищены от радиоактивных продуктов в первой половине дня.

Чистку зоны «М» от упавших кусков графита с трубных площадок выполнили воины гражданской обороны уже во второй половине дня.

Навсегда запомнится 1 октября — заключительный день нашей операции. Сделать надо было особенно много. На площадке «М» находились два поврежденных робота. Они оказались в «плену», увязнув в графите и других продуктах выброса. Роботы удалось убрать с помощью вертолетов, но для того, чтобы их очистить, высвободить и зачалить, пришлось послать несколько смен солдат. И везде наш незаменимый солдат... Потом в ход пошли гидромониторы и ручные пожарные стволы. Работами руководил В. Голубев, прибывший в Чернобыль со Смоленской АЭС. Мужества, технической сметки этому человеку не занимать.

В половине девятого вечера смена воинов-химиков в составе младшего сержанта В. Парфениса, рядовых В. Борисевича, С. Михеева, Я. Тумаинса сбросила в развал последние куски графита, последние осколки ТВЭЛ. Протяжнее, чем обычно, завывала электросирена. Все, кто был на КП, закричали: «Ура!»

Поздно вечером 1 октября мы подвели общие итоги выполненных работ за весь период операции. Были сброшены в развал многие тонны смертоносного груза. Не было приписок. Каждый солдат о выполненной работе докладывал офицеру-статисту из своего подразделения. Кроме того, контрольный учет вел подполковник Кочетков из штаба руководства операцией. Но главное не в цифрах, а в том, что задача, поставленная решением Правительственной комиссии, была выполнена. Практически все выброшенные взрывом высокорadioактивные материалы были собраны и сброшены в аварийный реактор.

Окончательно радиационную обстановку оценили дозиметристы Стародумов В. М., Юрченко А. С., Дмитров Г. П. и другие разведчики. Они тоже отмечали, что вся масса убрана, но в отдельных местах наблюдаются «прострелы» высоких уровней радиации. Эти точки — результат вкрапления раскаленных продуктов выброса с элементами ядерного горючего в рубероидно-битумное покрытие. И вполне понятно, что дальше нужно было сдирать эту кровлю. Но нас уже на эту работу не хватило, так как чувствовали себя скверно.

В день окончания работ по удалению продуктов выброса из указанных зон мы доложили в Правительственную комиссию. Нас поздравили и тепло поблагодарили. Мы стали разъезжаться, но прежде съездили на СИЧ в поселок Терехово, где я «побил рекорды» по содержанию в организме стронция и цезия. На втором месте был Владимир Михайлович Черноусенко.

На следующий день был намечен подъем флага на вентиляционную трубу. Инициатором выступил Самойленко Ю. Н. Откровенно говоря, я и Юрченко были против этой затеи, так как после нашей операции начали форсировать работы по закрытию «саркофага». Одним из активных строителей этого сооружения был заместитель главного инженера по строительству Евгений Михайлович Акимов. Он часто бывал у нас на командном пункте, видел тяжелую работу и все же шутливо говорил: «Ну, гвардейцы, прибавьте еще чуть-чуть. Это ведь последний бой, он трудный самый...» Евгения Михайловича мы очень любили как прекрасного человека, талантливого строителя, замечательного товарища, обладающего неиссякаемым юмором. Мы с ним сошлись еще на одном — на любви к поэзии. В короткие перерывы он иногда приходил ко

мне и говорил: «Товарищ генерал! Разрешите обратиться?» Выправка у Евгения Михайловича, его подтянутость и общая собранность были под стать кадровому офицеру. Я отвечал ему: «Ну что тебе, мой разлюбленный, опять пришел торопить и без того загнанных до последнего пота воинов?» Он в ответ: «Никак нет, товарищ генерал! Вам полагается перекур!» Я ему говорю: «А курить в условиях радиации — это все равно что прыгнуть в твой «саркофаг». Женя опять: «Да не в куреве дело! Вы же мне так и не рассказали о коварной роли одной красавицы в жизни Пушкина. Помните?» Я отвечаю: «Помню, но не время». Не только эту историю, а все, что Женю интересовало из жизни Пушкина и других моих любимых поэтов, я подробно ему все-таки рассказал, но только на больничной койке в Киеве и Москве. Под стать отцу и его сын Игореша — так мы ласково называли его в Чернобыле. Талантливый инженер, очень мягкий и добрый, бесстрашно проработавший многие месяцы на ЧАЭС.

Идею с поднятием флага Самойленко согласовал с Правительственной комиссией и получил «добро». Он мог убедить своей логикой и напористостью кого угодно. Некоторый смысл с поднятием флага, конечно, был, так как завершён самый тяжёлый и опасный период ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Первый и второй энергоблоки были опробованы и готовились к рабочему пуску. Самая огромная масса высокорadioактивных продуктов от взрыва была собрана и захоронена.

Красный флаг изготовили настоящий. Древко для флага сделали из металлической трубки и разборное. Подобрали ассистентов, это — Юрченко А. С., Стародумов В. М. и подполковник Сотников А. П. Все были достойными водружения флага. Но высота трубы немалая — 140 метров. Ее нужно преодолеть с учетом присутствия оставшейся радиации. Но дело было для всех тоже добровольное, и желающих выполнить эту миссию было немало.

Мы собрались на командном пункте, прибыли корреспонденты с телевидения. Кстати, в период операции у нас частенько были кинооператоры с Центрального телевидения из Москвы, с Украинского телевидения. Особенно частыми гостями были киевские кинооператоры во главе с Солганником Х. Е. Они регулярно освещали в передачах по телевидению нашу операцию. Хэм Елизарович — бывший фронтовик. Он очень любил армию, а потому, рискуя, тоже лазил в это пекло.

Помню, прибыл на третий блок в разгар операции комментатор программы «Время» Александр Крутов со своей группой. Тут что-то и так не ладилось — то ли эта проклятая сборка встала помехой, то ли еще что-то. Короче говоря, было не до них. Я хотел избавиться от гостей, попросил не мешать нам работать и тихо удалиться. Они стояли на своем. Тогда дал им понять в резкой форме на армейском языке. Ан нет, они в ответ: «Имейте в виду, мы вас записываем». А я им: «Ну и хрен с вами, пишите что хотите — только уходите». Но разве от них отвяжешься? Потом говорю, что в зоне работ уровни радиации, опасные для жизни. Они парируют: «Если солдаты работают, значит, и с нами ничего не случится». Да, это были настоящие, мужественные кинооператоры, отснявшие уникальные кадры нашей операции и показавшие всему миру, на что способен советский человек, побеждающий атомную стихию. Но многое вырезали на Центральном телевидении, как обычно умеют у нас под всяким соусом, даже и в период гласности, корнать правду.

Так вот весь наш штаб с командного пункта по пожарной лестнице через проем в перекрытии вышел на площадку в зону «М». Состоялся небольшой митинг, и мы, крепко пожав руки Юрченко, Сотникову и Стародумову, благословили их на поднятие флага. Процедура в общей сложности заняла минут пятнадцать. Ребята благополучно водрузили флаг и спустились вниз. Мы тепло их поздравили, крепко обнялись со всеми, кто был с нами, затем сняли на КП большую панорамную фотографию «нашего плацдарма». Потом уже, когда снимок был готов, все расписались на нем. Два десятка подписей скрепили нашу крепкую дружбу — дружбу людей, представляющих народ и армию, посланцев самых разных уголков Отчизны. По

единодушному решению эту фотографию мне вручили потом на память о уже былом сражении на Чернобыльской АЭС.

2 октября 1986 года в 16.00 часов, распрощавшись со всеми близкими товарищами по Чернобылю и начальством, я вертолетом улетел из Чернобыля. За мной прилетел вертолет Ми-8. Командир его экипажа — майор Рогачев А. И. При выполнении интернационального долга в Афганистане он был награжден двумя орденами Красной Звезды. В Чернобыле этот экипаж показал себя настоящими асами, профессионально подготовленными, мастерски управляющими машиной. Мы не раз с ними зависали над аварийным реактором для изучения обстановки, летали по областям. Особенно памятным остался срочный вылет в Брагинский район Гомельской области. Дело в том, что среди населения района появились нездоровые настроения, связанные с якобы повышенным уровнем радиации. Народ стал писать жалобы в Москву. Мы получили срочное задание еще раз уточнить радиационную обстановку в населенных пунктах этого района и взять для анализа пробы земли, воды, продуктов, измерить гамма-фон.

Для выполнения задачи, как и обычно, нам нужно было срочно переговорить с руководством партийных и советских органов района, выработать совместный план и программу работ, определить подлежащие проверке населенные пункты. Подлетели к центру района. Никаких опознавательных знаков для посадки вертолета не было. Сделали еще один круг — то же самое. Время на пределе. Спрашиваю майора Рогачева: «Сможешь посадить вертолет прямо на одну из улиц Брагина, рядом с райисполкомом?» Он тут же отвечает: «Конечно, смогу!» Через несколько минут мы приземлились на улице рядом с исполкомом. Правда, работники ГАИ были в недоумении от неожиданного «десанта», автомобильное движение на несколько минут они приостановили, а жители радостно нас приветствовали. Как только мы вышли из вертолета, он тут же взмыл в небо, и командир, отыскав стадион школы в самом Брагине, произвел посадку, где нас и ожидал. Было выиграно время, которого хватило на проведение короткого совещания в райисполкоме для уточнения обстановки и принятия решения на выполнение задания. Наметили населенные пункты, проводников и день операции. И все же наиболее опасными и сложными полетами были полеты над Чернобыльской АЭС и прилегающей к ней сложной зоне.

В период выполнения операции по удалению высокорadioактивных материалов с крыши третьего энергоблока и трубных площадок главной вентиляционной трубы мы часто вылетали на рекогносцировку на вертолете борт №30, командиром экипажа которого был капитан Воробьев Владимир Константинович. В составе экипажа были старшие лейтенанты Христин Леонид Иванович и Юнгкинд Александр Евгеньевич. Все офицеры этого экипажа были исключительно мужественные и хорошо профессионально подготовленные, очень скромные люди. Даже какие-то незаметные, ненавязчивые.

Много раз мы с Юрием Николаевич Самойленко, Владимиром Михайловичем Черноусенко, корреспондентом АПН Игорем Федоровичем Костиным, Евгением Михайловичем и Игорем Евгеньевичем Акимовыми и другими помощниками вылетали с экипажем, зависали над разрушенным четвертым энергоблоком АЭС, уточняли инженерную и радиационную обстановку. В это же время бесстрашный, отличный корреспондент Игорь Костин делал нам и для АПН снимки крупным планом, которые были весьма необходимы для выполнения операции.

Командир экипажа Володя Воробьев так мастерски всегда зависал над реактором у этой самой проклятой трубы, что машина, бывало, даже не шелохнется. Мы с Юрой Самойленко быстро наносили на свою картограмму ориентировочные объемы продуктов выброса, места их размещения, определяли состояние конструкций ограждения, прикидывали маршруты выхода в особо опасную зону у основания этой трубы, а Костин, полностью открыв дверцу вертолета, не

теряя времени, щелкал, как из автомата, своим «оружием» — фотоаппаратом. Однажды он даже забыл впопыхах пристегнуться тросами и какое-то мгновение отделяло его от пропасти. Пришлось Игорю Федоровичу «поддаться жару» и, более того, сказать ему, что больше на борт мы его не берем, так как он большой непоседа. Однако он тут же в шутку сказал капитану Воробьеву: «Что ты, Володя, свой «самовар» раскачал так, что я и впрямь чуть не угодил в эту адскую пропасть. Вот только меня там и не хватало! Вот уж тогда можно будет перекрывать «саркофаг». Обычно вертолет в режиме зависания находился в таком состоянии, что даже чай в стакане не мог расплескаться. Это сам Костин чересчур суетился, меняя позы.

Воробьева знали в Чернобыле как отважного вертолетчика, который проявил мужество и героизм при выполнении интернационального долга в Афганистане. Он, будучи тяжело раненным, посадил подбитую душманами машину на свою территорию, за что был отмечен государственной наградой.

30 сентября у нас был последний вылет на осмотр крыш третьего блока и трубных площадок. На борту были все те же спутники: Самойленко, Голубев, Черноусенко, Костин, Саушкин. Было это пополудни. На разведку мы затратили чуть больше часа. Все обошлось благополучно. Операция подходила к концу. Вернулись на вертолетную площадку в Чернобыль. Солнышко склонялось к закату. Кругом стояла мертвая тишина. Мы, изрядно уставшие, едва вывалились из вертолета, несколько размялись и направились было к машинам, чтобы ехать на АЭС. Тут командир экипажа капитан Воробьев обратился ко мне с просьбой сфотографироваться на память у вертолета. Я ответил ему: «Ну, Володя, и нашел же ты время!» А он как-то застенчиво: «Товарищ генерал, даже на войне люди находили эту минуту. Вернемся в Забайкалье — покажем своим женам и детям этот снимок». Я дал согласие, а Игорь Костин расставил всех нас у вертолета и сделал несколько кадров. Теперь уже не знаю, успели ли Володя и его боевые товарищи посмотреть на этот последний снимок в Чернобыле... Но в семьях он должен быть — так заверил меня Костин.

В первых числах октября, после успешного завершения операции по удалению высокорadioактивных материалов с крыш третьего энергоблока и трубных площадок, в Чернобыль прилетел начальник химвойск генерал-полковник Пикалов В.К. До этого он неоднократно бывал у нас, и мы непременно встречались по многим служебным вопросам.

Мы многое знали о его активном участии в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Он прибыл одним из первых в Чернобыль — прямо со сборов. В течение нескольких минут Владимир Карпович поднял по тревоге часть химзащиты и направил на место аварии. Передовая группа химиков, возглавляемая П. Выбодовским, прибыла на транспортных самолетах, а основные силы под командой майора В. Скачкова — 29 апреля в железнодорожном эшелоне.

В этот памятный день генерал Пикалов В. К. вместе с воинами побывал у аварийного реактора четвертого энергоблока Чернобыльской АЭС. Вполне понятно, что без эффективных технических средств и отработанных способов многого не сделать. Там, в Чернобыле, командиры и политработники чистосердечно признавались, что в войсках отсутствует опыт действий в условиях радиоактивного заражения. Трудности усугубляли и необычный состав выбрасываемых из реактора изотопов, сложившаяся неординарная ситуация. Все это, вместе взятое, заставляло перестраиваться с ходу, находить нужные пути и способы решения задач в сложных условиях.

2 мая 1986 года на Чернобыльскую АЭС прибыли члены Политбюро ЦК КПСС: секретарь ЦК КПСС Егор Кузьмич Лигачев, Председатель Совета Министров СССР Николай Иванович Рыжков, а также начальник Гражданской обороны СССР генерал армии Алтунин Александр Терентьевич. После докладов ведущих специалистов атомной энергетики было принято решение, которое определило всю стратегию и тактику ликвидации последствий аварии.

Особую активность проявил генерал Пикалов в организации подготовки и выполнения крупномасштабных работ по дезактивации территории, населенных пунктов, зданий, сооружений, в том числе и на самой АЭС. Мне лично импонировал этот человек, хотя у него были крутой нрав и свои, жесткие методы оценки деятельности подчиненных, в том числе и в условиях ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

На чернобыльской земле мы с ним впервые встретились где-то в июле месяце, и Владимир Карпович меня сразу узнал, улыбнулся, крепко пожал руку и сказал: «И ты здесь?» Я ответил: «Так точно». «Очень кстати», — продолжил он. Но первое наше знакомство состоялось ровно десять лет назад, и тоже не при ординарной обстановке. Хорошо помню, как-то зимой в 1977 году вызывает меня генерал армии Алтунин и говорит: «Завтра срочно вылетай в Пензу на переговоры с председателем облисполкома товарищем Дорошенко Виктором Карповичем, им нужно помочь, сжечь лес, в этом деле поможет Пикалов. Знаешь такого?» Я ответил, что знаю, как же, это начхимвойск. «Верно, — подтвердил Александр Терентьевич. — Вот с ним и будешь взаимодействовать, понял?» «Так точно», — отвечаю. «Ну, вперед!» А я немного оторопел, постоял и говорю: «Товарищ генерал армии! А ведь это не по нашей части — жечь лес, тут что-то нечисто». Александр Терентьевич улыбнулся и говорит: «Вот на месте и разберись, что там нечисто и что не по нашей части, потом доложишь. Времени на командировку тебе трое суток. Ясно?» «Так точно!» — отвечаю я.

На следующий день я был уже в Пензе. Меня встретил начальник штаба гражданской обороны области полковник Арефьев. Председатель облисполкома Дорошенко поздоровался с нами весьма любезно, достал крупномасштабную карту и начал рассказывать, что в этом году они должны закончить строительство плотины и заполнить всю пойму питьевой водой. Вода нужна людям и для хозяйственных нужд. Но в пойме стоит лес, который не успели вырубить и вывезти, а потому решили его сжечь. Я ему и говорю: «Как же это так — сжечь? Ведь это богатство страны, народа, и будет нерачительно жечь лес». Он тактично остановил меня и говорит: «Николай Дмитриевич, эта плотина под контролем ЦК КПСС и Совета Министров СССР, а мы опаздываем со сроками. Тебе ясно?» «Мне-то ясно», — промычал я.

Полетели смотреть объем работ. Сели в машину и — на аэродром. Нас ожидал самолет АН-2. Он поднял нас на небольшую высоту, и мы осмотрели лесной массив. Площадь оказалась приличной. Более того, огромное количество леса лежало в штабелях. «Этот лес, — сказал председатель облисполкома, — тоже нужно будет сжечь, так как не успеваем вывозить». Я промолчал. После облета попросил машину и представителя управления лесного хозяйства, чтобы поехать и посмотреть на лес своими глазами, определить, как и чем жечь эту огромную массу. Со мной поехал полковник Арефьев. Приехали, смотрю и глазам не верю: леса-то много делового, а часть его — в штабелях. Говорю леснику: «Ведь это же золото, и будет преступлением уничтожать все это огнем». А он мне зло в ответ: «У нас все можно. Так как это народное богатство, то мы привыкли говорить — все это мое. Но это, выходит, и не мое, и не твое... Облисполком прошляпил время на плановую вырубку и вывоз леса, и теперь они готовы на все ради этого плана...»

Вот так были воспитаны ответственные руководители области, а они, в свою очередь, равнялись на старших, которые проявляли волюнтаризм в самый разгар застоя и бесконтрольности. Что хочешь, то и делай, особого спроса и ответственности все равно не будет. А поэтому гори ты все синим пламенем...

Возвращаться в облисполком у меня не было никакого желания. Я видел чудесный лес, массу заготовленной ценной древесины. А перед глазами стоял наш любимый с детских лет дремучий Жиров лес...

Лес кормил нас, особенно в послевоенные годы. Мы собирали целыми корзинами малину, чернику, черемуху, грибы. Ягодой мы питались, возили ее на рынок в Воронеж. На

вырученные небольшие деньги родители нам покупали одежду, обувь, школьные принадлежности. До сих пор помню, как на деньги за проданную черемуху мама купила мне впервые портфель. Это было в шестом классе, а до этого я все пять лет носил учебники и тетради в металлическом ящике из-под противотанковой мины.

Кроме всего прочего лес обогревал нас. Мы аккуратно вырезали и вывозили сушняк. Зимой вывозили на санках, а летом — на простой весельной лодке. Дома пилили и рубили лес на дрова, и мама с утра топила русскую печь, тепло от которой держалось целые сутки.

На мгновение я представил себе увиденную картину в лесу под Пензой: «А вдруг это бы произошло в нашем Жировом лесу?» Мне стало жутко. До какой же жизни мы дожили, что так расточительно относимся к природным богатствам! В голове не укладывалась эта варварская затея.

И вот снова уже Пенза, лес позади, а впереди встреча с руководством области. В приемной председателя облисполкома мы быстро разделись. Молоденькая симпатичная секретарша прощebetала, что Виктор Карпович нас уже ожидает, предложила пройти к нему и подчеркнуто уважительно открыла дверь. Мы вошли. В кабинете тепло и уютно. Тут же Виктор Карпович предложил чай, чтобы мы согрелись с дороги. Председатель первым начал деловую часть разговора.

«Ну что, гвардейцы, — заговорил он, — надо понимать, что рекогносцировка проведена успешно, а теперь обговорим порядок подготовки и проведения комплексных учений по гражданской обороне, целью которых будем считать сжигание леса на корню и в штабелях...». Я не удержался и говорю Виктору Карповичу, что на учениях по гражданской обороне такие цели не отрабатываются, а наоборот, мы должны учить формирования гражданской обороны тушить лесные пожары, разбирать завалы оказывать помощь пострадавшим. Некоторое время он помолчал, а потом сказал: «Ничего, на этот раз мы отступим от этих положений в интересах дела». Я заметил: «Вы — начальник Гражданской обороны области и вправе ставить цели и задачи на учения, исходя из сложившейся обстановки, но все же лучше будет, если лес сжигать не под флагом учений по гражданской обороне». Виктор Карпович поморщился и нехотя промолвил, обращаясь ко мне: «У вас, Николай Дмитриевич, плохой настрой на данное мероприятие». Я не скрывал своего негативного отношения, а потому сказал, что окончательное решение будет принимать генерал армии Алтунин. На том мы и распрощались.

Вернувшись в Москву, я подробно доложил Александру Терентьевичу Алтунину всю сложившуюся обстановку и высказал свое соображение, что в этом мероприятии нам лучше не принимать участия. «Да, — сказал генерал армии, — как бы действительно нам не влипнуть в историю. — Потом добавил: — Посмотрим, что скажет нам Пикалов». Тут же он позвонил по «кремлевке» Владимиру Карповичу и договорился о моей встрече с ним.

Через час с небольшим я был уже в кабинете Пикалова. Он пригласил к себе своих заместителей, среди которых мне знаком был лишь один человек — генерал-лейтенант Красота Павел Ефимович. Его я знал, когда он работал в Академии химической защиты. Мне приходилось неоднократно принимать участие в работе научно-технического совета академии и кафедры гражданской обороны. Вот там мы и познакомились с Павлом Ефимовичем.

Пикалов попросил меня доложить поподробнее о планируемом для сжигания лесном массиве. Мой доклад длился около получаса. Владимир Карпович загорелся этой идеей и сказал, что никаких проблем тут нет и пусками из огнеметов можно враз разделаться с этим лесом. Вдруг в разговор вступил генерал-лейтенант Павел Ефимович Красота и весьма убедительно заговорил об опасности того, что при сжигании леса останутся окислы, которые очень ядовиты, а потому вода в будущем бассейне будет непригодной не только для питья, но и для технических нужд. Пикалов поморщился и заметил, что этого не может быть. Однако тут же попросил Павла Ефимовича дать задание специалистам подготовить необходимые расчеты.

Меня это сразу как-то обрадовало. Тут же Пикалов, обращаясь ко мне, сказал, чтобы я передал все исходные данные рекогносцировки химикам-специалистам для расчетов, а в конце недели подъехал к нему.

Прошло несколько дней, и я получил приглашение к Пикалову. Разговор был коротким. На столе Владимира Карповича лежали убористые расчеты с выводами о нецелесообразности сжигания леса. Он вручил мне эти расчеты: «Считайте, вам и нам повезло. Доложите Алтунину и — действуйте». Я не скрывал своей радости, поблагодарил генерал-полковника Пикалова и распрощался.

В тот же день, вооружившись расчетами, я доложил генералу армии Алтунину о невозможности участвовать в этой пензенской аванюре. Он искренне расхохотался. Его всегда добродушный смех подчеркивал его прекрасные человеческие качества. Я невольно вспомнил изречение Максима Горького, который писал, что веселый человек — всегда славный человек, подлещы редко бывают веселыми людьми.

Александр Терентьевич подошел ко мне, все еще продолжая улыбаться, и сказал: «Теперь дуй к пензякам и «обрадуй» их. Пусть они тоже над своей затеей посмеются, да как следует. А Пикалову надо сказать спасибо».

Поздно вечером поездом я выехал в Пензу. На вокзале меня, как и прежде, встретил начальник штаба Гражданской обороны области полковник Арефьев. Прямо с вокзала мы направились в облисполком. Председатель был на месте. Мы встретились как старые знакомые. Виктор Карпович заметил, что я в каком-то приподнятом настроении. Его интуиция подсказывала, что лес мы жечь не будем. Я положил расчеты на стол и сказал, что эта операция крайне опасная. Он внимательно ознакомился с данными расчетами, потом поднял вопрошающие глаза на меня и спросил: «А что же теперь делать? Ведь в этом году мы должны наполнить пойму водой в соответствии с Постановлением Совета Министров СССР». Я ответил однозначно, что надо лес вырезать и вывозить, а готовый, в штабелях, вывозить немедленно. Можно также объявить окрестным селам, чтобы они бесплатно занялись заготовкой леса и вывозом его для своих личных нужд. Виктор Карпович отметил, что идея неплохая, но это только маленькая частица от огромного объема работ. «А как же нам привлечь войска, — продолжал он, — на эти работы?» Я ему ответил, что нужно обращаться к Министру обороны. Наш разговор подошел к концу, я оставил все расчеты председателю, распрощался и в тот же день уехал в Москву. Утром доложил генералу армии Алтунину о завершении своей миссии.

Спустя много лет я совершенно случайно узнал, что все же водохранилище под Пензой соорудили и значительную часть леса в пойме пришлось затопить водой. Искусственный Пензенский водоем оттого и цветет всякой зеленью, как и многие сооруженные на скорую руку. Ведь была же своеобразная мода, непонятное увлечение строительством подобных водохранилищ, пытались же повернуть реки вспять. И чего только с природой не творили!

В рассказанной истории Владимир Карпович Пикалов сыграл неплохую роль, особенно его подчиненные, с которыми спустя много лет мне пришлось встретиться на ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Много с той поры утекло воды, многое изменилось и в людях.

Последняя наша встреча с Владимиром Карповичем состоялась в Чернобыле сразу же после завершения операции, 4 или 5 октября 1986 года. Он только что прилетел из Москвы, и они вместе с председателем Правительственной комиссии Щербиной решили посмотреть нашу работу. На вертолете облетели трубу, трубные площадки, крышу третьего энергоблока. Ему показалось с высоты полета, что работа выполнена «не чисто». Его слова вызвали во мне — после стресса в период операции да, вероятно, и облучения — бурю протеста и негодования. Происходило все в столовой военторга за обедом. На обеде присутствовали полковник Невмовенко А. М., капитан 1 ранга Кауров Г. А., генерал-майор Ваулин Ю. М. и другие

должностные лица. Пикалов В. К. сидел напротив меня. Я бросил свою ложку в тарелку с борщом, и брызги обдали мою тужурку. В резкой форме я осипшим голосом едва вымолвил: «Во-первых, уважаемый Владимир Карпович, вы ни одного доброго слова в адрес солдат, сержантов и офицеров не сказали за эту огромную и опасную работу. — Тут я назвал точную цифру тонн высокорadioактивных материалов, удаленных в аварийный реактор. — Во-вторых, — продолжал я, — все места выполненных работ были обследованы комиссией, которая определила наличие железобетонных плит и под ними продукты выброса, а в битумном покрытии зафиксированы высокоактивные продукты ядерного горючего, которые в момент взрыва в раскаленном состоянии вкрапливались в этот битум. И последнее, — сказал я, — имеется официальный акт по результатам работ, подписанный членами комиссии и утвержденный заместителем председателя Правительственной комиссии Семеновым».

Голос мой совсем сел, и я впервые почувствовал себя, как никогда, неважно. Я смолк. В столовой воцарилась тишина. Анатолий Михайлович Невмоленко крепко сжал мою руку.

Обед не получился. Когда выходили из-за стола — а я уходил последним, — добрая завстоловой Евгения Викторовна обратилась ко мне, сама чуть не плачет: «Да вы только не переживайте, ведь мы десятки раз видели работу солдат и вас по Украинскому телевидению. Вас все теперь знают. Только вам надо хорошо кушать и беречь нервы». Уже на улице многие офицеры подходили ко мне и говорили: «Вот так и надо поступать против всякого, кто порою охаивает не только тебя, но и солдат».

Потом, малость успокоившись, говорю Пикалову: «А ведь мы меньше летали на вертолетах, а постоянно были с солдатами, — и, показывая на ноги, — вот этими ножками ходили в опасные зоны...»

Владимир Карпович за время моего бурного выступления ни разу меня не перебил, но, как только я утихомирился, грубо сказал: «Вы — самонадеянный генерал!»

В этот же день я зашел к Щербине Б. Е. У него был день рождения, и я, прежде всего, поздравил его. Настроение у него было хорошее. Я сказал ему, что генерал Пикалов выразил вчера «вотум недоверия» к нашей операции. Мы распрощались, и с тех пор я больше не видел Бориса Евдокимовича, о котором у меня сложилось хорошее впечатление как о человеке, прежде всего о его стиле и методах работы в тот тяжелый и ответственный период, партийном подходе к людям, к оценке их вклада в работу по ликвидации последствий аварии.

Чтобы быть откровенным до конца, не могу умолчать о таком неприглядном факте, как искажение результатов замеров уровней радиации полковником Волковым на крыше третьего энергоблока и у основания трубы. Совершенно очевидно, что это было выполнено по команде Пикалова.

Будучи в клинике №6 в Москве, мне пришлось писать Министру обороны письмо, и целая комиссия по его указанию выявляла истину.

Все было поставлено на свои места.

Прошло с тех пор более двух лет, а у меня остался неприятный осадок в душе. Возможно, что я резко высказал горькую правду Пикалову, но разве это основание для таких необъективных оценок? В силу своего характера я не смог стерпеть и поступить иначе.

Хорошо помню случай, когда на одной из остановленных на ремонт доменных печей почему-то оказалась повышенная радиоактивность в огнеупорных кирпичах. Нужно было срочно разбирать и удалять их. Ох, как долго искала желающих среди работников предприятия, да так и не нашли, пока солдаты не выполнили эту работу, почти безопасную.

А тут был дан целый бой невидимому и опасному для всех окружающих противнику! Я нисколько не сожалею о том, что у меня была «схватка» с Владимиром Карповичем.

Несколько позже, когда мы уже разъехались, конфликтная ситуация возникла между штабом по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС, который теперь возглавил Галуцук В. С., и

главным инженером Штембергом Н. А. Еще ранее у Штемберга не сложились отношения и с Самойленко Ю.Н. Они друг друга игнорировали. Итог всему этому — штаб срочно расформировали, Галуцак изгнан с АЭС, работы по дальнейшей дезактивации крыши третьего энергоблока прекращены. А нужно было продолжить нашу работу — удалить эти железобетонные плиты и содрать радиоактивно зараженную битумную кровлю. Сыр-бор продолжался более месяца. Потом во все это вник лично Борис Евдокимович Щербина, вызвал на заседание Правительственной комиссии Самойленко Ю.Н. Тот доложил о сложившейся нездоровой ситуации, которую по непонятным причинам создал Штемберг П. А. Он умышленно потерял акт. Но были другие экземпляры, и справедливость восторжествовала. Решением комиссии штаб ЛПА был восстановлен, вернули для руководства работами Валерия Степановича Галуцака, и они успешно выполнили второй этап дезактивации. А уже по весне был выполнен и третий этап — бетонирование под трубой и покрытие крыши третьего энергоблока.

Вот ведь до чего доходило даже и в такой период чрезвычайной опасности, как ликвидация последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

Откуда взялось все это? Очень горько осмысливать сегодня, что произошло в нашей стране в периоды культа и застоя, но еще горше становится, когда встречаешь еще сегодня сторонников сталинизма и брежневщины. Эти люди проявляются в конкретных делах и постыдных поступках, они еще у власти и что-то значат.

Но как же точно выразился по этому поводу любимый мой советский писатель Даниил Гранин, который сказал: «Мы еще даже не знаем — вот я, во всяком случае, не знаю, мучительно продираясь сквозь трудно приходящие мысли, — как добраться до этой закрытой, очень, понимаете, замороченной... оболганной... дороги к тому доброму, что должно быть в человеке. Как добраться? Как возбудить в человеке вот эту самую энергию добра? Как возбудить работу совести?»

9 октября 1986 года, в день, когда исполнилось ровно три месяца моего пребывания в Чернобыле, я, распрощавшись с близкими мне товарищами и друзьями, вылетел спецрейсом в Москву. Через несколько часов я был уже дома. Состоялась радостная встреча с родными и близкими. Мое состояние трудно теперь передать. Мне казалось, что я вернулся с войны и никак не найду себе места, чувствую себя не в своей тарелке, как-то совсем необычно. Никак не могу привыкнуть. Я вспомнил состояние отца и старшего брата Ивана, когда они вернулись с войны. Только ходили они на костылях и очень долго привыкали к мирной жизни. У меня период домашней адаптации прошел сравнительно быстро.

Через несколько дней меня положили в госпиталь имени Бурденко на обследование. Самочувствие было не ахти. Беспокоили головная боль, боль в мышцах и какая-то ломота в костях, замучил понос, десны кровоточили, почувствовал некоторое снижение физической и умственной деятельности. Приступообразный кашель, который появился у меня еще в сентябре, особенно раздражал меня. Я совсем потерял аппетит. Врачи принялись за меня, но сдвиги были совсем незначительные. Мой лечащий врач, молодой майор, откровенно признался, что мало понимает в моем заболевании. Немного позднее в это же отделение положили моих близких помощников по операции на ЧАЭС подполковника Сотникова, подполковника Кочеткова, капитана Дементьева и некоторых других. Мы часто с ними общались, вспоминали только что минувшие тяжелые дни. Повезли нас всех на СИЧ в больницу № 6. Этот спектрометр излучения человека вновь вывел меня в «лидеры», но я отшучивался и старался не показывать своей хандры. Более того, пришла срочная телеграмма из Академии наук Украины за подписью академика Барьяхтара Виктора Григорьевича на имя начальника Гражданской обороны СССР с просьбой командировать меня в Киев для участия в написании отчета Совету Министров СССР по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Это

было в соответствии с решением Правительственной комиссии. В телеграмме сообщалось о предоставлении мне лечения по месту работы.

В то же время меня одолевали из Киева телеграммами, звонками мои боевые товарищи по Чернобылю. Это — Юрий Николаевич Самойленко, Владимир Михайлович Черноусенко, Виктор Васильевич Голубев, Евгений Михайлович Акимов, Игорь Федорович Костин и другие. Они уже активно включились в работу по написанию отчета. Душа моя рвалась к этой серьезной работе. С разрешения врачей я отбыл в Киев.

И вот снова я в объятиях друзей. Все мы разместились в фешенебельной гостинице «Феофания». Условия для работы созданы наилучшие. Только бы работать. Ведь нами или с нашим участием выполнен большой объем работ по ликвидации последствий аварии на АЭС. Мы приобрели большой опыт и, несомненно, было, что обобщить. Предстояло проанализировать весь процесс дезактивации территории, зданий, сооружений, оборудования. Особенно хотелось отметить все издержки в технологии и производстве порою пустых работ по дезактивации, изложить спокойно обоснованные предложения и рекомендации правительству.

Но больше чем на десять дней сил у меня не хватило. Как-то выйдя из гостиницы, я направился к машине, только открыл дверцу и хотел сесть, как вдруг в глазах забегали мурашки, я впервые в жизни почувствовал, что теряю сознание, и упал рядом с машиной, почти ничего не помня. Дикая боль от травмы ноги привела меня в себя. Водителю и своим товарищам сказал, что поскользнулся и упал. Но в машине сидел Владимир Михайлович Черноусенко, который все заметил.

В больнице мне зашили рану на ноге, которая не заживала около полугода. После случая со мной всех нас повезли в Киевский научно-исследовательский институт гематологии и переливания крови, где нас снова проверили на СИЧ. Среди своих близких друзей я оказался по данным СИЧ «лидером», а Володя Черноусенко вновь вторым. Юра Самойленко и Витя Голубев продолжали подтрунивать над нами, в шутку говорили: «Генерал и доктор наук, берите пример с работников АЭС. Надо каждый день употреблять... и особенно при входе на КП. Вы нас игнорировали, вот и законно — ваши первые места на СИЧ».

До чего же милые, добрые, чудесные эти люди, сколько в них было еще и ребячливости, и шуток, и задора, и душевной теплоты!

Перед тем как нас с Володей положили в Киевскую городскую клиническую больницу, врач из института гематологии и переливания крови кандидат медицинских наук сказала нам: «Все это цветочки у вас, молодые люди, а вот болячки будут впереди...» Ох и накаркала! Она же сказала: «им немедленно нужно ложиться в больницу, шутить с такими делами нельзя». И вот мы с Владимиром Михайловичем в приемном отделении киевской больницы. Заместитель главного врача Назарец Лариса Филипповна встретила нас весьма приветливо и после некоторого уточнения формальных данных сопроводила в боксы. Наши боксы с Володей были почти рядом. Прошло еще несколько минут, и мы в больничной одежде и на больничных койках...

Врачи, медсестры, обслуживающий персонал настолько внимательно относились к нам, настолько были участливы, предупредительны, что порою было как-то неловко. Весь день был занят процедурами. Особенно мучительными были капельницы, которые длились ежедневно более двух часов, и так более месяца. Тут тебе ни пошевелиться, ни встать, ни сесть... По десятку уколов в сутки, прием большого количества лекарств. Действительно, нужно иметь крепкое здоровье, чтобы все это выдержать! Конечно, это шутки ради. Но с нами возились подолгу и терпеливо.

Никогда не забуду старенькую медсестру, которая постоянно уговаривала меня есть, и, когда я ел плохо, она неизменно повторяла одно и то же: «Ну, Николай Дмитриевич, я сейчас вам буду жевать, как младенцу».

Как-то мне стало получше, и я, в силу своих физических возможностей, стал потихоньку продолжать писать материалы в отчет. Вдруг заходит в бокс медсестра и задает мне вопрос: «Вам ничего не говорит такое имя и отчество, как Нина Илларионовна?» Я отвечаю: «Как же не говорит? Это моего покойного брата Ивана Дмитриевича жена, которая теперь живет в Магаданской области, в поселке Дебин. А вы откуда ее знаете?» — «Как же не знать? Ведь я вместе с ними проработала в поселке Бурхала семнадцать лет медсестрой, где ваш брат был начальником шахты, а Нина Илларионовна — председателем исполкома».

* * *

Всю ночь напролет я слушал рассказ Веры Федоровны о жизни мне близких людей, хотя и сам многое знал о них. После смерти брата, которая последовала на 49-м году жизни после автомобильной катастрофы, жена его и дети, Люся и Толик, так и остались в тех краях. Похоронен он у подножия скалы, которая нависает над прииском.

На Бурхале и начиналась его настоящая трудовая биография. После двух лет непрерывного лечения в военных госпиталях от тяжелой контузии брат кое-как обрел себя.

Шел 1947 год. Этот год был неурожайным, а потому и голодным. Однако люди как-то укрепились, пустили снова корни в землю и с большим трудом перебивались, как говорят, с хлеба на квас. Теперь уж выручила картошка, которой накапывали сотни ведер.

Тяжелым бременем лежал на колхозниках непомерный натуральный налог. Налогом облагалось почти все трудоспособное население. Если держишь корову, то двести литров молока сдай государству, если есть куры — сдай сто яиц, если держишь несколько овец — сдай шестнадцать килограммов шерсти. В общем, платили за всю живность, да вдобавок какое-то еще самообложение в денежном исчислении существовало. За обучение детей в школе начиная с восьмого класса тоже платили деньги. В тот период обязательным считалось только семилетнее обучение.

Народ на селе хорошо понимал все трудности восстановления разрушенных городов, сел, колхозов, совхозов, заводов и фабрик, а потому безропотно выплачивал все налоги, выбиваясь из последних сил. Кроме всего прочего народ на селе продолжал жить в страхе за свою судьбу. Теперь только стало совершенно очевидным, что Сталин создал свою систему, свою методологию, свою структуру. Он использовал все возможности, которые давали ему время, история, неподготовленность общества к демократическому развитию. Результаты расхлебываем сегодня.

В деревне сталинская политика носила военно-феодалный характер, как подметил еще Н. Бухарин. Это была ярко выраженная форма эксплуатации крестьянства.

Мне никогда не забыть страха матери перед несвоевременной сдачей молока, яиц, мяса, шерсти и прочего — почти бесплатно. И неизменно твердила мама: «Дети, подождите, рассчитаемся с налогом и тогда мы заживем». Ужасное и невыносимое время в деревне!

А ведь преклонялись перед Сталиным как перед идолом, а он оказался двуликим Янусом.

Тот год для нас был хотя и трудным, но в то же время и примечательным. Наш Иван Дмитриевич, как теперь его называли в школе, решил жениться на учительнице немецкого языка Нине Илларионовне. С Тамарой переписка совсем прекратилась, а их маленькая дочурка умерла в 1946 году от крупозного воспаления легких. Брат долго мучительно переживал. Помню, Иван достал все письма от Тамары, отдельные перечитал. Потом мы пошли с ним на нашу гору, и там, усевшись на любимое место, он положил письма стопкой перед собой, достал старенькую зажигалку и поджег их. Листочки от огня сворачивались в трубочку, потом пепел нежно оседал на землю, и как будто что-то живое языками пламени поднималось вверх.

Свадьбы у брата Ивана и Нины Илларионовны почти никакой не было. Была обычная деревенская вечеринка с приглашением родни. Да о какой там свадьбе могла идти речь, когда на столе, кроме мамалыги из жмыха да картошки с капустой, ничего не было? Мясо, может, раз в месяц и приходилось попробовать только что на вкус.

Все наши учителя, с их нищенской зарплатой, жили тоже впроголодь. И все же люди казались как-то веселее, дружили и помогали друг другу. Наши молодые были очень дружны, счастливы.

В течение многих лет, вплоть до их отъезда в 1951 году в Магадан, по вечерам, а то и в выходные дни собирались учителя средней школы и подолгу распевали песни и всякие там романсы под аккомпанемент рояля, на котором играла Нина Илларионовна. Мы, детвора, с разрешения гостей, присаживались, кто где мог, а то и прямо усаживались на пол и подолгу слушали эти чудные концерты. Рояль, который принадлежал жене Ивана как наследство от родителей, еле-еле затащили в деревенскую горницу.

В этом же 1947 году наш Петр поступил в Харьковское военное авиационное училище, а Борис после окончания семи классов, совсем еще пацаном, поступил в Воронежское ремесленное училище: решил стать рабочим. Петр окончательно связал свою судьбу с авиацией, а Боря — с заводом.

Жизнь на селе набирала постепенно силу. Уже была отменена карточная система, и люди наедались вдоволь настоящего хлеба. В доме у нас уже никто его не ограничивал. Бывало, прибежишь с улицы или с работы, отрежешь ломоть каравая, побрызгаешь водой, потом мать даст из мешочка несколько щепоток сахара, которым посыпашь хлеб, и с превеликим удовольствием ешь его, наслаждаешься. Уже совсем стали забывать про жмых и мамалыгу, приготовленную из толченого жмыха, разведенного в кипятке.

Нас в семье оставалось все меньше и меньше. Петя, окончив военное училище, стал офицером, Мария и Борис — квалифицированными рабочими в городе Воронеже. Саша продолжал службу в рядах Советской Армии, срок которой был тогда семь лет. Значительные материальные трудности вынудили Ивана в конце концов поехать работать в Магадан. У них уже к этому времени родились Люся и Анатолий. Вначале Ванюшка уехал один. Окончил курсы горных мастеров, позже — горный техникум, и примерно через год Нина Илларионовна с двумя детьми уехала к нему. К тому времени он работал уже инженером на шахте в поселке Бурхала Магаданской области, позже — начальником шахты. Суровые края пришлись по нраву семье брата. Нина Илларионовна долгое время учительствовала, потом перешла на административную работу, ее избирали несколько сроков председателем райисполкома.

Годы шли необыкновенно быстро. Позади начальная школа, которую довелось проходить в различных хатах. Правда, в четвертом классе мне не повезло: сильно простудившись, я проболел более трех месяцев. Мать эту болезнь называла «сучье вымя». Чье вымя — я не знаю, но вот что чуть богу душу не отдал — это уж верно. Эту болезнь мама лечила тоже сама. И чего она только не делала со мной! Бесконечные примочки из подорожника, горьких лопухов, настои целебных трав, дополнительное питание. В общем, чудом я остался в живых, хотя врачи «прогноз» моей болезни давали весьма неблагоприятный.

Благодаря своим товарищам и дополнительным занятиям со мной нашей любимой учительницы Анастасии Тихоновны Черных я успешно сдал экзамены за четвертый класс. В семилетнюю школу я уже пошел со своим родным классом. Школа была на горе. Учиться стало полегче, так как уже были учебники — один на двоих, тетради в полном достатке, настоящие дневники, хорошие ученические ручки с перьями, чернильницы, да и немаловажно, что в классах было тепло и зимой уже снимали верхнюю одежду.

В этой школе было и интересней тем, что разные предметы, такие, как физика, литература, математика, рисование, физкультура, преподавали специальные учителя. Особенно

любили старенького, но очень грамотного и требовательного преподавателя математики Леонида Сергеевича. У него были совсем седые, прокуренные усы и точно такие же прокуренные два пальца на правой руке. Всем был хорош наш дед, как мы его звали меж собой, но грубоват, особенно со слабыми учениками. Девчат, которые послабее, величал не иначе как «пробками», «пустышками». Когда, к примеру, у доски решает задачу девица и начинает крутить головой, ввиду того что ждет подсказку, то уж тут Леонид Сергеевич выдаст: «Ну что ты крутишься, аль тебе охапку сена привязали?» А если та боится: «Тебя что, немец из-за угла мешком напугал?» Правда, к его манере преподавания мы привыкли, но все же, как ему в районо не указывали на грубость в обращении, Леонид Сергеевич оставался верен своим привычкам.

В нашей большой семье он переучил всех семерых детей и с любовью называл наше большое семейство так: «Племя башковитое, молодое, мне знакомое». Особенно любил он всех наших ребят. Мы ему отвечали неизменной любовью как к учителю и мудрому человеку. Родители ходили к нему за советом, учить дальше кого-либо из нас или хватит.

На его уроках всегда царил тишина. Редко кто из учеников позволял с ним шутки. Однако помню, как с братом моим Петей учился в седьмом классе Федя Хрипушин (по селу дразнили — Фэка Гурев). Он очень хорошо играл на гармошке, а иногда тащил свою гармонь в школу и по окончании занятий играл в самодеятельности. И вот Фэка решил пошутить на уроке Леонида Сергеевича.

Вызвали его решать задачу к доске. Что-то Фэка плавал, плавал, и Леонид Сергеевич говорит ему: «Слушай, оболтус гремяченский, стирай все с доски и начинай сызнова!» Фэка в ответ: зачем, мол, спешить, когда такое блестящее решение задачи нужно для гремяченского музея вместе с доской сохранить потомкам. Дед возмущился, берет Фэкину шапку, на парте лежала, и вытирает ею доску. Потом отдает Фэке и говорит: «Вот теперь, оболтус, снеси свою шапку в любой музей». Фэка взял шапку да и вытер ею пот с лица. Класс застонал от хохота, увидев лицо его все в мелу. И Леонид Сергеевич улыбнулся в свои прокуренные усы, назвал Фэку «циркачом».

В период нашей учебы в семилетней школе мы впервые заложили отличный сад. На каждом деревце висела бирка, на которой были написаны фамилия и инициалы ученика, ответственного за это дерево. И вот все три года мы тщательно следили каждый за своим деревом, поливали водой, подрезали сучья, рыхлили и удобряли навозом землю под ним. Девчата же занимались выращиванием цветов на клумбах и в плошках в классах. Вокруг школы мы возвели аккуратный дубовый забор, который, как и сад, по сей день сохранился.

От учебы, труда в колхозе, дома и в школе все мы получали огромное удовлетворение и радость. Работа нам поручалась нелегкая. Однако нас окрыляло то, что нам доверяли ее, и мы выполняли все со всею ответственностью. Да то была, ко всему прочему, и нравственная добавка к нашему существованию. Большинство из нас участвовало в школьной художественной самодеятельности. И если кого-либо не записывали даже в общий хор, то начинались серьезные обиды. И организаторам приходилось подыскивать обиженным отдельные номера или ставить их в хор, но чтобы подтягивали тихо-тихо, а лучше «мурлыкали» про себя.

В 1950 году состоялся у нас настоящий выпускной вечер. Мы получили неполное среднее образование, что было тогда обязательным. По окончании школы часть ребят, в том числе и я, решили поступать в мореходное училище. Но по возрасту мы не проходили. Тогда мы с Мишей Бодякиным добавили себе по паре лет, получив письменные подтверждения о дне нашего рождения от соответствующих людей. И вот на руках свидетельства о рождении «повзрослевших на два года» ребят.

Когда в доме узнали о моем «повзрослении» и намерении поступить в мореходное

училище, был приличный переполох. Накал страстей быстро погасил брат Иван, который забрал мои документы и, ласково улыбаясь, сказал: «Будешь заканчивать среднюю школу, а там, смотришь, и определишься, куда дальше грести. А сейчас ты еще мал, хотя и «повзрослел» годами».

Так что мне пришлось идти в восьмой класс Гремяченской средней школы. Но это было уже платное обучение. И все три года родители платили за мое и Нинино обучение в средней школе.

Спустя многие годы я добрым словом поминаю Ивана, что он «добровольно-принудительно» обязал меня окончить среднюю школу. Мне и сегодня представляется, что больше и основательнее знаний в области математики, физики, истории, географии, химии, литературы, русского и даже немецкого языков я нигде так не получил, как в школе, хотя с отличием окончил военное училище, автодорожный институт, адъюнктуру академии имени Куйбышева. Полученные в средней школе знания явились прочной базой для всей последующей моей учебы. Нам учителя щедро давали знания, а мы их упорно добывали.

Лучшим учителям Гремяченской средней школы мне и хотелось бы выразить глубокую признательность.

Семья математиков Пономаревых пользовалась особым авторитетом как среди учащихся, так и среди педагогов и наших родителей. Валентин Трофимович Пономарев был директором школы и вел математику и физику в старших классах. Нам казалось и тогда, и теперь, спустя столько лет, что сильнее Пономарева как директора и как учителя нет нигде. Этот большой организатор школьного дела, прекрасный хозяйственник умел создать вокруг себя отличный коллектив преподавателей, добиться признания и глубокого уважения у всех учащихся, от первоклашек до десятиклассников. Школьный механизм работал как часы. Школа неказистая, но было всегда тепло, уютно, чистенько. Дисциплина на уроках, в перерывах, в любом труде. На переменах мы обязательно выбегали на школьный двор, где было можно порезвиться, поиграть в футбол, даже зимой. Дежурные по классам, дежурные учителя или пионервожатые ходили по коридорам и следили, чтобы все помещения были проветрены, поддерживалась чистота и все были на улице. В просторном коридоре почти никогда не было толкотни и шума. Вот такой порядок однажды уберег нас от трагических последствий аварии в школе.

Дело в том, что эту школу ремонтировали немецкие военнопленные. И какой же оказался сволочной народ! Крышу так поставили на стропила, что при большой нагрузке снега она однажды завалилась. В одном из классов обрушился потолок. Но жертв не было: это случилось в перерыв, когда все дети были на улице. В сжатые сроки лучшие плотники села и наши отцы починили крышу так, что она и по сей день держится весьма прочно.

В нашем классе алгебру, геометрию и тригонометрию преподавала жена директора школы — Зинаида Никифоровна Пономарева. Мы звали ее, как одну из талантливейших математиков не только в нашей школе, Софьей Ковалевской. Я и теперь восхищаюсь ее глубоким знанием математики и физики, ее аналитическим умом, умением свой предмет преподнести так, что почти у всех учеников он становился любимым, ведущим. Уроки ее проходили живо и увлекательно, строго и сосредоточенно; объективно оценивались знания учеников. Перед началом урока Зинаида Никифоровна всегда проверяла домашнее задание, и не формально, хотя, казалось на первый взгляд, бегло, но от ее зорких глаз ничто не ускользало. Любила она сообразительных девочек и мальчиков. Для одаренных учеников она непременно давала дополнительные задачи повышенной трудности, так называемые задачи со звездочкой. Сидишь, бывало, с керосиновой лампой над такой задачей и ломаешь голову, пока не найдешь верного решения, а в школе, когда Зинаида Никифоровна спрашивала, как я «до этого додумался», я отвечал: «Во сне». Она тогда краснела и говорила: «Коля, ты же серьезный

мальчик, а при чем тут шутки?» Тогда я уже более подробно рассказывал, как во сне решал задачи. Она искренне хохотала и уже верила.

Очень хорошо Зинаида Никифоровна развивала у нас и абстрактное мышление. Регулярно давала нам задание строить всякие пространственные фигуры, пересечения их другими телами, вычислять линии пересечений и прочее. Это была такая прекрасная подготовка для вуза, что мне, к примеру, большого труда не стоило первые два курса Харьковского автодорожного института окончить за один год, а мой дипломный проект был удостоен серебряной медали и грамоты министра высшего и среднего специального образования СССР.

Пономаревы дружили с семьей моего брата Ивана, и в выходной день мы часто видели их у себя. В домашней обстановке Зинаида Никифоровна выглядела великолепно. Молодая, интересная, вечно подвижная, она так здорово пела песни, ее хрустальный голос звенел как колокольчик. Кстати, в школе была сильная художественная самодеятельность, и все учителя пели в хоре. До сих пор помню, как Валентин Трофимович поругивал меня за одни из новогодних вечеров в школе.

Дело в том, что на зимних каникулах я был в Воронеже у сестры Марии. В это время по окончании летного училища прибыл в отпуск Петя, с которым мы решили ехать срочно в Гремячье, так как вечером у нас в школе должен был состояться концерт художественной самодеятельности с моим участием. Я Петю уговорил пойти на этот концерт. На автобусной остановке в Воронеже, с которой уходили на Гремячье автобусы, оказались супруги Пономаревы. Я представил им Петра. Пономаревы были рады знакомству с юным лейтенантом и тоже пригласили его на наш вечер. Мы быстро добрались до дома и вечером были уже в школе. Хором руководила молодая учительница, настоящая русская красавица — наша «анатомичка» (учительница, которая преподавала ботанику, зоологию и анатомию человека). Так вот в этот злополучный вечер Петя и Нина Сергеевна познакомились и крепко полюбили друг друга. Дней через десять состоялась свадьба, а через две недели Нина Сергеевна подала заявление директору школы с просьбой рассчитать ее, так как она должна ехать вместе с мужем к новому месту службы. Это заявление для директора было как снег на голову. Уход преподавателя среди учебного года, тем более в сельской школе, был настоящим чрезвычайным происшествием. Но делать было нечего, и, несмотря ни на какие уговоры, молодая чета из Гремячье уехала, а мне Валентин Трофимович не мог долгое время простить это ЧП, случившееся, как он считал, по моей вине.

Другой яркой личностью в школе был заведующий учебной частью, наш любимый физик Шалимов Василий Ильич. Он был участником Великой Отечественной войны, имел тяжелое ранение осколком в лоб. Часть пробитой и раздробленной кости была извлечена, а на ее месте была вживлена металлическая пластина. И когда Василий Ильич немного волновался, то это место ранения как будто «дышало». Мы очень жалели его и сочувствовали ему.

Физику и астрономию он вел блестяще. До сих пор помню все его привычки. Он был немногословен, как все математики и физики, суховат, редко смеялся, левая его рука неизменно покоилась в кармане его пиджака, в правой руке — мел, он убористо писал на доске формулы, которые сопровождал глубокими и толковыми объяснениями, до того доходчивыми, что дома мы в учебник почти и не заглядывали. По физике Василий Ильич добыл все лабораторное оборудование, которое мы сами собрали и бережно относились к нему, проводя опыты.

Однажды чисто случайно мы с Борисом Черных и «при участии» очень маленького ростом Васи Черенкова разбили Торричеллиеву трубку со ртутью. Шалимов нас поругивал до тех пор, пока мы не заработали деньги и не купили злополучную трубку.

До чего же Василий Ильич любил смекалистых учеников и сам развивал способности! Десятки примеров и задач он выдумывал лично сам, брал из жизни, и мы давали на них свои

ответы и решения. Если ответы были неточные, то Василий Ильич подбрасывал дополнительные, наводящие вопросы и приговаривал: «Ну ладно, так и быть, малость подшпаргалю». Часть вопросов я помню и поныне. Ну, например, почему бывает плохая тяга в русской печи? Или почему плохо горят дрова в печи? Или почему буксует машина? Почему вначале сверкает молния, а потом только мы слышим раскаты грома? Порою урок превращался в настоящий современный КВН, только мне кажется, вопросы Шалимов подбирал гораздо значительнее и жизненнее, чем теперь на КВН. Василий Ильич нам преподавал и астрономию, которую мы любили не меньше, чем физику. По ночам, бывало, сидишь на крыше дома с фонариком и рисуешь положение Большой или Малой Медведицы па небосклоне через каждый час. Утром переносишь свою работу в тетрадь, и Василий Ильич скрупулезно изучает все положения созвездий у каждого ученика. Рисунки лодырей он сразу как-то интуитивно распознавал и говорил: «Ну, братец, у кого слизнул, говори?..» Эти номера не проходили, и он добивался, чтобы каждый ученик выполнил задание самостоятельно.

Однажды в семье Шалимовых произошло, как выразился Василий Ильич, ЧП: его симпатичная жена Ксения родила тройню. Он прямо ошалел от радости и забот. К семье проявили интерес, для сохранения всех новорожденных предложили переехать в Воронеж, что они и сделали.

В последний раз я видел Василия Ильича в 1978 году. Он уже был плох, тяжелое ранение и контузия в голову давали себя знать. За ужином часто вспоминали Ивана, в похоронах которого он не мог принять участия из-за большого расстояния до Магадана, да и резкого ухудшения здоровья. Он часто говорил: «Вот, Коля, и вся наша жизнь. Где она, радость милая? Что мы видели хорошего с твоим братом, а? Скажи? Пять лет войны, пять лет разрухи и столько же лет голода. А ты знаешь, Коля, что я, будучи студентом, чтобы не умереть с голоду, подметал в Кольцовском саду, вкалывал дворником. А моя Ксюша работала официанткой в столовой, и, если какие-то крохи принесет, бывало, из остатков, мы рады были им до беспамятства. Пережить-то все пережили, да здоровья уже теперь нет...»

Помню март 1953 года. Во дворе школы построены ученики и учителя. Перед строем зачитывают правительственную телеграмму о постигшем нашу страну горе. Василий Ильич неподдельно расстроен, по его исхудавшим щекам текут слезы. Мы тоже всхлипываем. Все мы думали тогда, что теперь конец света: как без вождя жить дальше?.. Какая, я бы сказал, фанатичная, слепая любовь, привитая жестокостью и постоянным страхом! Советский народ не знал истинного лица Сталина, что именно он главный организатор репрессий, уничтожения цвета нашей интеллигенции, кадровых военных, сильных политических деятелей... Как порою мы слепы и доверчивы! Не менее яркой личностью в нашей школе был преподаватель литературы Василий Егорович Трещев, который лично знал Владимира Маяковского, встречался с ним и об этом много раз рассказывал, не повторяясь. Как он попал к нам в школу — право, не знаю. Знаю твердо одно — школе и нам крупно повезло. Его уроки литературы проходили как самые интересные. Они нас зачаровывали, мы их постоянно ждали. Как глубоко и профессионально разбирался в литературе Василий Егорович! Мы заслушивались до упоения его дивными рассказами о жизни и творчестве Маяковского, Пушкина, Лермонтова, Фета, Тютчева, Баратынского, Горького, Толстого и многих других русских поэтов и прозаиков. А как он читал стихи! Я и сейчас не припомню, чтобы со сцены театра я слушал столь же выразительное чтение стихов профессиональными артистами. Маяковский у него звучал набатом, будто Василий Егорович звонил в лучшие колокола мира и умело управлял их гулом. У нас порою замирало сердце от такого чтения. Какую же любовь этот седой преподаватель нес к великим русским поэтам! Не забыть никогда и его чтения монолога Сатина из пьесы Горького «На дне». Это были не уроки, а театр, в котором все мы были участники, а не только зрители.

Большую дань любви и уважения отдавал Василий Егорович нашим поэтам-землякам

Алексею Кольцову, Ивану Никитину, прозаику Андрею Платонову, о которых подолгу вел свой неторопливый рассказ. В наши юношеские души вселялась гордость за наше Отечество, за лучших поэтов нашей многострадальной России.

А иногда урок литературы Трещев начинал совсем необычно — с рассказа о том, как в выходной день он был на рыбалке с гремяченскими мужиками и как он отличился, изловив сазана килограммов на пять-шесть. Потом начинал рассказывать, как красив Дон на закате, а особенно на зорьке, как луг дурманит запахом своих цветов, как чудно поют на рассвете соловьи, а днем иволги и другие птички. И вот всем тем, чем его природа «начинила» за этот день, вечер, ночь и утро, он пока не поделится — не начинает урока по литературе. А бывало и так, что весь урок он рассказывает о своих впечатлениях, а потом скажет: «Ну ничего, наверстаем, это у нас запросто».

У Трещева была самая большая домашняя библиотека в Воронежской области. Мне кажется, вся его небольшая учительская зарплата уходила на книги, а жили они огородом да рыбалкой на Дону. За редкой книгой к нему ехали со всего, как говорится, белого света. Отлично успевающим ученикам, и не только по литературе, а по всем предметам, Василий Егорович разрешал пользоваться своей библиотекой.

И когда не стало Трещева, наше Гремячье опустело, будто замерло. Это случилось в 70-е годы. Мне не довелось быть на его похоронах...

Невозможно не вспомнить добрым словом неизменного нашего классного руководителя, преподавателя немецкого языка Боколярова Анатолия Родионовича. Он тоже участник Великой Отечественной войны. Отметиной войны на его лице был большой шрам на лбу, и мы называли его «человеком со шрамом». Этот шрам в какой-то степени даже украшал его. Ходил он постоянно в хромовых сапогах, галифе и вельветовой куртке с отложным воротником. Носил небольшие усы. Играл великолепно на аккордеоне, без чего не было бы, пожалуй, самодеятельности в нашей школе. Но это не самое главное. Суть его заключалась в том, что он занимался нами всецело, с утра и до вечера, знал всех наших родителей, ходил с нами в колхоз на прополку бураков, картошки, подсолнечника. Твердил, что только труд сделает из нас настоящих людей и трудиться нужно везде: на уроках в школе и над заданием дома, у себя в огороде и в колхозе — но где бы ты ни трудился, этот труд должен быть честным и с отдачей. Вот тогда, несомненно, подчеркивал наш классный руководитель, будут гармонично развиваться душа и тело, мозг и мускулы, здоровье и совесть, ответственность за порученное дело и компетентность. В семье и в школе в жизнь человека должен входить один из самых гуманных идеалов труда — потребность работать не только головой, но и руками.

Наш труд на селе был полезен для колхоза, семьи, школы, но он был полезен и для нас, так как развивал нас, становился нашей постоянной потребностью с самого начала жизни. Как часто я вспоминал своих учителей, особенно в трудные минуты чернобыльской эпопеи, где сталкивался и с преступниками, и с героями.

Чувство ответственности за выполнение своих обязанностей в школе и дома постоянно крепилось в нас нашими учителями, их нравственным примером. В Анатолии Родионовиче нам нравилось буквально все, но особенно его манера свободно вести урок. Совсем ненавязчиво он давал нам прочные знания немецкого языка. Непременно подчеркивал, что это нужно для того, чтобы с нашим бывшим врагом найти общий язык, что в той же бывшей фашистской Германии много замечательных людей, поддерживающих движение за мир и дружбу на планете.

Немецкий язык усваивали мы так, что в десятом классе свободно, как говорят, «шпрехали». С таким знанием языка я преуспел в военном училище, институте, а когда нужно было сдать кандидатский минимум при поступлении в адъюнктуру, то с первого захода, без особой подготовки успешно сдал и минимум. И это все - от него, Анатолия Родионовича. И где бы я ни учился, я помнил всегда не только Анатолия Родионовича, но и всех наших учителей.

Они действительно дали нам аттестат зрелости, и в нравственном отношении, и в приобретении знаний, умений, навыков в труде, и главное — прививали большую степень ответственности за порученное дело.

У нас не было ни одного человека в классе, который бы жил какими-то своими, обособленными интересами. В классе, как и во всей школе, царил боевой настрой. Мы крепко между собой дружили, оказывая друг другу помощь в учебе, работе.

Приведу пример. Помню, как в 1952 году внезапно вскрылся Дон, начал выходить из берегов, затапливая полой водой огороды, дома, погреба. К нашей усадьбе тоже подбиралась вода, а от всей нашей большой семьи осталось трое — мама, я и младшая сестра Нина. Пришли мои близкие товарищи по школе — Миша Бодякин, которого за хитроумные шутки и проказы прозвали в школе Шаманом, Саша Мешков и Женя Чеботарев. Мы за несколько часов вытащили из погреба картошку, ведер около ста, капусту, огурцы, помидоры и прочее. В общем, спасли все продукты питания. Помогли и другим соседям. А когда окончили работу, то оказалось — почти у всех в резиновых сапогах полно воды. Сапоги-то были дырявые. Пока обедали, сапоги у печки мать просушила, и я тут же принялся за их ремонт. Этим искусством я овладел в совершенстве, переняв его от отца моего школьного товарища по семилетке Жени Хрипушина — Ивана Ивановича. Пришел тот с войны без ноги, и, проявив предприимчивость, открыл у себя дома мастерскую по ремонту резиновой обуви и, более того, наладил даже отливку резиновых галош.

Семья Хрипушиных жила лучше других. С Женей мы с первого и по седьмой класс учились вместе. Очень сообразительный и толковый был хлопец. Но отец его был грубый и даже жестокий человек. Когда мы собрались было уже идти первого сентября 1950 года учиться в восьмой класс средней школы, то он сыну не разрешил. Помню до сих пор детские слезы Жени. Как ему хотелось учиться дальше! Отец обругал его и сказал, что денег за обучение в школе он платить не намерен: «Давай-ка собирай свои монатки и оформляй документы в Воронежское ремесленное училище». Женя беспрекословно подчинился.

Через два года он уже был токарем и работал вместе с моим братом Борисом на заводе до самой армии. Судьба круто обошлась с ним. После армии он уехал в Донбасс и работал долгое время шахтером. В последний раз мы виделись у меня дома, когда я был уже офицером. В тот раз он не удержался от слез. Спустя много лет мне стало известно, что Женя при странных семейных обстоятельствах покончил жизнь самоубийством. Какой талантливый и душевный был человек! И вот родной отец так жестоко сломал ему судьбу. А сам Иван Иванович вскоре окончательно спился и повесился на кровати в районной больнице. Возможно совесть проснулась в нем после трагедии с сыном.

Шел 1953 год — год окончания средней школы. Близилась выпускные экзамены. Мы уже в основном определились, кто куда пойдет. Женя Чеботарев, Коля Баранников и я решили поступать в летное военное училище. И вот выпускные экзамены.

Мы показали отличные знания по всем предметам.

Прошли десятки лет, но с неизменным чувством гордости я вспоминаю свою школу и ее учителей. Думаю, если бы везде было так поставлено обучение, то вряд ли сегодня так остро встал бы вопрос о необходимости перестройки, в том числе перестройки в нравственном отношении.

Выпускной вечер был торжествен. Всем вручили аттестаты зрелости, выдали комсомольские характеристики, грамоты. Всю ночь мы танцевали под аккордеон Анатолия Родионовича Боколярова. И только утром, на рассвете, пошли на пристань, потом через переправу, чудным лугом к Сонькиному озеру, где провели время в чтении стихов, пении песен и купании.

Выпускники нашего класса не подвели свою школу и всегда радовали своих учителей.

Абсолютное большинство поступили в вузы, военные училища, техникумы. Уже через пять лет были свои инженеры, педагоги, офицеры, агрономы и другие специалисты. Еще позже появились ученые, врачи, партийные работники. Почти все обзавелись семьями. Но чувство дружбы, товарищества с годами не утрачивалось, а наоборот, эти узы становились еще крепче. Мы приходили на помощь друг к другу по первому зову.

Помню, получаю письмо от школьных друзей — студентов лесотехнического института, которые пишут, что Петя Минаков «завалил сессию» и лишился стипендии. Все ребята решили помочь ему. И каждый месяц я высылал ему 20 рублей из своей зарплаты командира взвода.

...Итак, школа позади. Все выпускники начали готовиться к поступлению в намеченные учебные заведения. Мама долго уговаривала меня, чтобы я не поступал в летное училище. На примере брата Ивана она пыталась доказать мне, что профессия военного летчика очень опасная. Отец почти не вмешивался в мои дела, но советовал поступать в строительный институт. Я стоял на своем, так как с детства стремился в летчики. Только не суждено мне было в летное училище поступить: не прошел комиссию. Дело в том, что в детстве, когда мне было года два-три, один из бывших кулаков бросился на мою мать, за что — не помню. Я был в это время у нее на руках, и этот негодяй ударил палкой и попал мне по голове. С тех пор на лбу остался навсегда шрам. Врачи его увидели и, как говорится, не вдаваясь в подробности, забраковали меня. Огорчение было великое. Пришлось наступать в Харьковское техническое военное училище.

В сентябре по вызову я отправился в Харьков. В дорогу мама собрала мне необходимые вещи, сложила их в небольшой деревянный сундучок: портфели были очень дорогие, а с сумкой — стыдно. Привязал я этот сундучок к багажнику велосипеда и, попрощавшись с родными, поехал на вокзал, в Воронеж.

Училище логически продолжило знания, полученные в школе. С большим интересом изучали военные науки, снова математику, только по программе высшей школы, теоретическую механику, сопромат и многие специальные дисциплины. Армейская курсантская дружба спаяла нас в единое целое.

Суровые и строгие воинские порядки мне, как и многим другим курсантам, были по нраву. Из нас готовили офицеров, военных специалистов.

Впервые в жизни я прочувствовал, что значат нормальные человеческие условия учебы и быта в училище. Всегда чисто одеты, хорошо накормлены, твердый армейский распорядок дня, великолепные военные и гражданские преподаватели — все это способствовало отличной учебе и хорошему настроению. Спорту придавалось в училище особое значение: гимнастика, лыжи, коньки, регулярные занятия утренней физзарядкой, бесконечные марш-броски по 30 километров с привалами, в летнее время выезды в военные лагеря — все это закаляло нас и физически, и морально, мы становились настоящими мужчинами.

По всем предметам я имел отличные оценки, особенно любил высшую математику, теоретическую механику, сопромат. Более того, в училище работал целый ряд кружков, где мы с увлечением занимались научными изысканиями.

На первом и втором курсах был у нас командиром дивизиона подполковник Горбань, который в Великой Отечественной горел в танке. Его ранения, шрамы напоминали о его подвигах, отмеченных орденами Ленина, Красного Знамени, Красной Звезды и другими наградами. В то время он был достаточно молод и часто с нами играл в футбол. А когда раздевался и бегал в трусах, нам было не по себе от его ожогов и ран. Мы любили этого мужественного командира и никогда не подводили его. В учебе, спорте, дисциплине наш третий дивизион постоянно занимал первые места.

...Шел 1956 год. Я был уже на третьем курсе училища. Все мы повзрослели, серьезно готовились к самостоятельной службе, приобретая опыт на стажировке, в повседневной жизни

и учебе. Армейская служба сплавляла нас в единое целое, развивая и укрепляя дружбу, товарищество и взаимопомощь.

Проводились у нас регулярно тридцатикилометровые марш-броски с полной выкладкой. Были на курсе и слабаки, которые не дотягивали до финиша. А официально разрешалось оказывать помощь. И вот мы у наших слабачков разбирали кто автомат, кто скатку, кто вещмешок. Смотришь, облегчили всю «выкладку» — и человек дотягивал до финиша. До сих пор помню: в отделении, где я был командиром, служил курсант Пихуля, ну до того слабый, что мы так и думали — когда-нибудь он «дуба даст» на очередном марш-броске. Однако нет: как только мы его разгружали, он набирался сил и дотягивал до финиша. Но иногда мы его тащили под руки. Борьба шла за минуты и даже секунды — на первенство училища.

Этому бедному Пихуле часто доставалось. Однажды в столовой он случайно разлил борщ на стол и облил себя и нескольких человек. Наш строгий старшина Галилов заметил это. После обеда он построил весь дивизион во дворе училища, вывел Пихулю перед строем и объявил ему три наряда вне очереди за «нетактичное поведение с борщом». Ну смеху было, до слез, а у Пихули в карточке учета поощрений и взысканий так и была записана эта необычная формулировка.

Наступили государственные экзамены, выпуск... Окончив училище с отличием и получив красный диплом, я был оставлен на службу в том же училище в должности курсового офицера, то есть командира учебного взвода.

Много воды утекло с тех пор. Немало испытаний жизнью пришлось держать по ходу офицерской службы. И, пожалуй, самое трудное — в Чернобыле.

И вот мы прикованы к постелям в киевской больнице еще очень малоизвестным недугом. Здесь мы с Владимиром Михайловичем Черноусенко постоянно находились под наблюдением опытных специалистов — профессора Романовой А. Ф., Торцевского В. В., Перепельченко А. И., Бобылева Ю. И., Глушковой Л. Т. и многих других врачей, медсестер и обслуживающего персонала. Эти добрые и чуткие люди изыскивали и применяли самые современные способы лечения и препараты. Но порой и они были бессильны. Нас с Володей особенно беспокоила головная боль, которая и теперь еще не совсем пропала. Приступообразный кашель доводил до посинения. Я часто подшучивал над Владимиром Михайловичем, что он, мол, даже в эти трудные минуты остается верен дурной привычке и не выбрасывает папиросу изо рта. «Вроде бы и кашель тебе поделом, — говорил я ему не раз. — А мне-то за что? Ведь с детства я не курил, а тем более — теперь». Тут уж он незамедлительно парировал: «Вы, Николай Дмитриевич, «накурились» до отвала на третьем энергоблоке, в зонах, так что откашливайтесь теперь, пожалуйста, на здоровье».

В эти тяжелые минуты, особенно в ночное время, когда мы оставались одни, а сна практически не было, хоть и принимали снотворное, мы объединялись в одном из боксов и порою всю ночь напролет коротали время в бесконечных беседах. Владимир Михайлович — талантливый ученый-физик. Он в лихую годину добровольно выехал из Киева в Чернобыль и непосредственно занимался вопросами пылеподавления в аварийном энергоблоке, а в период операции по удалению высокорadioактивных материалов с крыш третьего энергоблока и трубных площадок почти все время был со мной в качестве научного консультанта. Солдаты любовно называли Владимира Михайловича «профессором в очках», а за его невозмутимую сосредоточенность еще и Жаком Паганелем. Часами он находился на командном пункте, внимательно следил по телемонитору за технологией работ в процессе операции, потом не торопясь давал разумные советы. Порою подходил как-то незаметно ко мне и тихо-тихо говорил: «Генерал, передохни. Пойдем покурим», — хотя никто, в том числе и он, не курил в этих условиях: это было опасно. Но нам с ним повезло в больнице в том плане, что лежали мы недалеко друг от друга и что его милое и доброе семейство жило почти рядом. Его домочадцы

постоянно навещали, подбадривали нас, рассказывали последние новости. Особенно переживала за здоровье Владимира Михайловича его жена Тая. Она соединяла в себе лучшие черты любящей женщины: непосредственность и обаяние, доброту, готовность разделить страдания мужа, сделать все возможное, чтобы поднять его на ноги.

В период нашего лечения мы с Володей пополнили запас своих медицинских знаний. После каждого медико-психологического анализа нашего состояния обменивались данными по поводу количества лейкоцитов, нейтрофилов, состояния плазматических клеток, ретикуляцитов и т. п. Как-то у меня выявились вдруг какие-то моноклеары. Врачи молчат. И все же мы выпытали у Ларисы Филипповны, что это такое. Было ясно одно: появились какие-то новые образования клеток. Володя замучил меня, повторяя много раз: «Генерал, вы молодеете на глазах». Потом появился какой-то двухъядерный лимфоцит, но тут Володя был бессилён что-либо придумать в насмешку, так же как и по поводу какой-то гиперсегментации нейтрофилов, нейтрофилов с токсической зернистостью, сегментированных моноцитов и моноцитов с вакуализацией цитоплазмы. Даже и Лариса Филипповна теперь нам не давала пояснений. Пришлось «бросить медицину». Володя занялся китайским языком, а я — тренировкой памяти. Из библиотеки мне принесли томики стихов Пушкина, Фета, Тютчева. Память действительно несколько ослабела, и это тоже вызывало некоторое беспокойство. Но ежедневные тренировки, мне кажется, потери восстановили.

В процессе лечения состояние незначительно улучшилось, и нас решено было перевести в клиническую больницу №6 Москвы. Под Новый, 1987 год мы были уже в столице. Перед отъездом тепло поблагодарили врачей, медсестер, обслуживающий персонал. Всю оставшуюся жизнь я буду помнить доброту, внимание и усердие этих чудных людей в белых халатах.

Январь и февраль 1987 года мы с Владимиром Михайловичем провели вновь почти все время вместе. Симптомы болезни оставались и не давали покоя.

Неоднократно проведенная бронхоскопия подтвердила поражение верхних дыхательных путей в результате воздействия недифференцированных профессиональных факторов на эти системы в районах работ в особо опасных зонах на Чернобыльской АЭС. По этому поводу не могу умолчать о своем возмущении от встреч с некоторыми врачами этой больницы. Заведующий пульмонологическим отделением кандидат медицинских наук Северин С. Ф. и его коллеги-пульмонологи прекрасно понимали, каков результат гамма- и бета-воздействия от радионуклидов, и не только на бронхи. Не понять этого было бы просто смешно. Во-первых, радиоактивно зараженные частицы пыли присутствовали в воздухе на командном пункте. Во-вторых, мы беспрерывно выходили в различные радиоактивно опасные зоны. В-третьих, солдаты после выполнения заданий в этих зонах возвращались на тот же командный пункт, с которого уходили. Тут они снимали свою защитную одежду, что увеличивало количество частиц радиоактивно зараженной пыли в наших помещениях. Но солдат пришел и ушел, а мы оставались часами на этом КП. И это длилось более двух недель. Индивидуальные средства защиты органов дыхания типа «Астра» или «Лепесток» были совершенно неэффективны, да и просто примитивны. Прославленные радиологи, в том числе и сам академик Ильин Леонид Андреевич, так и не появились у нас и даже не дали соответствующих советов и рекомендаций. Зато сам Ильин расписал в «Литературной газете» (№ 26, от 19 января 1988 года), что Национальный комитет по радиационной защите делал все возможное для защиты, а они даже толком не знали об этой операции. Вот вам наука и практика. Да и содержание этой статьи противоречило истинному положению дел в Чернобыле.

А теперь известная многим в нашей стране и за рубежом член-корреспондент АМН СССР уважаемая Ангелина Константиновна Гуськова пыталась доказать, что я, видите ли, «громко командовал солдатами» на своем КП в Чернобыле и от этого получил повреждение бронхов. Это было возмутительно. С ней не согласились ни пульмонологи, ни тем более я. Вот ведь как

порою бывает у нас: очень трудно посмотреть правде в глаза.

Казалось бы, зачем особенно скрывать, что в стране отсутствуют эффективные средства защиты, в том числе и органов дыхания, да и не только они?.. Но люди, облеченные властью, отстаивают честь мундира, доказывая, что у нас все есть, все готово и все средства эффективны. А на деле — слова, брошенные на ветер. Ко всему мы притерпелись, а главное — к пустой и вредной говорильне. В действительности мы не были готовы решать задачи в чрезвычайной ситуации. Очень метко подчеркнул Генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Сергеевич Горбачев, что было бы неправильно не видеть определенного усиления сопротивления консервативных сил, усматривающих в перестройке угрозу своим корыстным интересам и целям...

Последствия топтания на месте, застоя и равнодушия куда вреднее и опаснее, чем издержки, которые на какое-то время возникают в процессе творческого созидания или устранения выявленных недостатков.

Я опять вспомнил слова врача-пророка из Киевского института гематологии и переливания крови о том, что у нас теперь все болезни впереди...

В эти трудные минуты жизни рядом были родные, близкие, друзья. Из клиники, как говорится, не вылезали жена, Зоя Ивановна, ее сестры, дочка Лена, сослуживцы. Теперь мы с Владимиром Михайловичем были под опекой моих родных, близких и друзей. Приехала и его жена Тая из Киева. Все это скрашивало в значительной мере наше угнетенное моральное состояние.

А в нашем полку прибыло: на обследование и лечение приехали знакомые черныбыльские товарищи — главный инженер АЭС Николай Александрович Штемберг, Николай Васильевич Карпан, знаменитый непоседа корреспондент АПН Игорь Федорович Костин и многие другие. С Николаем Александровичем Штембергом мы вспомнили случай, когда я его, главного инженера АЭС, погнал было прочь во время операции на третьем энергоблоке. Действительно, был забавный случай. Во время этой операции очень мало было охочих из начальства приходить на третий блок, но храбрые ходили. Однажды при выполнении работ под трубой меня вывели из терпения электронщики из Ленинграда, которые никак не могли выкатить неисправный робот своей конструкции. Они попросили солдат на эту работу. Я им отказал, заявив: «Вон там лежит защита, подгоняйте ее и сами выкатывайте, коль такой глупый ваш робот оказался в зоне». Некоторые из них действительно переоделись, но сил было недостаточно. Они — снова ко мне. А тут смотрю: какая-то группа пижонов в новенькой спецодежде, защитных масках, очках и тоже — ко мне: просят выделить провожатого для выхода в зону работ солдат, посмотреть, мол. Я, повысив голос, сказал, что тут не экскурсионное бюро и некогда заниматься этим, отвлекать людей; словом — «прошу покинуть палубу». Тогда Николай Александрович Штемберг сдернул с лица защиту, обнажив свою бородку, и улыбнулся: «Генерал, это же я!» А я ему в шутку: «Ну и хрен с тобой, что ты. Разве у тебя дела нет? Коль мне доверили эту операцию — чего сюда ходить и мешать?» После такого инцидента пришлось все же разрешить.

Николай Александрович Штемберг — высокообразованный, хорошо профессионально подготовленный специалист по АЭС. Его отличали подчеркнутая интеллигентность, исключительная выдержка, умение держать себя на уровне.

Он внес немалый вклад в подготовку и запуск первого и второго энергоблоков Чернобыльской АЭС. Вот только не пойму, почему не сложились у него отношения с Самойленко Ю. Н. — его заместителем. Это, на мой взгляд, породило дразги и взаимное неуважение. Самойленко пытался всячески его игнорировать, обходил окольными путями, пробивался в Правительственную комиссию, что еще больше вызывало раздражение и недовольство главного инженера АЭС. Эти отношения впоследствии в некоторой степени повлияли на оценку

качества работ по дезактивации крыш третьего энергоблока и трубных площадок. А ведь за этой оценкой стояли тысячи солдат, сержантов и офицеров, которые исполнили свой долг перед Родиной, с честью выполнили решение Правительственной комиссии, сбросив огромную массу высокорadioактивных материалов в развал аварийного реактора. И вдруг какие-то сомнения, недоразумения, а то и самая обыкновенная ложь... Вот к чему могут привести недоверие друг к другу и неуважение даже в такой ситуации. Я не старался вступать в отношения Самойленко и Штемберга и тем более примирять их. Только позже, на больничной койке, я не раз говорил и тому и другому, что оба они не правы, отчего и дело страдает, и люди тоже.

В середине января 1987 года совсем неожиданно к нам в больницу заявили с государственными наградами Самойленко Ю.Н. и Голубев В.В. У Юры на груди сияла золотая медаль Героя Социалистического Труда, а у Вити — орден Ленина. Мы тепло поздравили героев, и было приятно слышать от них, что в этих наградах есть доля заслуги всех наших воинов. Разговор у нас затянулся далеко за полночь, пока заведующий отделением профессор Торубаров Ф. С. не попросил наших товарищей покинуть палату. Они еще не раз бывали у нас, и мы не раз обсуждали всю технологию работ по ликвидации последствий на ЧАЭС, все приемы и способы, рожденные в ходе дела. Немало было проблем и частных задач: как делать все рациональнее, лучше, какими силами и средствами располагать, какую технику иметь, как готовить людей для действий в экстремальных ситуациях.

В наших разговорах и спорах главным оставался человек. Как уберечь его от произвола атомной стихии? Чем защитить от невидимых лучей? Как повысить надежность наших АЭС? И все мы сходились в одном: человек сам изобрел и построил АЭС, другие опасные объекты и поэтому обязательно найдет средства и способы надежной защиты. В этом у нас не было никаких сомнений и разногласий. Авария на Чернобыльской АЭС дала солидный толчок для решения названных проблем. Справедлива русская пословица на этот счет: пока гром не грянет, мужик не перекрестится.

Муторное это дело — лечиться в больнице. За тридцать с лишним лет службы в армии я впервые слег надолго. Уехал мой боевой соратник Владимир Михайлович Черноусенко в свой родной Киев. Мне стало без него очень грустно, хотя были другие чернобыльские товарищи, прибывших на лечение.

Часто не давал покоя Игорь Костин: он и здесь был неугомонным. Вооружившись фотоаппаратом, он в больнице с разрешения Гуськовой А. К. «щелкал» и больных и здоровых. В Чернобыле все мы его уважали не только за то, что он отличный корреспондент, но и за его прекрасные человеческие качества. Ведь надо же, двадцать лет проработал конструктором после окончания Московского инженерно-строительного института, а потом вдруг стал фотокорреспондентом АПН по Украине. Правда, уже с 1965 года он увлекался фотографией, как и многие мальчишки, но перелом в его судьбе произошел только в 1974-м.

Первую съемку аварии четвертого энергоблока Чернобыльской АЭС Костин произвел 28 апреля 1986 года. И весь тот период, с начала мая и до конца года, регулярно отражал ход ликвидации последствий аварии. Особенно много снимков он посвятил мужественной работе воинов. Отснятый им фотоматериал публиковался практически во всех странах мира. Первые публикации уже в мае были помещены в таких журналах, как «Тайм» и «Штерн». Его фотоматериалы о ходе ликвидации последствий аварии вошли в официальный отчет Правительству СССР и МАГАТЭ. Лучшая серия фотографий Игоря Костина «Трагедия Чернобыля» удостоена на выставке «Уорлд прессфото» высшей международной награды «Золотой глаз» (Голландия, Амстердам). Ему же присуждена золотая медаль на «Интер-прессфото» (Ирак, Багдад).

Но и он покинул меня в этой больнице. И все же долечиваться пришлось в своем родном военном госпитале имени Вишневого. Значительная часть недугов была врачами изгнана, но кое-что осталось на память. Не буду утомлять читателя рассказами о пребывании в больницах и

госпиталях.

ЭПИЛОГ

В заключение своих «Чернобыльских записок» я хочу поддержать точку зрения советских ученых-медиков, министра здравоохранения СССР академика Чазова Е.И., академика Ильина Л.А. и члена-корреспондента Гуськовой А.К. по поводу возможных медико-биологических последствий ядерной войны. Эту точку зрения в некоторой степени подтвердили чернобыльские события.

Овладев ядерной энергией, наука совершила подвиг, который открыл перед человечеством невиданные возможности в решении проблем энергетики, медицины, различных отраслей науки и техники. Но вместе с тем ядерная энергия — этот двуликий Янус современности — явилась основой чудовищного оружия массового уничтожения. Могущество цивилизации способно давать людям не только блага, но и служить источником смертельных опасностей для всех народов.

Еще в 20-е годы выдающийся советский ученый академик Вернадский предупреждал: «Мы подходим к великому перевороту в жизни человечества, с которым не может сравниться все им раньше пережитое. Недалеко время, когда человек получит в свои руки атомную энергию — такой источник силы, который даст ему возможность строить свою жизнь, как он захочет... Сумеет ли человек воспользоваться этой силой, направить ее на добро, а не на самоуничтожение?»

В настоящее время, по подсчетам экспертов ООН, на Земле насчитывается 50 тысяч ядерных боеголовок, взрывная сила которых эквивалентна более чем 1 миллиону таких бомб, как сброшенная на Хиросиму. Люди создали и держат в арсеналах такую силу, которая может уничтожить все человечество. Тотальная ядерная война приведет к уничтожению сотен миллионов людей. Резко нарушится инфраструктура мировой цивилизации. Медицина, по заявлению ученых-медиков, окажется бессильной помочь оставшимся в живых. Не об этом ли свидетельствуют уроки чернобыльской аварии, которая ни в какое сравнение не идет с чудовищными последствиями ядерной войны. Фатальные последствия, которые вызвала бы ядерная война, вовсе не из категории фантастических прогнозов. Ни одно государство не будет обойдено стороной, ни один народ. Длительное время никто не пытался оценить возможные климатические изменения после ядерной войны. Долго считалось, что ядерные взрывы действуют на атмосферу примерно так же, как вулканы, которые, извергаясь, выбрасывают огромные облака пыли. Пыль закрывает доступ солнечным лучам, отчего на какое-то время уменьшается количество солнечной энергии, которую получает Земля. В результате температура земной поверхности и атмосферы падает. Но даже самые сильные извержения, как показывает история, не способны снизить среднюю температуру более чем на 0,5 градуса. Ядерная война, как утверждают ученые, приведет к более серьезным климатическим изменениям, в том числе к возможному возникновению ядерной ночи и ядерной зимы.

Основные медико-биологические последствия ядерной войны, по оценкам ученых-медиков, являются наиболее опасными для человечества. Достаточно сказать, что только косвенными последствиями ядерной войны могут быть голод и вспышки эпидемических заболеваний, резкое возрастание общесоматической патологии (особенно инфекционной этиологии — туберкулез, дизентерия, гепатиты и т. п.), возникновение различных психических и психопатологических нарушений и болезней у людей, как непосредственно переживших ядерный удар, так и среди населения государства или региона, вовлеченного в ядерный конфликт. Анализ жертв среди населения Хиросимы и Нагасаки показывает, что в течение первого дня число погибших составило одну треть от общего количества людей, находившихся

в этих городах в момент нападения, а за первые четыре месяца число умерших достигло 47—61%. Среди общего числа смертельных исходов за этот период времени более половины случаев (56 — 70%) приходится па первый день после взрыва.

Особенно опасны отдаленные последствия, к которым медики относят, прежде всего, соматические эффекты, индуцируемые радиоактивным излучением в диапазоне от сублетальных до малых доз облучения. К отдаленным последствиям они относят также и злокачественные опухоли кожи, радиологические эффекты, которые могут появляться не только у облученных людей, находившихся в очаге взрыва, но и среди населения, оказавшегося за пределами зоны непосредственного действия ядерного взрыва и подвергшегося радиоактивному облучению в малых дозах за счет радиоактивных осадков. К категории отдаленных последствий ядерной войны, имеющих непосредственное значение для жизни и здоровья человека, специалисты относят и экологические эффекты.

Краткие сведения по медико-биологическим последствиям ядерной войны неопровержимо свидетельствуют о самой страшной и самой последней трагедии. Она не должна разыгаться на нашей планете.

Всему миру теперь понятно, что ядерная война — это самоуничтожение. И разум человека должен победить. Человек обязан помнить, что ядерная война — не единственное проявление мощи современной цивилизации. Нельзя ставить человечество на грань катастрофы. Существуют, однако, и пока сохранились, к великому сожалению, действия людей, которые приводят или могут привести к такому изменению условий жизни на нашей планете, которые исключат всякую возможность дальнейшего существования цивилизации. Живи, человек, на Земле и радуйся, но живи и помни, что от тебя самого зависит эта жизнь.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо предисловия

Глава 1. Невидимый противник

Глава 2. Рядом с реактором

Глава 3. Человеческий фактор

Глава 4. Когда не справились роботы

Эпилог

Тараканов Николай Дмитриевич

ЧЕРНОБЫЛЬСКИЕ ЗАПИСКИ, ИЛИ РАЗДУМЬЯ О НРАВСТВЕННОСТИ

Художественный редактор *А. Н. Жданов*

Редактор (литературный) *С. В. Аракелов*

Технический редактор *Т. Г. Пименова*

Корректор *Т. В. Жильцова*

Сдано в набор 30.01.89. Подписано в печать 28.04.89. Г-24365.

Формат 84x108/32. Бумага тип. №2. Гарн. обычн. новая. Печать высокая.

Печ. л. 6¹/₂. Усл. печ. л. 10,92. + вкл. — ¹/₂ печ. л., 0,84 усл. печ. л.

Усл кр.-отт. 13,44. Уч.-изд. л. 13,26. Тираж 30 000 экз. Изд. № 1/4524.

Зак. 721. Цена 90 к.

Воениздат, 103160, Москва, К-160.

1-я типография Воениздата.

103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3.